

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 11, No. 4, 2021

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкокс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (КНР)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – M.A. Eskindarov, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, Academician of the Russian Academy of Education;
S.V. Alekseev, *Doctor of History, Professor, Department of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute of Culture; Chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”;*
A.N. Arinin, *Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;*
A.I. Ilinskij, *Doctor of Engineering, Professor, Scientific Chairman of the Faculty of International Economic Relations, Financial University;*
F.A. Lukyanov, *Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia in Global Affairs”;*
I.Y. Novitsky, *Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of the Department of State and Municipal Administration of the International University in Moscow;*
A.V. Ostrovsky, *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;*
V.V. Fedorov, *Cand. Sci. of Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial University;*
V.G. Fedotova, *Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;*
V.F. Schreider, *Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State Duma Committee on the Federal Structure and Local Government, Corresponding-member of the International Academy of Social Science*

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – A.B. Shatilov, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;
Deputy Editor – A.G. Tjurikov, Doctor of Sociology, Head of Department of Sociology, Financial University;
Deputy Editor – Y.A. Pleis, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial University;
S. Yu. Belokonev, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;*
A.N. Zubets, *Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-economic Research, Financial University;*
V.V. Kaftan, *Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University;*
V.A. Lapshov, *Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department of Sociology at Moscow State Linguistic University;*
D.Z. Muzashvili, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications for research work, Financial University;*
A.V. Pachkalov, *Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University;*
D.V. Petrosyants, *Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;*
M.V. Polevaya, *Head of the Department of Psychology and Human Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;*
S.V. Rastorguev, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University;*
G.G. Sillaste, *Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department of Sociology, Financial University;*
K.V. Simonov, *Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Head of Department of Political Science, Financial University;*
A.A. Troshin, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master’s degree and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty, Financial University*

EDITORIAL COUNCIL

D. Baychun, *Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);*
N.M. Dolgoplov, *Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers’ Organizations (Russia);*
T.M. Calvo Martinez, *Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the International Institute of Philosophy in Paris (Spain);*
R. Krumm, *Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia);*
W. McBride, *Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy at Purdue University, Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (USA);*
I. Mamed-Zadeh, *Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan);*

K. Matsuzato, *Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan);*
A.N. Nysanbaev, *Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director of Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan);*
J.-L. Truel, *Doctor of Economics, Associate Professor at Université Paris-Est Créteil, Managing director of International Business Development, Vice-President of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;*
C. Wilcox, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.;*
Cui Zheng, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Research Centre for the Economics and Politics of Transitional Countries, Liaoning University (China)*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»: МИР И РОССИЯ

<i>Парфенов Д.А.</i> Перспективы реализации системы стратегического планирования в современной России.	6
<i>Петров К.Е., Баландин Ю.А.</i> Либерибертарианские движения в США после президентской кампании 2016 года: платформа, кандидаты и методы их продвижения на примере деятельности комитета «Совершенно новый Конгресс»	12
<i>Ореховская Н.А.</i> Сегодняшние стратегические тренды высшего образования для подготовки профессиональной элиты будущего	24
<i>Махаматова С.Т.</i> Либерибертарианство как продолжение ценностного слома. Взгляд из России	30
<i>Вобляя И.Н., Пасалиди А.К.</i> К вопросу коррупционных рисков в период пандемии COVID-19: причины и способы борьбы	37

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Журавлёв Д.А.</i> Клановая структура элит демократического общества.	43
<i>Тюриков А.Г., Большунов А.Я., Большунова С.А.</i> Производство общения как базовый критерий эффективности Межкультурных коммуникаций.	50
<i>Лебедев С.В.</i> Технология воздействия в современных политических коммуникациях: психологические основания.	59
<i>Курилюк Ю.Е., Гаранин Д.А.</i> Конституционные и уставные суды субъектов России в национальной судебной системе: прошлое, настоящее и будущее	66
<i>Ерзылева И.А.</i> Роль вузов в формировании духовных ценностей студентов	73

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Усманова З.Р., Смутькина Н.В.</i> Когнитивные и эмоциональные составляющие образа идеального парламента в сознании российских граждан	77
<i>Ежов Д.А.</i> Политические партии накануне парламентских выборов – 2021: стартовые позиции и электоральные перспективы	83
<i>Цуй Чжэн, Фань Вэньцинь.</i> Ролевое позиционирование и политическая функция российских СМИ	92
<i>Деникин А.В., Деникина З.Д.</i> Перспективы гуманитарного образования: от субъектной к системной рациональности.	102
<i>Замараева Е.И.</i> Конфликтогенность в сфере высшего образования: факторы появления и роста	111
<i>Клементьева М.В.</i> Рефлексия образовательных проектов современных студентов	117
<i>Гаража Н.А., Рзун И.Г., Ирицян Г.Э.</i> Социальные сети как феномен виртуального обучения в условиях информационного общества.	125
<i>Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е.</i> Цифровая трансформация иноязычного образования в оптике ключевых изменений и перспектив развития в современном обществе	133
<i>Брушкова Л.А.</i> Гендерная структура занятости в России как индикатор формирования нового гендерного порядка	139

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

<i>Асонов Н.В.</i> Ключевский как историк и политолог.	144
<i>Шапкин И.Н.</i> Ведущая бизнес-организация позднеимперской России. Съезды представителей промышленности и торговли.	151
<i>Трошин А.А.</i> Дидактическая составляющая PR-сопровождения денежной реформы 1961 года в СССР	158

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Давыдова М.А.</i> Массовые политические протесты в Российской Федерации 2020–2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока	162
<i>Печенкин Н.М., Неткачев К.И.</i> Протестные общественно-политические настроения жителей Дальнего Востока в 2020 году (на примере Хабаровска, Владивостока, Благовещенска)	169
<i>Борковская Е.И.</i> Финансовые инструменты в контексте развития sharing economy	176

CONTENTS

COVER STORY: "THE NEW NORMAL": THE WORLD AND RUSSIA

- Parfenov D.A.** Prospects for the Implementation of the Strategic Planning System in Modern Russia 6
- Petrov K.E., Balandin Yu.A.** Left-libertarian Movements in the United States After the 2016 Presidential Campaign: Platform, Candidates, and Methods of their Promotion Based on the Activities of the "Brand New Congress". Committee 12
- Orekhovskaya N.A.** Contemporary Strategic Trends in Higher Education for Training the Future Professional Elite 24
- Makhamatova S.T.** Libertarianism as a Continuation of the Value Breakdown. View from Russia 30
- Boblaya I.N., Pasalidi A.K.** On the Issue of Corruption Risks During the COVID-19 Pandemic: Causes and Ways to Fight Them 37

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

- Zhuravlev D.A.** The Clan Structure of the Elites of a Democratic Society..... 43
- Tyurikov A.G., Bolshunov A.Ya., Bolshunova S.A.** Communication Production as a Primary Criterion for the Effectiveness of Intercultural Communication..... 50
- Lebedev S.V.** Technology Impact in Modern Political Communications: Psychological Grounds. . . 59
- Kurilyuk Yu.E., Garanin D.A.** Constitutional and Statutory Courts of Constituent Entities of Russia in the National Judicial System: Past, Present and Future 66
- Erzyleva I.A.** The Role of Universities in the Formation of Students' Spiritual Values. 73

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Usmanova Z.R., Smulkina N.V.** Cognitive and Emotional Components of the Image of an Ideal Parliament in the Minds of Russian Citizens..... 77
- Ezhov D.A.** Political Parties on the Eve of the Parliamentary Elections – 2021: Starting Positions and Electoral Prospects 83
- Cui Zheng, Fan Wenjin.** The Role Positioning and Political Function of Russian News Media ... 92
- Denikin A.V., Denikina Z.D.** Prospects of Humanitarian Education: From Subject to System Rationality 102
- Zamaraeva E.I.** Conflict Potential in Higher Education: Factors of Emergence and Growth... 111
- Klementyeva M.V.** Contemporary Students' Reflection of Educational Projects 117
- Garazha N.A., Rzun I.G., Iritsyan G.E.** Social Networks as a Phenomenon of Virtual Learning in the Information Society 125
- Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E.** Digital Transformation of Foreign Language Education in Modern Society in Terms of Key Changes and Development Prospects 133
- Brushkova L.A.** Gender Structure of Employment in Russia as an Indicator of the New Gender Order Establishing..... 139

HISTORICAL EXCURSUS

- Asonov N.V.** Klyuchevsky as a historian and political scientist 144
- Shapkin I.N.** The Leading Business Organization of Late Imperial Russia: Congresses of Representatives of Industry and Trade 151
- Troshin A.A.** The Didactic Component of the PR-support of the 1961 Monetary Reform in the USSR..... 158

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Davydova M.A.** Mass Political Protests in the Russian Federation 2020–2021: Triggers, Technologies, Information Flow Infrastructure 162
- Pechenkin N.M., Netkachev K.I.** Protest socio-political mood of residents of the Far East in 2020 (on the example of Khabarovsk, Vladivostok, Blagoveshchensk) 169
- Borkovskaya E.I.** Financial Instruments in the Context of the Development of the Sharing Economy ... 176

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 11, № 4 (52), 2021

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректор – **С.Ф. Михайлова**
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 553-10-74**
(вн. 10-88)
E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 553-10-73**
(вн. 10-85)
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 11.08.2021
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 20,93 усл. п. л.
Заказ № 664
Отпечатано в Отделе
полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет
Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreader – **S.F. Mihaylova**
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzwa**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 553-10-74**
(internal 10-88)
E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 553-10-73**
(internal 10-85)
e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 11.08.2021
Format 60 x 84 1/8.
Size 20,93 printer sheets.
Order № 664
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-6-11
УДК 338.26(045)

Перспективы реализации системы стратегического планирования в современной России

Д.А. Парфенов

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9169-9205>

АННОТАЦИЯ

В статье ставятся вопросы социально-экономического развития России на основе стратегического планирования. Рассмотрены подходы к сути стратегического планирования, сформированные в современной Российской Федерации – сторонников стратегического подхода и их оппонентов, отстаивающих прогнозный подход к планированию, рассчитанный на краткосрочный и среднесрочный периоды. Доказывается, что обеспечение согласованности взаимодействия государства, перевод государственного управления экономикой на качественно новый уровень возможны на основе масштабной системы планирования, в чем нашей страной накоплен уникальный положительный опыт. В работе также проведен анализ современной системы стратегического планирования РФ, отмечены формальность в формировании целей, недостатки в методическом обеспечении, организации контроля. Автор замечает, что инструментарий, применяемый при разработке и реализации стратегического планирования, серьезно устарел и слабо учитывает российскую специфику.

Ключевые слова: стратегическое планирование; социалистическая экономика; Госплан; экономика государственно-го социализма.

Для цитирования: Парфенов Д.А. Перспективы реализации системы стратегического планирования в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-6-11

ORIGINAL PAPER

Prospects for the Implementation of the Strategic Planning System in Modern Russia

D.A. Parfenov

Lomonosov Moscow State University, Moscow Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9169-9205>

ABSTRACT

The article raises questions of the socio-economic development of Russia based on strategic planning. The approaches to the essence of strategic planning, formed in the modern Russian Federation – the supporters of the strategic approach and their opponents, defending the predictive approach to planning, designed for the short and medium-term, are considered. It is proved that ensuring the consistency of the interaction of the state, transferring the state management of the economy to a qualitatively new level is possible based on a large-scale planning system, in which our country has accumulated a uniquely positive experience. The paper also analyses the modern system of strategic planning of the Russian Federation, notes the formality in the formation of goals, shortcomings in methodological support, organization of control. The author notes that the tools used in the development and implementation of strategic planning are seriously outdated and poorly consider Russian specifics.

Keywords: strategic planning; socialist economy; state planning commission; economy of state socialism

For citation: Parfenov D.A. Prospects for the implementation of the strategic planning system in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):6-11. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-6-11

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная задача государства — обеспечение стабильного экономического и социального развития страны, реализация национально-государственных интересов, жизнеобеспечение населения, его сохранение и развитие. Реализация магистральных задач происходит в условиях преодоления различного рода кризисов, предопределенных как внешними, так и внутренними причинами.

Как показывает мировая практика, благоприятной средой для формирования кризиса является зависимость экономик стран от мировых событий как одного из аспектов глобализации. Стремление государств снизить зависимость от мировых системных кризисов и сохранить собственный суверенитет побуждают правительства к поиску эффективного инструментария управления и планирования.

Современная российская экономика переживает не лучшие свои времена. Падение экономической активности, уровня жизни населения вызваны не только и не столько внезапно охватившей планету пандемией. Длительную экономическую нестабильность России, безусловно, определяют внешние условия: периодически повторяющиеся системные потрясения, структурные изменения в мировой экономике, санкции. Но эти факторы для экономики вторичны и являются ограниченно значимыми. Параметры социально-экономических показателей предопределяются экономической политикой, характером государственного планирования и управления. Именно на эти факторы указывает руководство страны, отмечая, что повышенная турбулентность внешней среды требует принятия эффективных решений, а также выработки гибких стратегий управления, учитывающих логику экономических процессов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Государство стремится проводить внутреннюю политику на основе внедрения новых параметров общественной структуры, функциональных состояний, предпринимает меры по усилению конкурентных позиций в глобальной мировой экономике. Но инструментарий, с помощью которого государство пытается поднять рейтинг России в мировом сообществе, вернуть ее былой авторитет, весьма ограничен: внешнеполитическая активность, ближневосточные достижения, престижные события вроде олимпиады или чемпионата мира по футболу. Но какими бы ни были усилия государства по укреплению позиций страны на мировой политической арене, при слабой экономике страна будет рассма-

триваться соседями преимущественно в качестве сырьевого донора.

К тому же приверженность правящих элит России к западным неолиберальным экономическим концепциям, транслируемым МВФ, привела страну к затяжному кризису, который, по мнению правительства, носит преимущественно финансовый характер.

Устойчивый экономический рост, безопасность страны, достойный уровень жизни граждан — результат, который достигается по итогу планомерных сбалансированных действий, имеющих четкое соотношение с пространством и временем. Но на сегодняшний день руководством страны не разработана социально эффективная программа развития, несмотря на то, что еще в 2014 г. был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», цель разработки которого — обеспечение национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития.

В Законе учтены опыт и результаты стратегического планирования мировой и отечественной практики, определены субъекты деятельности в области государственного прогнозирования, программно-целевого планирования, определен порядок осуществления контроля за реализацией документов государственного стратегического планирования на трех уровнях федеративного устройства РФ.

Но для управленческой практики, долгие годы ориентированной на выполнение задач среднесрочной перспективы, закон не стал органичной частью и вскрыл недостатки не только сложившейся модели государственного регулирования экономики, но и системы исполнительной власти (преобладание ведомственного подхода к решению стратегических задач и игнорирование согласования процедур при выборе управленческих решений), что обусловлено низкой ответственностью за их неэффективность. Кроме того, проекты государственно-частного партнерства не обеспечены организационно-правовыми формами взаимодействия государственного сектора с предпринимательским и институтами гражданского общества, не проработаны механизмы защиты слабо диверсифицированной открытой экономики России от внешних экономических факторов.

Современные подходы к самой сути стратегического планирования сформировали в современной Российской Федерации острую политическую и научную дискуссию, разделив участников на стратегистов и антистратегистов. Противниками стратегического планирования являются поклонники

западных подходов. Их аргументы сводятся к тому, что стратегическое планирование «извращает стратегическое мышление», утратило актуальность и по этой причине «окончательно рухнуло с пьедестала почета», перейдя на вторые и даже третьи роли [1–3]. Антистратегисты отстаивают прогнозный подход к планированию, рассчитанный, по сути, на краткосрочный и среднесрочный периоды с опорой на индикаторы социально-экономического развития — динамику экономики, ее структуру, уровень жизни населения, занятость, рынок товаров и ценных бумаг и т.д. Государству в индикативном прогнозе отводится роль рефери, в обязанности которого вменяется вмешательство только в том случае, если рынок по каким-либо причинам испытывает затруднения и не справляется с задачами [4].

Больше всего сторонников антистратегический подход набирает в органах государственной власти. Свою позицию они аргументируют тем, что мировая экономика переживает период значительного замедления экономического роста, который стал катализатором спонтанных, тяжелых по своим последствиям процессов.

Другой подход отстаивает традиции стратегического планирования советского периода, основанного на балансе интересов, нормативно закрепленных решениях, согласованных стратегических документах федерального и регионального уровней, и уверенно претендует на ведущую теоретико-методологическую основу системы государственного планирования. Обоснованность притязаний подтверждается не только колоссальным опытом ведения Госпланом планового хозяйства в советский период, но и тем, что принцип стратегического планирования положен в основу самых сильных экономик мира, и, как показала практика, стал достойным ответом на глобальные вызовы и риски, во многом определяющими стагнационные явления в экономике¹ [5–7].

Современная российская экономика также переживает не лучшие времена: бесконечная череда санкций, социально-экономические последствия пандемии, падение доходов населения, потребительского спроса требуют гибких стабилизационных планов краткосрочного горизонта планирования с детальной конкретизацией целей и задач. Именно эти обстоятельства являются главным аргументом в пользу стратегического планирования, которое в кризисных ситуациях, угрожающих безопасно-

сти страны, позволяет государству выйти из них с меньшими потерями. Краткосрочный же принцип планирования, напротив, повышает риск ситуативности, придает деятельности государственных структур хаотичный, бессистемный характер, лишает направление развития страны ориентиров и согласованных действий [8].

Без четкого алгоритма взаимосогласованных действий цели и задачи государства остаются на стадии первоначального замысла.

Безусловно, затруднительно применять принципы управления экономикой социалистического государства в условиях рынка, но применение адаптированных к современным условиям наработанных знаний и практик (которые до сих пор с успехом используются многими странами) придают теме новизну и актуальность.

Так, составление прогнозов относительно перспектив развития макроэкономики, обоснование структуры и пропорций национальной экономики возможно осуществлять с применением модели межотраслевого баланса (МОБ), ставшего положительным достижением советской экономики и позволившего в короткие сроки провести ее индустриализацию. Или можно применять прогноз перспектив принимаемых решений в масштабе всего народнохозяйственного комплекса, позволяющий с большой точностью обобщать информацию, поступающую с мест.

Неверно понимание стратегии как чего-то незыблемого. Стратегию следует воспринимать как подвижную интенциональную конфигурацию в национальной экономической парадигме, назначение которой — обеспечить эффективное бескризисное развитие государства.

Изучение опыта стран, экономическое развитие которых осуществлялось на основе стратегического планирования, позволяет сделать вывод о том, что для успешного решения задач и выполнения намеченных целей корреляция между документально оформленными положениями плана и реальными показателями экономической политики не только допустима, но и является неотъемлемым этапом процесса реализации стратегического планирования.

Многими экономически развитыми странами — США, Францией, Японией, Южной Кореей, Китаем — задачи по социально-экономическому развитию и наращиванию инновационной активности в государственном секторе экономики успешно решаются в практике государственного управления на основе обновленных форм страте-

¹ Стратегическое планирование, проблемы и перспективы реализации в системе управления российской экономикой. Сборник статей. М.: Изд-во. ГУП «Экономика»; 2012.

гического планирования, прогнозирования средне- и долгосрочной перспективы.

Так, Франция с 1940-х гг. прошла путь от среднесрочного директивного планирования с периодом на 4–5 лет до индикативного, соответственно, с постепенной сменой приоритетов в развитии экономики, тем самым перейдя от задач по достижению количественных показателей к вопросам совершенствования финансовой политики государства.

В США также освоена практика стратегического планирования от 3 до 5 лет на различных уровнях.

В основу долгосрочных стратегий социально-экономического развития, разрабатываемых странами Северо-Восточной Азии, положены основные принципы: ценностная основа; цели, а также механизмы и ресурсы для их достижения; прогноз влияния деструктивных факторов или обстоятельств.

Китай, встав на путь строительства социализма с китайской спецификой, сохранил практику стратегического планирования, формулируя цели на основе анализа актуальных показателей социально-экономического развития в соответствии с национальными интересами страны.

Япония с 1950-х по 70-е гг. XX в. вела разработку пятилетних планов по фактически марксистской модели, нацеленных на восстановление экономики, которая после окончания Второй мировой войны была на грани катастрофы. К концу 50-х гг. японская экономика вернула свое довоенное состояние, а с 1980-х гг., хотя и отошла от пятилетнего планирования, тем не менее сохранила долгосрочное планирование для отдельных отраслей.

Южная Корея в начале 60-х гг., взяв в качестве основы принцип плановой экономики СССР, приняла программу долгосрочного развития страны на двадцатилетнюю перспективу с последовательным выполнением пятилетних планов социально-экономического развития. Благодаря такому подходу, страна с катастрофическим экономическим положением в течение трех пятилеток превратилась в стабильное государство с сильной экономикой. Пятилетнее планирование сохранялось в Корее до 1984 г. [9].

Анализ зарубежных подходов к государственному стратегическому планированию позволяет выявить общие принципы, положенные в основу государственных стратегий. Прежде всего, это формулирование ценностного основания, высшей цели, масштабного образа будущего национальной экономики, которому подчинена архитектура промежуточных целей, продиктованная национальными интересами, учитывающая возможные факторы

и обстоятельства, способные препятствовать реализации изначального глобального замысла.

Понятие «национальные интересы» включает в себя подсистемы, чьи потребности находят отражение в перспективном планировании — государство, бизнес и личность. Необходимость учета и соблюдения интересов каждой из подсистем обусловлена объективностью общественных отношений, поскольку реализация запросов происходит в условиях взаимосвязанности и взаимозависимости сторон, в точках пересечения интересов.

Каждая из трех подсистем обладает собственными внутренними резервами развития, но успешность социально-экономического развития страны в целом возможна лишь при интеграции сил и ресурсов каждой из них. В условиях, когда по каким-либо причинам происходит доминирование одной подсистемы над другими, общественное устройство деформируется, приобретая неэффективные и деструктивные свойства.

Так, если интересы государства ограничены волей и интересами экономических агентов, действующих преимущественно в ситуации экономической напряженности, просчитать объективность решений невозможно, они принимаются ситуативно. В таких условиях утрачивается перспективное видение экономики, темпы научно-технического прогресса снижаются, разрушается часть социальных институтов.

Неоспоримый факт, что в рыночно ориентированной системе два лидера — государство и бизнес, взаимоотношения между которыми основываются на взаимном интересе: «...государство нуждается в сильной экономике, так же, как и бизнес. И так же, если не больше, в ней нуждается народ» [10]. Более того, до известной степени возникает своего рода смычка между государственными и частными структурами, что является одной из характерных черт государственно-монополистического капитализма.

Как показывает практика, государству в условиях рыночной экономики отводится решающая роль. И в этом нет противоречий в условиях регулирующей роли рынка. Именно государство определяет пути развития общества и в соответствии с ними разрабатывает направления экономической политики. Политическая стратегия, выбранная государством, обеспечивает ему определенную позицию в мировом сообществе, но ее характеристики во многом определяются достижениями экономической стратегии. Следовательно, реализация национальных интересов,

артикулированных в стратегии государства, предопределяет его ведущую роль в корректировке как внешних, так и внутренних функций. Однако большой проблемой может стать ситуация, когда государство в силу преобладающей позиции игнорирует или, более того, подавляет публичные интересы [11].

Таким образом, как показывает анализ, общий интерес не сводится к сумме отдельных интересов. Он формируется в условиях социального консенсуса, когда субъект осознает, что его потребности учтены и будут удовлетворены, но только на условиях объединенных усилий. При таком подходе формируется оптимальный баланс интересов, что существенно снижает риск конфронтации и противостояния сторон, повышая в то же время эффективность планирования.

Недоверие к эффективности стратегического планирования обусловлено во многом характером исполнительской дисциплины субъектов исполнительной власти, низкий уровень которой выявлен Счетной палатой РФ в ходе Стратегического аудита результатов деятельности федеральных органов исполнительной власти в течение 2017–2019 гг.

Проведенные экспертно-аналитические мероприятия позволили прийти к следующим выводам:

- Система стратегического планирования РФ практически отсутствует, она неэффективна, не обеспечена нормативным регулированием.

- Нормативно-правовые акты, должностные регулируют данную сферу, не согласуются между собой, не обеспечивают правовую основу документов, регулирующих как реализацию намеченных национальных целей, так и решение стратегических задач социально-экономического развития страны.

- Цели ставятся формально, а их достижение не контролируется.

- Имеются недостатки в методическом обеспечении, организации контроля.

- Доступность и открытость информации недостаточна².

Кроме того, многочисленные эксперты указывают на то, что инструментарий, применяемый при разработке и реализации стратегического планирования, серьезно устарел, слабо учитывает российскую специфику, что и является серьезным

сдерживающим фактором прогрессивного развития стратегического планирования [12].

ВЫВОДЫ

21 июля 2020 г. президентом России В.В. Путиным был подписан Указ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», основным приоритетом в котором обозначено повышение качества жизни каждого гражданина. В указе отмечено, что принятие новых целей требует изменения, в том числе, и документов стратегического планирования. Реализация стратегического плана осуществляется субъектами политической жизни общества на всех уровнях при условии обеспечения властью разумного баланса их интересов. Важно, чтобы совместные усилия по реализации стратегии были ориентированы на концептуальный образ будущего страны, определяющий совокупность государственных, общественных, экономических институтов, характер взаимоотношений и систему ценностей. Это основополагающее условие, поскольку только взаимодействие, взаимообусловленность целей и действий на основе объединяющей идеи гарантируют экономическую эффективность проводимых мероприятий, лояльность населения. Таким образом достигается устойчивое развитие страны.

При этом необходимо учитывать, что стратегическое планирование — не застывшая форма, требующая скрупулезного, педантичного исполнения без отступлений от намеченных мероприятий. Эффективное планирование не сводится к набору документов, бюрократических процедур. В нем зафиксированы и четко обозначенные механизмы, обеспечивающие взаимовыгодное сотрудничество трех подсистем — власти, предприятий, общества. Деятельность каждой из них должна быть подчинена единой и неизменной цели — общественному благу, достижение которого происходит посредством реализации более гибких промежуточных целей и задач, периодически подвергающихся процедуре ревизии, корректировки, адаптации к изменившимся условиям, с применением накопленного мирового опыта регулирования рыночной экономики.

Достижение устойчивого социально-экономического развития, снижение зависимости страны от глобальной экономической системы, обеспечение национальной безопасности, роста человеческого капитала, высокого качества и уровня жизни возможно только на основе стратегического планирования.

² Бюллетень Счетной палаты № 1 (266). URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/62d/62dcc8a84cd3e28c5a08551477e24bfd.pdf>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Омае К. Мышление стратега: искусство бизнеса по-японски. М.: Альпина Бизнес-Букс; 2007.
2. Mintzberg H. The Fall and Rise of Strategic Planning. *Harvard Business Review*. 1994;(62):107–114.
3. Магданов П.В. Взлет и падение стратегического планирования: аргументы и факты. *Стратегии бизнеса*. 2013;(2):7–13.
4. Клейнер Г.Б. Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России. Стратегическое планирование и управление. М.: Научный эксперт; 2011.
5. Горбатов С.А. Госплан в современной России: миф или реальность? URL: <http://portalnp.ru/2015/04/2557>.
6. Байбаков Н. Современной России нужна система планирования. Независимая газета. 22 февраля 2001 г.
7. Райзберг Б.А. Госплан и рыночная экономика в России. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2019;(4):10–14.
8. Назаров В.П. Стратегическое планирование как важнейший фактор повышения эффективности государственного управления. *Власть*. 2013;21(12):4–11.
9. Заверский С.М., Киселева Е.С., Кононова В.Ю., Плеханов Д.А., Чуркина Н.М. Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России. *Вестник Института экономики РАН*. 2016;(2):22–40.
10. Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира. Пер. с англ. М.: Институт комплексных стратегических исследований; 2005. 448 с.
11. Клейнер Г.Б. От «экономики физических лиц» к системной экономике. *Вопросы экономики*. 2017;(8):56–74.
12. Ларионова А.С. История и инструментарий стратегического планирования в России. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2011;10(34):54.

REFERENCES

1. Omae K. Thinking strategist: the art of business in Japanese. Moscow: Alpina Business-Books; 2007. (In Russ.).
2. Mintzberg H. The Fall and Rise of Strategic Planning. *Harvard Business Review*. 1994;(62):107–114.
3. Magdanov P.V. The rise and fall of strategic planning: arguments and facts. *Strategii biznesa*. 2013;(2):7–13. (In Russ.).
4. Kleiner G.B. Problems of strategic state planning and management in modern Russia. Strategic planning and management. Moscow: Scientific expert; 2011. (In Russ.).
5. Gorbатов S.A. Gosplan in modern Russia: myth or reality? URL: <http://portalnp.ru/2015/04/2557>. (In Russ.).
6. Baybakov N. Modern Russia needs a planning system. *Nezavisimaya gazeta*. February 22, 2001. (In Russ.).
7. Raizberg B.A. State Planning Commission and Market Economy in Russia. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 2019;(4):10–14. (In Russ.).
8. Nazarov V.P. Strategic planning as the most important factor in increasing the efficiency of public administration. *Vlast*. 2013;21(12):4–11. (In Russ.).
9. Zaverskiy S.M., Kiseleva E.S., Kononova V. Yu., Plekhanov D.A., Churkina N.M. Strategic planning of economic development: world experience and conclusions for Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*. 2016;(2):22–40. (In Russ.).
10. Lindblom Ch. Politics and Markets. Political and economic systems of the world. Moscow: Institute for Comprehensive Strategic Studies; 2005. 448 p. (In Russ.).
11. Kleiner G.B. From the “economy of individuals” to the systemic economy. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(8):56–74. (In Russ.).
12. Larionova A.S. History and tools of strategic planning in Russia. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 2011;10(34):54. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Андреевич Парфенов — соискатель Факультета государственного управления, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
parfenov.denis@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Denis A. Parfenov — Post-graduate student, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
parfenov.denis@gmail.com

Статья поступила 11.05.2021; принята к публикации 29.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 11.05.2021; accepted for publication on 29.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-12-23
УДК 32(045)

Леволibertарианские движения в США после президентской кампании 2016 года: платформа, кандидаты и методы их продвижения на примере деятельности комитета «Совершенно новый Конгресс»

К.Е. Петров^а, Ю.А. Баландин^б

^а Финансовый университет, ИМИ МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия; ^б НИУ-ВШЭ, Москва, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0001-9136-2717>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6099-4436>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются эффекты эрозии классической мажоритарной партийной системы, которые раньше описывались практически исключительно для пропорциональных избирательных систем в Западной Европе. Весомый результат независимого политика Берни Сандерса на предварительных выборах президента США в 2016 г. позволил леволибертарианскому движению окрепнуть в рамках структур демократической партии США. В статье показана специфика деятельности комитета политического действия «Совершенно новый Конгресс» (BNC), который в 2018 и 2020 гг. активно включился в борьбу кандидатов на праймериз и поддерживал несколько десятков прогрессистов и леволиберальных кандидатов. Кейс-стади типичных случаев успешных избирательных кампаний леволибертарианских кандидатов позволил выявить их многокомпонентное позиционирование. Было определено 5 ключевых элементов избирательных кампаний леволибертарианских кандидатов, поддержанных BNC: 1) антиистеблишментное позиционирование; 2) ставка на прямое участие, волонтерские штабы и систему краудфандинга как основу финансирования кампании; 3) концентрация ресурсов в округах с наиболее сильной поддержкой демократических кандидатов; 4) мобилизация этнических групп и молодежного избирателя; 5) акцент на личном брендинге и солидаризация с «простым» избирателем.

Ключевые слова: партийные системы; партийная типология; леволибертарианские движения; Берни Сандерс; праймериз; комитеты политического действия; внутренняя политика США

Для цитирования: Петров К.Е., Баландин Ю.А. Леволибертарианские движения в США после президентской кампании 2016 года: платформа, кандидаты и методы их продвижения на примере деятельности комитета «Совершенно новый Конгресс». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):12-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-12-23

ORIGINAL PAPER

Left-libertarian Movements in the United States After the 2016 Presidential Campaign: Platform, Candidates, and Methods of their Promotion Based on the Activities of the “Brand New Congress” Committee

K.E. Petrov^a, Yu.A. Balandin^b

^а Financial University, IMI MGIMO (U) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; ^бNRU-HSE, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-9136-2717>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6099-4436>

ABSTRACT

The article examines the erosion effects of the classical majoritarian party system, which were previously described almost exclusively for proportional electoral systems in Western Europe. The significant result of the independent politician, Bernie Sanders in the 2016 US presidential primary, allowed the left-libertarian movement to gain strength within the structures of the US Democratic Party. The article shows the specifics of the Political Action Committee “Brand

New Congress" (BNC) activities in 2018 and 2020. actively involved in the struggle of candidates for the primaries and supported several dozen progressives and left-liberal candidates. Case studies of typical cases of successful election campaigns of left-libertarian candidates revealed their multi-component positioning. We have identified five key elements of the BNC-supported left-libertarian candidates' election campaigns: 1) anti-establishment positioning; 2) stake on direct participation, volunteer headquarters and the crowdfunding system as the basis for campaign financing; 3) concentration of resources in the districts with the most robust support for democratic candidates; 4) mobilisation of ethnic groups and youth voters; 5) emphasis on personal branding and solidarity with the "simple" voter.

Keywords: party systems; party typology; left-libertarian movements; Bernie Sanders; primaries; political action committees; domestic policy of the United States

For citation: Petrov K.E., Balandin Yu.A. Left-libertarian movements in the United States after the 2016 presidential campaign: Platform, candidates, and methods of their promotion based on the activities of the "Brand New Congress" committee. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):12-23. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-12-23

ВВЕДЕНИЕ

Классическим моделям партийной типологизации, основанным на функциональной (Neumann, 1956; Kitschelt, 1989) или организационной (Duverger, 1954; Panebianco, 1988) дифференциации, становится все сложнее объяснять возрастающую вариативность партийного спектра XXI в. Каскад эффектов постоянно ускоряющейся современности [1] серьезно видоизменил партийно-политический ландшафт и его восприятие исследователями. Укажем несколько таких эффектов: усложнение социальной структуры общества, широкое распространение постиндустриальных ценностей [2], волна демократизации после распада СССР, доминирование социальных медиа как средств коммуникации, фрагментация некогда относительно гомогенного «рабочего класса» [3] и серьезный кризис, разрушающий классический средний класс стран Запада [4].

Классические подходы опирались на изучение развития партийности и партийного взаимодействия в ходе борьбы за власть на национальном уровне в Западной Европе, сложившиеся социальные расколы которой далеко не всегда были релевантны в качестве фактора структурирования партийных систем в «новых демократиях». Это ожидаемое следствие расширения числа наблюдаемых систем, которые чаще всего не имели собственной внутренней логики долгого развития демократических институтов западного образца [5]. Однако с течением времени в XXI в. давление испытывают и наиболее устойчивые и стабильные, классические мажоритарные системы. Так, появление в США достаточно влиятельных леволибертарианских политических структур и популистских полупартийных движений («трамписты» и приверженцы конспирологической идеологии QAnon) можно назвать еще одним отражением

кризиса классической типологизации политических партий. Возникает необходимость описания и осмысления новых политических феноменов в новых категориях и координатах политико-партийного спектра. К условным леволибертарианцам на раннем этапе эрозии партийной системы США (президентство Барака Обамы) можно причислить движение «Occupy Wall Street» с его ставшим знаменитым антиистеблишментным лозунгом «Нас девяносто девять процентов» [6]. Сейчас — это многочисленные сторонники независимого, социалистически настроенного сенатора от штата Вермонт (с 2007 г.) Берни Сандерса и политические структуры наподобие фонда «Совершенно новый Конгресс».

В 2003 г. политологи Ричард Гютнер и Ларри Даймонд предложили принципиально новый подход к типологии политических партий [7]. Продолжая логику исследований Р. Инглхарта [8], объявившего об окончании эры массового влияния больших идеологий и массовых партий при переходе обществ к постиндустриальным ценностям¹, они заявили, что классические типологии более не объясняют политическое поведение и современный партийный спектр. Авторы, большую часть времени посвятившие исследованию новых демократий [9], предложили комплексную классификацию партий на основе трех критериев: 1) формальная организация; 2) декларируемые программные установки; 3) практически наблюдаемые поведенческие паттерны и политическая

¹ Новый политический консенсус и снижение интенсивности военных конфликтов снизили востребованность ценностей безопасности и актуализировали ценности самовыражения, которые размывают традиционные модели политической социализации и формируют запрос на мультикультурализм, защиту окружающей среды и борьбу с расовым и гендерным неравенством.

стратегия. Используя данный подход, ими было представлено 15 типов партий, среди которых особенно примечателен кластер «партий движений» (Movement Parties), включающий в себя постиндустриальные крайне правые партии и леволибертарианские партии. Представленные типы партий-движений в рамках настоящей статьи будут использованы как базовая концептуальная рамка для описания трансформации партийной системы в США: закат партий старого типа и подъем типичных партий-движений нового образца. **Мы сосредоточимся на условном левом фланге спектра и не будем затрагивать проблематику постиндустриальных крайне правых движений и партий.**

Примечательно, что в академической дискуссии на феномен леволибертарианских партий обратили внимание еще в конце 1980-х гг.: Герберт Китшелт связывал рост популярности таких партий с кризисом проекта «государства благоденствия» в Европе и востребованностью экологической повестки из-за рисков распространения ядерной энергетики. Тем не менее тогда считалось, что леволибертарные партии присущи экономически развитым, преимущественно небольшим по территории странам, вставшим на путь обеспечения всеобщего «социального благоденствия» (Австрия, Бельгия, Швейцария и т.д.). В 1990-е гг. предполагалось, что факторы спроса на леволибертарианские партии проигрывают структурным факторам успеха таких проектов в виде пропорциональной избирательной системы и востребованности левой идеологической повестки [10]. Однако уже тогда появление таких партий считалось не ситуативным явлением, но новым долгосрочным трендом, отражающим кризис традиционных партийных структур в Западной Европе. Леволиберальные партии были призваны оппонировать чрезмерно забюрократизированному государству, доминированию «централизованных» групп интересов, а также бесконечному приоритету экономического роста как самоцели общественного развития со стороны мейнстримных политиков [11].

Исследователь Пьеро Игнази рассматривает леволиберальные и крайне правые партии как разные способы ответить на общий кризис партийных систем. Автор вводит понятие «партии новой политики» (от англ. — New Politics parties), которые бросают вызов традиционным массовым партиям за счет более децентрализованной, приближенной к корням организации (от англ. —

grassroot participation) и стремлению отстаивать формы прямого участия в политике. Игнази подчеркивает, что новые партийные структуры не стремятся к «преодолению» либерально-демократического устройства западных обществ, но выступают за улучшение его функционирования за счет развития прямых форм политического участия и отказа от устаревших принципов иерархичности и доминирования авторитета [12].

В свою очередь, Р. Гютнер и Л. Даймонд определяют леволибертарианские партии как «постматериалистические», что роднит их с позицией Р. Инглхарта, основанной на анализе ценностей и установок. Подобные партии и/или движения не подразумевают жесткой системы членства и почти никак не ограничивают возможности граждан принимать участие в их деятельности. Леволибертарианские структуры поощряют формы прямого участия и выступают за социальную солидарность и развитие партиципаторных институтов, оппонировав иерархичным и централизованным классическим партиям. Иными словами, структура сторонников в «партиях движений» неоднородная и децентрализованная, что ослабляет возможности прямого бюрократического контроля в духе закона Р. Михельса. Это отличает леволибертарианские партии от постиндустриальных правых партий (от англ. — postindustrial extreme right parties), которые используют более закрытую модель членства и строгую организационную структуру, контролируемую сильным харизматичным лидером². Сходство между ними заключается в том, что и те и другие оппонировать крупному капиталу, корпорациям и финансовым институтам [13], в целом выступая с антиэблишментных позиций, претендуя на то, чтобы быть голосом простых людей, т.е. настоящими популистами.

Тем не менее успех леволибертарианских партий все еще рассматривается как следствие логики развития пропорциональных избирательных систем. В то же время похожие процессы происходят и в классических мажоритарных демократиях с устойчивыми двухпартийными системами. Существенная разница процесса эрозии состоит в том, что при мажоритарной избирательной системе леволибертарианские силы вынуждены действовать в роли неформального «фланга»,

² Но и тут есть исключения, например, леволиберальное итальянское движение «Пять звезд» опирается именно на энергию и харизму своего лидера Б. Грилло.

как составная часть структуры «больших» традиционных партий, например демократов в США. В двухпартийных системах эффективная стратегия оппонирования мейнстримным партиям будет заключаться не в создании новых структур и открытой битве за электорат, но, скорее, в образовании влиятельных внутренних платформ для попытки «захвата» партийных ресурсов изнутри [14]. Данный подход соответствует оптимизму Гютнера и Даймонда, которые подчеркивают подвижность партийных систем и отсутствие «застывших» раз и навсегда факторов структурирования партийного поля.

Доступные социологические исследования подтверждают гипотезу о том, что в мажоритарных двухпартийных системах происходит фрагментация массовых партий. Социологическое исследование компании Pew Research Center еще в 2017 г.³ выявило четыре категории избирателей, поддерживающих демократическую партию: 1) «убежденные» либералы — белые, экономически обеспеченные избиратели, которые помогают кандидатам финансово и участвуют в протестных акциях; 2) демократы «возможностей» — менее финансово обеспеченные избиратели, которые реже участвуют в протестных акциях, но в большей степени поддерживают существующее перераспределение благ; 3) «благочестивые и разнообразные» демократы — смешанная группа избирателей, состоящая из религиозных избирателей и представителей этнических меньшинств, которые больше всего недовольны распределением благ и находятся в наиболее финансово затруднительной ситуации; наконец, 4) группа — «недовольные демократы», которые в целом недовольны работой правительства как политического института и ощущают свою недостаточную представленность в политике и в целом не считают выборы реальной возможностью влиять на принятие решений. Данная группа выступает за более «активистское» правительство и расширение социальной помощи. Иными словами, характеристика «недовольных демократов» в наибольшей степени соответствует портрету типичного сторонника Берни Сандерса, выступавшему на праймериз 2016 г. против мейнстримного политика Хиллари Клинтон, и оргструктуры «Совершенно новый Конгресс» (от англ. — Brand New

Congress), который недоволен элитами в целом и не видит реальных возможностей влиять на политику в существующей конфигурации.

Следует оговориться, что феномен леволибертарианских политических структур в мажоритарных демократиях является слабо описанным в академическом дискурсе. Преимущественно проблематика таких партий изучается в политиях с пропорциональной избирательной системой, в то время как в традиционных двухпартийных демократиях также происходит эрозия влияния массовых партий. В рамках данной статьи мы предметно рассмотрим структурные и идеологические основания для роста влияния радикальных левых внутри демпартии США методом кейс-стади. Объектом изучения станет деятельность политического комитета (фонда) «Совершенно новый Конгресс» / Brand New Congress (далее — BNC).

«СОВЕРШЕННО НОВЫЙ КОНГРЕСС» (BNC) — ИДЕОЛОГИЯ, КАНДИДАТЫ, ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Одним из ключевых следствий крайне успешной, хотя и не победной кампании Берни Сандерса в 2016 г. в борьбе за номинацию кандидата от демократической партии стало создание фонда или комитета политических действий (PAC) — «Совершенно новый Конгресс». Данный PAC был создан бывшими участниками команды Сандерса под руководством Зака Экли — главного советника Сандерса по вопросам проведения цифровых кампаний (от англ. — digital-campaign) [15]. Организационно данный фонд является представителем так называемых «несвязанных комитетов политических действий». Такой комитет принципиально не аффилирован с какой-либо корпоративной или профсоюзной инфраструктурой. BNC не имеет централизованного источника финансирования и формирует бюджет за счет частных пожертвований. Более того, любой частный жертвователь, который хочет перевести денежную сумму в пользу BNC, обязан подтвердить, что не вносит средства в интересах какой-либо корпоративной структуры⁴.

Важно отметить, что BNC формально не является партийным PAC демократической партии США и даже однажды поддержал кандидата-республиканца — это был Робб Райерс на выборах в палату представителей 2018 г., штат Арканзас, 3 округ. Главным условием для участия в изби-

³ Political Typology Reveals Deep Fissures on the Right and Left. Pew Research Center. 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2017/10/24/political-typology-reveals-deep-fissures-on-the-right-and-left/>

⁴ URL: <https://brandnewcongress.org/>

Таблица 1 / Table 1

Динамика капитализации политической организации BNC / Capitalization dynamics of the political organisation BNC

Период	Бюджет PAC, долл. США
2015–2016 гг.	252,562
2017–2018 гг.	607,364
2019–2020 гг.	707,365

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

рательных кампаниях под эгидой близкого к команде сенатора Б. Сандерса фонда BNC является поддержка ключевых ценностей заявленной леволибертарианской платформы и независимость политика от корпораций. Размещенная на сайте идеологическая и целевая платформа BNC в меру пафосно озаглавлена как «Билль о правах XXI века»⁵:

- Справедливость и равенство для всех и каждого.
- Равный доступ граждан к системе государственного управления и представительным институтам.
- Реформа страхования здравоохранения — увеличение доступности системы охраны здоровья.
- Защита окружающей среды — устранение последствий глобального потепления, противостояние неэкологичным корпорациям.
- Доступное жилье — государство должно взять на себя бремя обеспечения достойными жилищными условиями всех граждан. Лозунг «бездомность — не преступление».
- Доступное государственное образование для всех граждан, начиная с младших классов.
- Обеспечение высокого уровня минимальной заработной платы.
- Инфраструктурная модернизация.
- Свобода рынка труда, поощрение иммиграции.
- Конфиденциальность частной жизни.

Заметно, что декларируемые фондом программные пункты в очень большой степени совпадают с ключевыми характеристиками леволибертарианских партий, выделяемых исследователями. Так, например, присутствует акцент на проблеме перераспределения благ (дистрибутивная справедливость), отражена важность экологической повестки, есть требование расширения мер социальной поддержки и борьбы с неравенством. При этом идеологическая платформа BNC не является полностью статичной и постепенно менялась. В 2017 г. платформа была чуть более радикальной в вопросах внутренней политики и даже затрагивала проблематику международных отношений. К примеру, тогда BNC поддерживала всеобщее введение обязательной медицинской страховки «Medicare»; повышение качества жизни семей; сокращение количества заключенных за счет решения проблемы

уголовной дискриминации меньшинств; реформу иммиграционной системы как инструмента притока рабочей силы и источника экономического роста; а также пацифизм и призыв к прекращению «безрассудных» войн. Антиистеблишментные компоненты BNC выражались в лозунге «Вычистим Вашингтон» (от англ. — «Clean up Washington D.C.») за счет «освобождения политики» от денег и коллегии выборщиков, а также введения альтернативных систем голосования⁶, что удивительным образом совпадает с одним из главных лозунгов Д. Трампа, обещавшего своим избирателям «осушить Вашингтонское болото». Как подсчитано в архиве твитов Д. Трампа, всего за три недели до дня выборов он 79 раз (чаще всего — хэштегом) написал «осушим болото» (от англ. — «Drain the swamp»), имея в виду свой план по наведению порядка в федеральных органах власти⁷.

С 2017 г. BNC является партнером политического комитета «Демократы справедливости» (от англ. — «Justice Democrats»), куда перешли многие лидеры президентской кампании Берни Сандерса, в том числе сооснователь BNC Зак Экли. Идеологическая платформа комитета практически идентична BNC (борьба с неравенством, расширение государственной поддержки образования, здравоохранения и рынка труда, борьба с различными формами дискриминации и т.д.⁸). Как и BNC, «Демократы справедливости» выступают за иной тип политического лидерства, по сравнению с традиционным для демпартии последних лет. Так, предполагается, что все кандидаты финансируют свои кампании за счет прямых

⁵ 21st Century Bill of Rights.BNC. URL: <https://brandnewcongress.org/Platform>.

⁶ Brand New Congress. BallotPedia. URL: https://ballotpedia.org/Brand_New_Congress.

⁷ Trump Twitter Archive. URL: <https://www.thetrumparchive.com/archive>.

⁸ Justice Democrats. URL: <https://justicedemocrats.com/platform/>.

Таблица 2 / Table 2

Характеристика пула кандидатов, поддержанных BNC (2018–2020 гг.) / Characteristics of the pool of candidates supported by BNC (2018–2020)

Год выборов	Число выдвинутых кандидатов	Число кандидатов – победителей праймериз	Число кандидатов – победителей выборов	Средний результат кандидата-праймериз
2018	30	10	1	36,37%
2020	40	10	4	27%

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

пожертвований граждан, а не с помощью денег корпоративных лоббистов и фондов, аффилированных с партийной бюрократией и крупными корпорациями. С точки зрения политического стратегирования главное отличие «Демократов справедливости» от BNC состоит в более точечной поддержке демократических «прогрессивных» кандидатов в штатах с наиболее ярко выраженной поддержкой политиков демократической партии (Калифорния, Нью-Йорк, Массачусетс). Это позволяет концентрировать ресурсы. Так, в 2020 г. фонд «Демократы справедливости» поддержали лишь 15 кандидатов (в отличие от 40 кандидатов, поддержанных фондом BNC), однако в Конгресс прошли сразу 10 из них. Тем не менее «Демократы справедливости» более охотно поддерживают инкубентов, нежели BNC — в 2020 г. комитет поддержал 7 инкубентов из 15 кандидатов на посты конгрессменов в палату представителей, в то время как BNC почти всегда поддерживает исключительно «новичков» в политике.

По данным публичной отчетности Федеральной избирательной комиссии США⁹, финансирование структуры BNC постепенно увеличивается: к примеру, с 2015 по 2018 г. бюджет политической организации BNC увеличился практически в 2,5 раза, до более чем 600 тыс. долл. Затем рост финансирования несколько замедлился и к 2020 г. увеличился лишь на 100 тыс. долл. (табл. 1).

РЕЗУЛЬТАТЫ КАНДИДАТОВ, ПОДДЕРЖАННЫХ ФОНДОМ BNC НА ВЫБОРАХ В ПАЛАТУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США (2018–2020 ГГ.)

Первая крупная кампания для кандидатов, поддержанных BNC, состоялась в 2018 г. — всего ко-

митет поддержал 30 кандидатов. По итогам голосования избирателей, лишь 10 сумели выиграть праймериз, а итоговую победу одержала лишь один кандидат — Александрия Окасио-Кортес в важном 14-м округе, город Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. Кампания 2020 г. стала намного успешнее — в палату представителей было избрано сразу 4 делегата от BNC (все — демократы), причем А. Окасио-Кортес сумела переизбраться в Конгресс на второй срок. Однако число победителей праймериз осталось таким же, как и в 2018 г., несмотря на то, что было делегировано на 10 кандидатов больше. При этом в 2018 г. в среднем делегаты BNC получали намного больший процент голосов, чем в 2020 г. — 36% против 27% соответственно (табл. 2).

На выборах в Сенат в 2020 г. BNC поддержала шестерых кандидатов (все — демократы), и лишь одна сумела выиграть праймериз (Пола Жан Свиренгин — штат Западная Вирджиния), но проиграла республиканскому кандидату. Выборы сенаторов более ценны и традиционно требуют от кандидатов аккумулирования гораздо больших финансовых ресурсов: в случае конкурентных кампаний ценник может легко перевалить за 100 млн долл. [16]. Остальные проиграли внутрипартийную конкуренцию, набрав в среднем 25,5% голосов. BNC поддержала кандидатов на сенаторские посты в Делавэре, Айове, Кентукки, Мэне, Нью-Мехико и Западной Вирджинии.

Электоральная стратегия BNC в разрезе штатов претерпела существенные изменения в 2020 г. — произошел явный сдвиг в пользу поддержки кандидатов в демократических штатах. Как ни странно, во время федеральной избирательной кампании 2018 г. BNC чаще поддерживало кандидатов в республиканских штатах, причем сразу 6 баллотировались в штате Техас. При этом BNC уделяет повышенное внимание колеблющимся

⁹ BRAND NEW CONGRESS. Federal Election Commission. URL: <https://www.fec.gov/data/committee/C00613810/>.

штатам (от англ. — swing/battleground states), которые демонстрируют примерно равную значимость в кампаниях 2018 и 2020 гг. (табл. 3).

Если обратиться к географии избирательных кампаний кандидатов, поддержанных BNC, то обнаруживается любопытная рокировка. Если в 2018 г. больше всего кандидатов было выдвинуто в республиканском Техасе, то в 2020 г. основная ставка была сделана на демократический Нью-Йорк. Последнее может объясняться политическим успехом А. Окасио-Кортес. Во-первых, она стала единственным кандидатом, поддержанным BNC, которая избралась в 2018 г. в палату представителей. Во-вторых, к 2020 г. Окасио-Кортес являлась одним из наиболее популярных и модных молодых демократических политиков. При этом стабильно высокую значимость для кампаний BNC в течение двух федеральных избирательных циклов сохраняют Иллинойс, Вашингтон, Калифорния, Флорида, Мичиган (табл. 4).

BNC – ИСТОРИИ УСПЕХА КАНДИДАТОВ

Александрия Окасио-Кортес (от англ. — **Alexandria Ocasio-Cortez**, далее — АОС: личная аббревиатура, ставшая популярной для краткого обращения к политику в США) «взорвала» политическое пространство Соединенных Штатов после сенсационной победы на праймериз над другим кандидатом от демократической партии — Джо-зефом Кроули, который являлся представителем Нью-Йорка на протяжении практически 20 лет подряд (с 1999 г.). Поражение Кроули (АОС набрала 57,5%, Кроули — 42,5%) стало настоящим шоком и серьезным ударом по партийному истеблишменту демократов. Кроули был не просто «старожилом» политики Нью-Йорка, но рассматривался в качестве преемника Нэнси Пелоси на пост спикера палаты представителей [17]. Биография Окасио-Кортес позволила ей говорить от имени рабочего класса и семей рабочих — дочь выходцев из Пуэрто-Рико, АОС ходила в обычную школу в Бронксе, хотя и закончила Бостонский университет по специальности «международные отношения и экономика». Во время обучения в университете она стажировалась у сенатора Теда Кеннеди. После смерти отца и окончания образования АОС была вынуждена вернуться в Бронкс и подрабатывать в баре официанткой, чтобы помочь матери с борьбой за наследство [18].

В 2018 г. АОС сумела одержать победу на выборах, потратив на кампанию в 10 раз меньше средств — 300 тыс. долл. против 3,3 млн долл.

Таблица 3 / Table 3

География избирательных кампаний BNC / BNC campaign geography

Типы штатов/год	2018	2020	ВСЕГО
Демократические штаты	8	25	33
Республиканские штаты	14	9	23
Колеблющиеся штаты	8	7	15

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

Таблица 4 / Table 4

Ключевые штаты для избирательных кампаний BNC / Key states for BNC election campaigns

Штат/год	2018	2020	ВСЕГО
Нью-Йорк	1	9	10
Техас	6	2	8
Иллинойс	2	3	5
Вашингтон	2	3	5
Калифорния	2	2	4
Флорида	2	2	4
Мичиган	2	2	4
Теннесси	2	1	3

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

у Кроули [19]. Окасио-Кортес сознательно отказывалась от получения пожертвований от крупных корпораций или иных аффилированных РАС. Александрия агитировала за широкую социал-демократическую (а во многом — социалистическую) идеологическую платформу с отстаиванием идей о государственном всеобщем медицинском страховании, федеральной гарантии минимальной планки заработной платы¹⁰, новой экологической политики и т.д. Более того, АОС выступала за упразднение иммиграционной и таможенной службы (ICE), что нашло отклик в округе № 14 (Бронкс — Нью Йорк), который на 40% является латиноамериканским [20]. С точки зрения организации избирательной кампании АОС сделала ставку на кампанию на земле «от двери к двери» и развитую волонтерскую сеть [18], а также на социальные сети — здесь АОС

¹⁰ В настоящее время это, скорее, часть политики отдельных штатов. Минимальная планка заработной платы в час — вопрос, по которому чаще всего проводится региональный референдум.

достигла ошеломляющих результатов: в ноябре 2018 г. у Александрии было почти 1,4 млн подписчиков в Twitter¹¹, что больше, чем у 60 новоизбранных демократов вместе взятых [21]. Отдельно стоит сказать о брендинге АОС — стилистика плакатов напоминала агитационные листовки радикальных левых времен их расцвета в XX в. Также в оформлении агитационных материалов использовался фиолетовый цвет как цвет движения BNC и символ «третьей» силы (смешение традиционных партийных синего и красного цветов). Дополнительно, на плакате были изображены испанские восклицательные знаки («вверх ногами»), а также звезды, которые отсылали к пуэрто-риканскому происхождению АОС [22]. В результате на всеобщих выборах 2018 г. АОС стала конгрессвумен, набрав 78,5% голосов против республиканского кандидата, а в 2020 г. повторила свой успех (72,6% — на праймериз и 71,6% — на всеобщих выборах). Кроме того, она активно поддерживала президентскую кампанию Дж. Байдена, но просила своих избирателей отдать ему голос не от партии демократов, а от аффилированного с ней движения «рабочие семьи», поскольку законодательство штата Нью-Йорк позволяет одному кандидату выдвигаться сразу от нескольких политических партий или движений.

Кори Буш (от англ. — **Cori Bush**). Политическая история Кори Буш начинается в 2014 г., когда афроамериканская активистка стала одним из лидеров протестного движения в Фергюссоне (Миссури) после убийства белым полицейскими чернокожего подростка Майкла Брауна [23]. После тех событий Кори Буш — выпускница лютеранской школы и медсестра — продолжила активистскую деятельность и в 2016 г. впервые приняла участие на выборах в качестве кандидата: она баллотировалась в Сенат и заняла второе место на праймериз демократов. В 2018 г. Буш бросила вызов Лейси Клэю на выборах в нижнюю палату Конгресса — представителю политической династии Клэев, которая с 1969 г. удерживает контроль над округом № 1 в Миссури (отец — Билл Клэй являлся конгрессменом от округа с 1969 по 2001 г., а его преемником стал сын Лейси Клэй). Тем не менее Буш проиграла праймериз, набрав 37% (Клэй получил 56,7%). При этом Буш не получила мощной публичной поддержки от АОС, поскольку до этого Лейси Клэй поддержал «Новый зеленый

курс» и подключил Александрию к разработке новых экологических законопроектов [24]. Через два года Буш вновь приняла участие в праймериз и на этот раз победила Клэй с результатом 48,6% (Клэй набрал 45,6%), а затем одолела республиканского кандидата, став первой афроамериканской конгрессвумен от Миссури. Во многом Буш сумела победить за счет расовой повестки и проблематизации полицейского насилия после убийства Джорджа Флойда в Миннеаполисе. Мобилизация движения «Black Lives Matters» актуализировала политический профиль Буш как борца за права угнетенных и борца с полицейским произволом (Буш часто упоминала тот факт, что сама пострадала от полицейских в 2014 г.). Позиционирование усиливалось за счет крайне непростой биографии Буш — она развелась с мужем и в одиночку воспитывает двоих детей, причем несколько месяцев была вынуждена жить в своем автомобиле¹².

Джамаал Боуман (от англ. — **Jamaal Bowman**). Кандидат в 16 избирательном округе (Нью-Йорк — Бронкс: 34% афроамериканцев, 32% — белых, 24% — латиноамериканцев), 44-летний афроамериканский педагог Джамаал Боуман сумел одержать победу над инкубентом — ветераном демократической партии Элиотом Энгелем (потомок украинских евреев из Российской империи). Идеологическая платформа Боумана во многом соответствовала повестке АОС: «Medicare» для всех, реформа уголовного правосудия, борьба с неравенством. Боумана поддержали ключевые представители «прогрессивного» крыла демпартии: Э. Уоррен, Окасио-Кортес, Берни Сандерс. Тем не менее, несмотря на явную принадлежность Энгеля к истеблишменту, его повестка во многом совпадала с программными пунктами Боумана — Энгель также поддерживал программу «Medicare», борьбу с климатическими изменениями и развитие государственных программ помощи (например — в сфере жилищных вопросов). В этой связи Боуман сделал ставку на критику инкубента за провал в борьбе с COVID-19: в Бронксе и Вестчестере от коронавируса на тот момент погибло более 4500 человек. Боуман критиковал оппонента за редкое присутствие в округе из-за длительного пребывания Энгеля в своих фермерских владениях в Мэриленде (якобы, Энгель последний раз был в округе в марте 2020 г. [25]).

¹¹ URL: <https://www.documentcloud.org/documents/5316865-2019-Freshmen-Twitter.html>.

¹² Once homeless, Cori Bush ousts 20-year Rep. Lacy Clay in Missouri primary: “They counted us out”. CBS News. URL: <https://www.cbsnews.com/news/cori-bush-missouri-defeats-incumbent-lacy-clay-democratic-primary-election/>.

Также Боуман обратил внимание на тот факт, что Энгель является одним из главных лоббистов оборонного сектора США в Конгрессе, от которого получил более 200 тыс. долл. на избирательную кампанию, в том числе, от гигантов типа Lockheed Martin и Raytheon. В целом Энгель собрал более 1,6 млн долл., в то время как Боуман — чуть более 500 тыс. долл. [26]. Дополнительно Боуман построил свое позиционирование в мобилизацию расового вопроса в рамках движения в защиту прав афроамериканцев и других «небелых» меньшинств — «Black Lives Matter». Для этого политик часто напоминал об истории из своего детства, когда пострадал от полицейского насилия. Таким образом, несмотря на поддержку Энгеля со стороны Б. Обамы, Н. Пелоси, Х. Клинтон и М. Куомо, Джамаал Боуман сумел прервать тридцатилетнее пребывание инкумбента в Конгрессе (Энгель впервые был избран конгрессменом в 1989 г.), победив с результатом 55,4% против 40,6%. Боуман сумел привлечь для финансирования кампании более миллиона долларов от нескольких общественных комитетов (PACs), в том числе, «Working Families Party» и «Justice Democrats [27]».

Рашида Тлаиб (от англ. — **Rashida Tlaib**). Тлаиб получила степень бакалавра по политическим наукам, а также окончила юридическую школу. Родилась в семье палестинских рабочих-иммигрантов в Детройте, является старшей в семье из 14 детей. Во время избирательной кампании 2018 г. Тлаиб часто упоминала трудное детство — семья жила в бедности, а Тлаиб было тяжело учиться из-за плохого знания английского языка [28]. Тлаиб активно выступала против дружественной политики США в отношении Израиля, а также являлась одним из наиболее ярких сторонников импичмента президента Трампа. Первый выходец из Палестины в истории американского Конгресса (а также первая женщина-мусульманка в Конгрессе вместе с И. Омар) — Рашида Тлаиб несколько отличается от других победителей «прогрессивного» крыла демократов. Тлаиб нельзя назвать новичком в политике, поскольку до победы на выборах в палату представителей в 2018 г. (тогда — без поддержки BNC) она являлась парламентарием Мичиганской палаты представителей (2009–2014 гг.). При этом в Мичиганский «Конгресс» Тлаиб попала как преемник прошлого представителя округа — Стива Тобокмана. В 2020 г. Тлаиб удалось собрать 3 млн долл. США на избирательную кампанию, в то время как ее оппонент собрала лишь 165 тыс. долл. США Бо-

лее того, Тлаиб удалось заручиться поддержкой Ненси Пелоси (хотя ранее между политиками был конфликт), а также добиться дополнительного финансирования своего округа в рамках борьбы с последствиями коронавируса [29]. Тлаиб избрана в округе № 13 (Мичиган), который включает в себя районы города Детройт с преимущественно афроамериканским населением (56,3%).

Таким образом, **общий генезис кандидатов-победителей, поддержанных движением BNC, можно представить как многокомпонентный с преобладанием нескольких ключевых элементов:**

1. **Антиистеблишментное позиционирование** — кандидаты практически во всех случаях (кроме Тлаиб) не имели политического опыта (не занимали каких-либо выборных постов) и победили «старожилов» своих избирательных округов, которые являлись конгрессменами не менее 20 лет (Клэй — с 2001 г., Кроули — с 1999 г., Энгель — с 1989 г.). При этом кандидаты от BNC акцентировали внимание на своем «простом» происхождении, активно критиковали засидевшихся и «забронзовевших» инкумбентов.

2. **«Прямая демократия»** — кандидаты, поддержанные BNC и ставшие конгрессменами, выстраивали свою кампанию за счет прямых частных пожертвований от граждан и активистов, принципиально не получали финансирование от корпоративных лоббистов и организовывали агитацию за счет волонтерских движений, масштабного использования социальных медиа и контента личных блогов, а также волонтерской кампании «от двери-к-двери».

3. **Ставка на «супердемократические» округа** — с 2020 г. BNC на выборах в Палату представителей в основном делает ставку на те округа, где исторически поддержка демократов очень сильна. Это означает, что полноценная избирательная кампания разворачивается во время партийных праймериз — достаточно продемонстрировать «прогрессивность» кандидата и отсутствие аффилированности с истеблишментом демократов, чтобы мобилизовать электоральную поддержку. Такой подход позволяет практически не тратить ресурсы на официальные всеобщие выборы, поскольку республиканцы не побеждают в округах в Нью-Йорке или Калифорнии практически никогда.

4. **Мобилизация этнических групп и молодежного избирателя** — все кандидаты, поддержанные BNC и победившие на выборах

в 2020 г., являются представителями этнических или религиозных меньшинств. Это позволяет претендовать на мобилизацию небелого (от англ. — non-white) электората, который преобладал в избирательных округах кандидатов-победителей от BNC. Более того, активное использование платформ популярных социальных медиа и волонтерского движения, а также молодость самих кандидатов BNC мобилизует молодежного избирателя, который в среднем неохотно ходит на выборы и склонен к абсентеизму.

5. Личный брендинг и солидаризация с простым избирателем. Все кандидаты во время агитационных мероприятий упоминали о тяжелом детстве и необходимости бороться с социальным неравенством и структурным расизмом. Это позволяло четко отстраниться от образа элитных политиков и разговаривать с электоратом на их языке.

Выводы

Неожиданная победа неопита в политике, бизнесмена и шоумена Дональда Трампа, не имевшего в своей карьере ни одного выборного поста, от республиканцев и удивительно высокий результат социалиста Берни Сандерса от демократов на партийных праймериз 2016 г. прямо и недвусмысленно указали на значимость антиистеблишментного позиционирования. Более того, если бы не подстраховочный инструмент демократической партии в виде суперделегатов, назначаемых сверху с помощью партийной верхушки, Хиллари Клинтон могла бы и проиграть праймериз независимому и просоциалистическому Б. Сандерсу. Академические исследования обнаруживают устойчивую корреляцию между уровнем недоверия к правительству и склонностью избирателей голосовать за Д. Трампа и Б. Сандерса на праймериз [30]. Рост социального неравенства, в котором выражается кризис модели глобализации, падение доходов среднего класса [31] и низкая идеологическая различимость истеблишмента демократов и республиканцев¹⁵ привели к росту популярности «кандидатов-повстанцев». Их более радикальное идеологическое позиционирование наложилось на общую неудовлетворенность избирателей правящими элитами.

Генезис успеха структур «новых демократов» и платформы «Совершенно новый Конгресс» в це-

лом укладывается в текущую академическую дискуссию относительно факторов популярности леволибертарианских платформ. Ключевой составляющей является антиистеблишментная направленность — «новые демократы» побеждали на праймериз и выборах за счет антиэлитного позиционирования и демонстративного отсутствия связей с многолетними местными партийными лидерами, «забронзовевшими» и оторвавшимися от интересов и чаяний обычных избирателей, обывателей. Такие кандидаты не делали ставку на строгую формальную иерархизацию работы с избирателями, но придерживались ценностей прямой демократии и децентрализованного политического участия. Однако есть и отличия от предлагаемой модели классификации Даймонда: именно в США леволибертарианские платформы очень близко подошли к объединению с другим типом партий — этническими, и такая гибридность также способствовала их успеху в штатах, где этническое разнообразие в силу миграционных и демографических процессов максимально (Нью-Йорк, Калифорния).

Стиль работы с социальными медиа дополнительно отражает ценности прямого участия для леволибертарных партий — предвыборный штаб Берни Сандерса создал гибридную экосистему организации онлайн-активности своих сторонников. С одной стороны, существовал пул официальных страничек в социальных сетях, управление которыми осуществлялось централизованно. С другой стороны, параллельно действовала неформальная группа активистов, которая децентрализованно распространяла более таргетированный, любительский контент, диверсифицируя различные «роли» политического активизма [32]. Тем не менее преимущественное участие «новых демократов» в традиционно либеральных штатах оспаривает тезис исследователей о превалировании структурных факторов над факторами спроса при оценке вероятности успеха леволибертарианских проектов. В действительности электорат «новых левых» пока имеет ярко выраженные паттерны локализации в определенной группе избирательных округов, что является вызовом для масштабирования политического влияния. Однако по мере нарастания социального неравенства и недовольства истеблишментом факторы личного брендинга и вовлечения новых категорий меньшинств могут расширить электоральное поле для леволибертарианских платформ, еще больше соединить их повестку с повесткой партий этнического типа.

¹⁵ Political Typology Reveals Deep Fissures on the Right and Left. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2017/10/24/political-typology-reveals-deep-fissures-on-the-right-and-left/>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис; 2011. 352 с.
Giddens E. Consequences of modernity. Moscow: Praxis; 2011. 352 p. (In Russ.).
2. Inglehart Ronald F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. 2008;31:(1–2):130–146. DOI: 10.1080/01402380701834747
3. Мелешкина Е. Социальная стратификация и политическая Western Publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. 2008;31:(1–2):130–146. DOI: 10.1080/01402380701834747
Meleshkina E. Social stratification and political Western Publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. 2008;31(1–2):130–146. (In Russ.). DOI:10.1080/01402380701834747
4. Fukuyama F. The future of history: can liberal democracy survive the decline of the middle class? *Foreign affairs*. 2012;91(1):53–61.
5. Linz J.J. Transitions to democracy. *Washington Quarterly*. 1990;13(3):143–164.
6. Van Gelder Sarah, ed. This changes everything: Occupy Wall Street and the 99% movement. Berrett-Koehler Publishers; 2011.
7. Gunther R., Diamond L. Species of political parties: A new typology. *Party politics*. 2003;9(2):167–199.
8. Inglehart R. Modernization and postmodernisation in 43 societies. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Modernization-and-Postmodernization%3A-Cultural%2C-and-Inglehart/aae327c6e142861dacda6a4b3345d095ffec4ce>.
9. Diamond L.J., Linz J.J., Lipset S.M., eds. Democracy in developing countries: Latin America. Vol. 4. London: Rienner; 1989.
10. Redding K., Viterna J.S. Political demands, political opportunities: Explaining the differential success of left-libertarian parties. *Social Forces*. 1999;78(2):491–510.
11. Kitschelt H.P. Left-libertarian parties: Explaining innovation in competitive party systems. *World Politics: A Quarterly Journal of International Relations*. 1988;40(2):194–234.
12. Ignazi P. The crisis of parties and the rise of new political parties. *Party Politics*. 1996;2(4):549–566.
13. Inglehart R.F., Norris P. Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash. URL: <https://ideas.repec.org/p/ecl/harjfk/16-026.html>.
14. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике?» *Полит. Политические исследования*. 2017;(3):8–29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>
Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. “Mainstream” politics and its alternatives in the modern Western world: on the way from the global economic crisis to “impossible politics?” *Policy. Political Studies*. 2017;(3):8–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>
15. Sifry M. How the Sanders Campaign Is Reinventing the Use of Tech in Politics. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/how-the-sanders-campaign-is-reinventing-the-use-of-tech-in-politics/>.
16. Казанцев А.А., Петров К.Е. Как выигрывают выборы в США, Великобритании и Евросоюзе. Анализ политических технологий. М.: ООО «Паблис»; 2015. 480 с.
Kazantsev A.A., Petrov K.E. How do you win elections in the United States, Great Britain and the European Union? Analysis of political technologies. Moscow: Pablis; 2015. 480 p. (In Russ.).
17. Kane P. In the shadow of Nancy Pelosi, Joseph Crowley campaigns — but for what? URL: https://www.washingtonpost.com/powerpost/in-the-shadow-of-nancy-pelosi-joseph-crowley-campaigns-without-a-target/2018/02/08/04694d92-0b95-11e8-8b0d-891602206fb7_story.html.
18. Gambino L. Alexandria Ocasio-Cortez: Who is the new progressive star of the Democrats? URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/27/alexandria-ocasio-cortez-who-is-she-democrats-new-york-life-career-policies>.
19. Harris L. In historic upset, 28-year-old Alexandria Ocasio-Cortez unseats 4th ranking House Democrat Joe Crowley. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/historic-upset-28-year-alexandria-ocasio-cortez-unseats/story?id=56188380>.
20. Gambino L., Jacobs B. Democrats see major upset as socialist beats top-ranking US congressman. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/26/democrats-primaries-upset-joe-crowley-alexandria-ocasio-cortez>.
21. McCammond A. Alexandria Ocasio-Cortez has as much social media clout as her fellow freshman Democrats, combined. URL: <https://www.axios.com/alexandria-ocasio-cortez-twitter-followers-house-democrats-d7818025-a1a5-444d-a598-b5983021e92b.html>.

22. Budds D. The brilliance of Alexandria Ocasio-Cortez's bold campaign design. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2018/7/2/17519414/ocasio-cortez-campaign-design-campaign-posters-tandem-branding>.
23. Дудина Г. Фергюсон отметил годовщину убийства полицейским чернокожего подростка. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2785860>.
Dudina G. Ferguson celebrated the anniversary of the murder of a black teenager by a police officer. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2785860>. (In Russ.).
24. Fandos N. Cori Bush Defeats William Lacy Clay in a Show of Progressive Might. URL: <https://www.nytimes.com/2020/08/05/us/politics/cori-bush-missouri-william-lacy-clay.html>.
25. Dove E. Why This Democrat Won't Go Home. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/05/eliot-engel-new-york-coronavirus/611611/>.
26. Lacy A. At debate, progressive Jamaal Bowman hits Israel hawk Eliot Engel's defense industry backing. URL: <https://theintercept.com/2020/05/26/eliot-engel-primary-defense-industry-pro-israel/>.
27. McKinley J. Jamaal Bowman Proves Ocasio-Cortez Was No Fluke. URL: <https://www.nytimes.com/2020/07/17/nyregion/jamaal-bowman-eliot-engel.html>.
28. Burke M. Dem would be first Muslim woman in Congress, if elected. URL: <https://www.detroitnews.com/story/news/politics/2018/02/06/tlaib-campaign-congress/110148222/>.
29. Broadwater L. Rashida Tlaib Cruises to Victory in a Primary Rematch. URL: <https://www.nytimes.com/2020/08/05/us/politics/rashida-tlaib-primary-results.html>.
30. Dyck J. J., Pearson-Merkowitz S., Coates M. Primary distrust: Political distrust and support for the insurgent candidacies of Donald Trump and Bernie Sanders in the 2016 primary. *PS: Political Science & Politics*. 2018;51(2):351–357.
31. Hirsh M. Why Trump and Sanders Were Inevitable. Politico. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/02/why-donald-trump-and-bernie-sanders-were-inevitable-213685/>.
32. Penney J. Social media and citizen participation in “official” and “unofficial” electoral promotion: A structural analysis of the 2016 Bernie Sanders digital campaign. *Journal of communication*. 2017;67(3):402–423.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кирилл Евгеньевич Петров — кандидат политических наук, доцент ДПИМК, Финансовый университет, Москва, Россия; старший научный сотрудник ИМИ МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия
orkir@mail.ru

Юлиан Андреевич Баландин — аспирант НИУ ВШЭ Факультета социальных наук, Департамент политики и управления, приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ, Москва, Россия
balandin.yulian@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Kirill E. Petrov — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Financial University; Senior Researcher, IMI MGIMO (U) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
orkir@mail.ru

Yulian A. Balandin — Postgraduate Student, Higher School of Economics, Faculty of Social Sciences, Department of Politics and Management; Visiting Lecturer, Higher School of Economics, Moscow, Russia
balandin.yulian@gmail.com

Статья поступила 12.05.2021; принята к публикации 30.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.05.2021; accepted for publication on 30.05.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-24-29
УДК 378.147.88(045)

Сегодняшние стратегические тренды высшего образования для подготовки профессиональной элиты будущего*

Н.А. Ореховская

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8390-5275>

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы связана с необходимостью теоретического анализа стратегических направлений высшего образования при подготовке профессиональной элиты в современных условиях. Развивающийся в настоящее время процесс глобализации приводит к расширению взаимосвязей и взаимозависимостей различных народов, в том числе в части переоценки функции образования как системы, формирующей ценностные парадигмы современного общества. В условиях перехода к информационному обществу появляются и развиваются новые формы образования, такие как дистанционное образование и экспорт образовательных услуг. В статье представлены обзоры социологических и статистических данных в сфере развития и результатов реализации международного сотрудничества в области высшего образования. При определении ключевых категорий автор обращается к нормативным документам и мнениям ведущих ученых в области образования.

Ключевые слова: профессиональная элита; универсальные компетенции; гуманитаризация образования; дистанционное образование; международное сотрудничество

Для цитирования: Ореховская Н.А. Сегодняшние стратегические тренды высшего образования для подготовки профессиональной элиты будущего. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):24-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-24-29

ORIGINAL PAPER

Contemporary Strategic Trends in Higher Education for Training the Future Professional Elite**

N.A. Orekhovskaya

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8390-5275>

ABSTRACT

The need conditions the relevance of the work for a theoretical analysis of the strategic directions of higher education in the preparation of the professional elite in modern times. The currently developing process of globalization leads to the expansion of the interrelationships and interdependencies of various peoples, including in terms of revaluation of the function of education as a system that forms the value paradigms of modern society. In the context of the transition to the information society, new forms of education are emerging and developing, such as distance education and the export of educational services. The article presents reviews of sociological and statistical data in the field of development and results of international cooperation in the field of higher education. In determining the key categories, the author refers to the normative documents and opinions of leading scientists in the field of education.

Keywords: professional elite; universal competencies; humanitarisation of education; distance education; international cooperation

For citation: Orekhovskaya N.A. Contemporary strategic trends in higher education for training the future professional elite. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):24-29. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-24-29

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of the Scientific Fund of the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе, начиная с научно-промышленного комплекса и заканчивая сферой духовности, обнаруживается потребность в воспитании профессиональной элиты. Вопрос не ограничивается подготовкой рабочей аристократии — высококлассных слесарей-инструментальщиков, токарей-универсалов и т.д. Необходимо возвращать ученых, политиков, медиков, педагогов, юристов, экономистов и представителей творческой богемы.

Французское слово «elite» означает «лучший, избранный». Элита — это те, кто ставит перед собой сверхзадачи. Не заработать миллиард и насладиться властью, а изменить этот мир.

Профессиональная элита — это специалисты, задающие обществу образцы и высшие планки профессионализма. Ключевой задачей высшей школы должна стать подготовка такой элиты — эволюционный процесс, который растянется на годы.

С древнейших времен вопрос формирования элиты был актуален для любого общества. Но англичане первыми в Европе озаботились проблемой централизованной подготовки элиты. Английская система воспитания серьезно отличалась от «континентальной», в первую очередь — немецкой. Англичане считали, что основное качество, необходимое для элиты, — жесткий кодекс ценностей, целеустремленность и характер. Джентльмен может не знать латынь, но у него есть «жесткая верхняя губа», т.е. он способен владеть собой в любой ситуации. Откуда и берет начало знаменитая «английская невозмутимость».

Подготовка военной и политической элиты Британской империи производилась в таких учебных заведениях, как Итон, Оксфорд, Кембридж, не случайно называемых «кузницей джентльменов». Это были школы закрытого типа с полным пансионом, т.е. оторванные от семьи будущие джентльмены жили там все время, кроме летних каникул [1].

В России политическую и военную элиту формировали по примеру Великобритании. Уже к началу XIX в. политическая элита была сформирована. Дворянство составляло 90% офицерского корпуса и 75% общей численности классных чиновников (<https://history.wikireading.ru/342879>). Высшая бюрократия в своей подавляющей части состояла из представителей потомственного дворянства.

Отличительными чертами кадровых офицеров царской армии были высокий боевой дух и готовность к самопожертвованию. Очень много для кадровых военных значило понятие «честь офицера». Эта особенность передалась «по наследству» и офицерскому корпусу Советской Армии. Все эти элиты формировались в закрытых образовательных системах, попасть в которые извне было практически невозможно.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В новых условиях меняется отношение к воспитанию элиты. В XXI в. «закрытость» — элитарность учебных заведений — проявляется не только в следовании традициям оторванности воспитанников от родительского дома, но в большей мере — в создании определенных условий образования.

Сегодня элитные школы и университеты — это маяки образования и пространство для методических экспериментов. Они зачастую спонсируют одаренных детей, независимо от статуса их родителей. Они идут на бесплатное обучение и выплату стипендий таким ученикам, ведь одаренные дети, получающие здесь образование, поднимают уровень и престижность самих школ. Воспитывая яркие таланты, не только спонсоры, но и общество в целом приобретает массу выгод, тем более, когда вопрос касается крупных корпораций и государства. Выпускники таких школ становятся резервом, пополняющим штаты сотрудников ведущих компаний, исследовательских институтов и просветительных учреждений, а значит, повышается и их корпоративный имидж.

Талантливую молодежь ищут по всему миру, и сфера деятельности значения не имеет [2]. Идет настоящая охота на будущих политиков и бизнесменов, ученых и представителей творческих профессий. Происходит отток квалифицированных молодых специалистов из стран второго и третьего мира [3, с. 91].

Так, например, по данным, отраженным в докладе Министерства внутренней безопасности США по программе образования и студенческому обмену (SEVP), на март 2018 г. в стране с неиммиграционным статусом обучалось 1,2 млн студентов из 229 стран. Почти половина из них (925 349) приехали из Азии: Китая и Индии. Студентов из Европы, в том числе из России, Украины и Беларуси — 85 094, из Северной Америки — 63 380, из Южной Америки — 61 895, из стран Африки — 54 000 (<https://business-visa-usa.ru/>

blog/immigration/item/168-inostrannye-studenty-v-ssha-v-tsifrah).

Самыми привлекательными для иностранных студентов (топ-5) являются: Нью-Йоркский университет, Университет Южной Калифорнии, Северо-Восточный Университет в Бостоне, Колумбийский университет и Университет Иллинойса. Необходимо отметить, что до настоящего времени в России отсутствует целенаправленная политика по раскрутке за границей наших гуманитарных и обществоведческих направлений, поэтому иностранные абитуриенты, выбирающие образование в России, в своем большинстве предпочитают стандартные варианты — технические и медицинские направления подготовки [4, с. 11].

Возвращаясь к вопросу экспорта образовательных услуг, нужно отметить, что с появлением интернета стало популярным дистанционное обучение, открывшее новые возможности для самообразования [5]. Вначале оно воспринималось лишь как дополнительный способ приобретения знаний или подготовки к экзаменам, но в связи с распространением эпидемии COVID-19 и введением карантина возникла необходимость в переходе на дистанционное обучение «здесь и сейчас». Перед новой эпидемиологической угрозой некогда было рассуждать о возможности или невозможности, о плюсах и минусах новых форм образования, необходимо было предотвратить срыв учебного процесса [6]. Попав в ситуацию новой реальности, система образования вынуждена была перестраиваться «на ходу», и результаты этой перестройки нам еще предстоит проанализировать и оценить.

Необходимо определиться, что мы понимаем под «дистанционным образованием». Анализ теоретических работ, относящихся к дистанционному образованию, показывает, что среди ученых нет единства даже в использовании терминов, обозначающих эту форму электронного обучения. К основным терминам относятся следующие: e-learning (e-обучение), online-learning (онлайн-обучение) и distance learning (дистанционное обучение). Одни авторы отмечают, что все вышеупомянутые термины обозначают примерно одно и то же, другие полагают, что некоторые различия все же есть, третьи считают, что различия значительные [7]. Мы считаем, что если речь идет именно об использовании интернета и всемирной паутины, то правомерно использовать термины e-learning и online-learning. Дистанционное

образование как термин имеет долгую историю и более обобщающее значение [8]. В статье 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» приведено разъяснение разницы между электронным обучением (ЭО) и дистанционными образовательными технологиями (ДОТ): «Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников»¹.

Дистанционное обучение стало популярным с появлением интернета, открыв новые возможности для самообразования. Вначале дистанционное обучение воспринималось лишь как дополнительный способ приобретения знаний или подготовки к экзаменам. Сейчас можно пройти полноценные дистанционные курсы и программы повышения квалификации от престижных университетов, коммерческих и некоммерческих компаний из разных стран, находясь в любой точке планеты (<https://finacademy.net/materials/article/chem-otlichaetsya-onlajn-obuchenie-ot-dstantsionnogo-obucheniya>).

Согласно опросу Минобрнауки России и Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (проводился с 10 до 15 апреля 2020 г.) 67% преподавателей не считают удобным дистанционный формат обучения, который вынуждены были использовать учебные заведения в связи с распространением коронавируса. В исследовании приняли участие 33 987 педагогов более чем из 100 вузов, что составляет примерно 15% всего профессорско-преподавательского состава РФ.

Сами преподаватели обозначают угрозы дистанционного образования, видя их, прежде

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 2730-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/70291362/#friends#ixzz3qq5FE2Mj>.

всего, в снижении интереса студентов к изучаемым дисциплинам, поверхностном освоении курсов, отсутствии творчества и самостоятельности при выполнении заданий, развитии шаблонного мышления, в банальном списывании. И если лекции и часть семинарских занятий еще можно перевести на дистант, то проверку заданий, проведение лабораторных и практических работ необходимо проводить в режиме офлайн. На вопрос: «Как вы считаете, сегодняшняя ситуация, вызванная коронавирусной инфекцией, через год приведет к улучшению или ухудшению качества высшего образования в России или никак не повлияет?», лишь 15% отвечают, что качество образования улучшится, 43% считают, что ухудшится. Дело не в том, что преподаватели университетов консервативны или не владеют современными гаджетами — (83% опрошенных «практически постоянно» пользуются интернетом, еще 15% сказали, что заходят туда ежедневно), трудностью становится полноценная коммуникация между студентом и преподавателем. Отсутствие возможности общения «глаза в глаза», не только затрудняет, но и порой сводит на нет объяснение учебного материала (<https://www.kommersant.ru/doc/4349320>).

Пионером в области создания массовых открытых курсов стал в 2001 г. Массачусетский технологический институт, выложивший в открытый доступ большинство своих учебных материалов. А уже в 2008 г. появился термин МООС (Massive Open Online Course) — массовый открытый онлайн-курс. На сегодняшний день одним из крупных провайдеров МООС является платформа Coursera [9]. На данной платформе представлены образовательные курсы лучших университетов мира, в том числе Стэнфордский университет (Stanford University), Принстонский Университет (Princeton University), Эдинбургский университет (University of Edinburgh in Scotland), университет Торонто (The University of Toronto) [10].

Для университетов-партнеров Coursera дает ряд значимых преимуществ:

- расширяет доступ к образованию в конкретном вузе, давая возможность этому университету стать известным по всему миру;
- поддерживает определенную «элитарность» университета, размещающего свои курсы на образовательной платформе;
- за счет использования современных технологий анализа «больших данных» позволяет

университету иметь наиболее подробный профиль по каждому обучающемуся и влиять на процесс обучения [9].

Однако необходимо заметить, что методологической основой образования Coursera являются рекомендации Американского Совета по образованию (American Council on Education) и Фонда МакАртуров (MacArthur Foundation), что свидетельствует об экспансии в сфере образования и планомерной политике подавления национальных систем образования, в том числе и российской.

Политика «работы с кадрами», т.е. с потенциальными абитуриентами, приносит свои плоды. Абсолютным лидером в рейтинге стран по количеству нобелевских лауреатов являются США, причем часть их лауреатов — выходцы из других стран, в основном — Германии, Франции и Великобритании.

Принимая во внимание все вышеперечисленное, мы и ставим вопрос о воспитании и сохранении российской профессиональной элиты. Пока в обществе кризис ценностей, формирование профессиональной элиты невозможно.

На наших глазах происходит превращение современных университетов в корпорации, применяющие такие управленческие практики, эффективность которых сводится не к повышению качества образования, а к оптимизации обучающего процесса, совершенствованию системы менеджмента и сокращению издержек, чтобы получить финансовую прибыль [11].

Одновременно наблюдается интенсивная глобальная взаимосвязь, когда культурные образцы, научные достижения, произведения искусства, новые формы социальной или политической жизни транслируются и усваиваются в течение достаточно короткого времени по всему цивилизационному пространству. То есть происходят слияние и трансплантация культуры посредством коммуникативных связей. В результате появляется отторжение от собственной культуры, ее норм и традиций, потеря цивилизационной идентичности, что детерминирует смену ценностной парадигмы.

Интересны результаты различных социологических исследований, подтверждающих данную идею.

Так, большинство опрошенных не пугает угроза потерять национальную идентичность. Некоторые из них не боятся перестать чувствовать себя русскими, для них ценней отсутствие границ

и ограничений (<http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=121>). Многие обосновывают свою позицию стиранием границ между музыкальными субкультурами и исчезновением неприязни к тем, кто любит другие музыкальные стили.

Отсюда возникает вопрос о факторе, объединяющем молодых людей. И чаще всего молодежь говорит о возможности противостоять лишившемуся доверия и авторитетности старшему поколению. Юноши и девушки убеждены, что взрослых не интересует их мнение, они только учат и навязывают свою позицию и отношение к жизни. Это толкает их к «уходу» в интернет. Там они находят возможность высказаться и найти взаимопонимание без назидательных речей.

ВЫВОДЫ

У молодых россиян происходит подмена базовых ценностных ориентиров и установок. Формируются обновленные, приобретшие интернациональный характер «маячки» [8], на которые держит курс современная молодежь (например, в направлении образования).

У дистанционного образования есть свои преимущества. Во-первых, обучение может осуществляться в любое удобное время и в любом месте. Такой формат позволяет не отрываться от основного места работы или учебы, что значительно экономит время. Во-вторых, дистанционное образование представлено чаще всего отдельными курсами, что дешевле, чем общий университетский курс в очном формате. Кроме того, рынок образовательных онлайн-услуг постоянно растет, авторы курсов, борясь за обучающегося, снижают стоимость курсов или предлагают различные гибкие схемы оплаты. В-третьих, нет ограничений для людей с особыми потребностями. Это в равной степени касается как обучающегося, так и преподавателя. В-четвертых — возможность получения диплома

зарубежного университета или диплома государственного образца российского вуза. В-пятых, все вышеперечисленные возможности реализуются благодаря безграничным возможностям интернета.

Анализируя дистанционное образование, на наш взгляд, необходимо обозначить и ряд проблемных точек: наиболее трудозатратным, с организационной и материальной точек зрения, является создание электронной обучающей инфраструктуры, разработка или приобретение программного обеспечения, обучение или переподготовка преподавателей.

При определении стратегии развития национального высшего образования необходимо ориентироваться на то, что во время обучения в университете у студентов должна формироваться целостная система универсальных компетенций, а также опыт самостоятельной профессиональной деятельности, т.е. профессиональные компетенции. В свою очередь, профессиональные знания и навыки могут сформироваться только тогда, когда в познавательную активность вовлекается эмоционально-волевая сфера структуры личности, когда присутствует субъективная мотивация к восприятию знаний, а получаемая информация имеет не только содержательный смысл, но и значимость.

Достичь этого можно лишь при условии, что будет внедряться междисциплинарный подход и принцип гуманитаризации образования. Это позволит выработать у студентов видение взаимосвязей между фундаментальными исследованиями, технологиями, производственными и общественными потребностями и сформировать способность мыслить нестандартно, а также обучить их навыкам решения комплексных проблем, возникающих на стыках различных областей, и умению оценивать эффективность новшеств и практически их реализовывать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCE

1. Родионов М.А. Британские политические элиты: история и современность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/britanskie-politicheskie-elity-istoriya-i-sovremennost>.
Rodionov M. A. British Political Elites: Past and Present. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/britanskie-politicheskie-elity-istoriya-i-sovremennost>. (In Russ.).
2. Yunbo L., Lu Y., Jianru G. The quality of higher education and over education: Where should higher education funding go? URL: <http://www.vier.com/locate/frl>. URL: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101824>.
3. Ашин Г.К. Элитное образование. *Общественные науки и современность*. 2001;(5):82–99.
Ashin G. K. Elite education. *Social sciences and modernity*. 2001;(5):82–99. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2001;(5):82–99. (In Russ.).

4. Шатилов А.Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках политики «мягкой силы» Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):10–13. DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–6–10–13
Shatilov A.B. Academic mobility of international students in the humanities and social sciences within the framework of the “soft power” policy of the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):10–13. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–6–10–13
5. Oyedotun T.D. Sudden change of pedagogy in education driven by COVID-19: Perspectives and evaluation from a developing country. URL: <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2020.100029>.
6. Reichert F., Lange D., Chow L. Educational beliefs matter for classroom instruction: A comparative analysis of teachers’ beliefs about the aims of civic education. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2020.103248>.
7. Стриженко А.А. Онлайн образование: теория и практика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-obrazovanie-teoriya-i-praktika>.
Strizhenko A.A. Online education: theory and practice. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-obrazovanie-teoriya-i-praktika>. (In Russ.).
8. Moore J.L. Dickson-Deane C., Galyen K. E-Learning, online learning, and distance learning environments: are they the same. *Internet and Higher Education*. 2011;(14):129–135.
9. Баженов С.В., Баженова Е.Ю. Массовое онлайн-образование и национальная безопасность России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-onlayn-obrazovanie-i-natsionalnaya-bezopasnost-rossii>.
10. Bazhenov S. V., Bazhenova E. Yu. Mass online education and Russia’s national security. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-onlayn-obrazovanie-i-natsionalnaya-bezopasnost-rossii>. (In Russ.).
11. Almulla M.A. The Effectiveness of the Project-Based Learning (PBL) Approach as a Way to Engage Students in Learning. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244020938702> #Crossref.
12. Ореховская Н.А. Ценность профессионального образования в современных условиях. *Казанский педагогический журнал*. 2016;(2):187–191.
Orekhovskaya N.A. The value of vocational education in current conditions. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 2016;(2):187–191. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Анатольевна Ореховская — доктор философских наук, профессор Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
naorehovskaya@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Orekhovskaya — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
naorehovskaya@fa.ru

Статья поступила 22.03.2021; принята к публикации 30.04.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 22.03.2021; accepted for publication on 30.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-30-36
УДК 378(045)

Либертарианство как продолжение ценностного слома. Взгляд из России

С.Т. Махаматова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8104-937X>

АННОТАЦИЯ

В статье оцениваются основополагающие теоретические положения либертарианства как одного из течений социальной и политической философии. Рассматриваются основоположники либертарианства и программные труды. Пристальное внимание уделяется ключевым принципам либертарианства, которыми являются права личности, индивидуализм, свободные рынки, ограничение роли государства, его невмешательство в частные дела. Приведена динамика социально-политических ценностей россиян, на основании которой сделан вывод о том, что либертарианство имеет свою социальную базу в лице молодежи и части властной элиты.

Ключевые слова: либертарианство; индивидуализм; свободный рынок; минимальное государство; социально-политические ценности

Для цитирования: Махаматова С.Т. Либертарианство как продолжение ценностного слома. Взгляд из России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):30-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-30-36

ORIGINAL PAPER

Libertarianism as a Continuation of the Value Breakdown. View from Russia

S.T. Makhamatova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8104-937X>

ABSTRACT

The article evaluates the fundamental theoretical positions of libertarianism as one of the social and political philosophy trends. The founders of libertarianism and program works are considered. The author paid close attention to the key principles of libertarianism: the individual's rights, individualism, free markets, the restriction of the state's role, and its non-interference in private affairs. Also, the author presents the dynamics of the socio-political values of Russians, based on which the author concluded that libertarianism has its social base in the face of young people and part of the power elite.

Keywords: libertarianism; individualism; free market; minimal state; socio-political values

For citation: Makhamatova S.T. Libertarianism as a continuation of the value breakdown. View from Russia. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):30-36. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-30-36

ЦЕННОСТНЫЙ ВАКУУМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ввиду своеобразного положения, в котором Россия оказалась после распада Советского Союза при переходе к «дикому капитализму», мы стали неким полигоном, на котором в явном виде отображаются векторы глоба-

лизирующегося мира. Данному положению способствует радикальный слом ценностей, норм и правил поведения, затронувший все сферы жизни общества [1].

После ухода советской идеологии «ценностная ориентация на государственном уровне перестала иметь единые стандарты» и была

«отдана на откуп самим гражданам, средствам массовой информации и общественным организациям» и политическим партиям [2]. В сложившейся ситуации, когда официальная идеология запрещена Конституцией, ее место негласно занял *неолиберализм* с ориентацией на *экономическую эффективность*. При этом низок ценностный статус морали, справедливости, размыто понимание добра и зла, исчезают общие основания нравственности [3]. *Моральная автономия* преподносится как идеал и высшее благо, чему способствует непрерывно возрастающее разнообразие стилей жизни и идентичностей. Логическим продолжением ценностного слома выступает либертарианство, характерное для западных обществ, но нашедшее сторонников и в нашей стране, в том числе и в виде незарегистрированной политической партии.

ЛИБЕРТАРИАНСТВО КАК РАДИКАЛИЗАЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА

Либертарианство — политическая философия, восходящая к идеям классического либерализма, которая в самом общем виде призывает ограничить роль государства при одновременном расширении свободы личности [4].

Либертарианство выделилось из философии либерализма и также известно как *неолиберализм*, *неоконсерватизм* и *неоклассический либерализм*. Такое разнообразие имен усложняет различение либеральных направлений и вносит путаницу, поэтому мы будем использовать наименование, характерное для американской и австрийской научной мысли — либертарианство. При этом «либертарианство», будучи относительно новым понятием, уже вошло в научный оборот, но пока что не получило широкого толкования в научной литературе.

Энциклопедический словарь под редакцией О. Хеффе двояко трактует либертаризм: в первом значении — это совокупность движений и идеологий, стоящих на позициях свободной рыночной экономики, либеральной политики и невмешательства государства в жизнь общества; во втором значении — направление современной социальной и политической философии¹.

Наиболее последовательно идеи либертаризма представлены в программных произведе-

дениях Д. Боуза («Либертарианство: история, принципы, политика»), Ф. Хайека («Дорога к рабству», «Закон, законодательство и свобода») и Р. Нозика («Анархия, государство и утопия»). Д. Боуз называет величайшими либертарианцами XX в. А. Рэнд и Ф. Хайека, которые придерживались схожих взглядов, но сами называли себя «радикальным сторонником капитализма» и «классическим либералом или старым виггом» соответственно. Важно отметить роль трудов А. Смита «Теория нравственных чувств» и «Богатство народов», в которых раскрывается идея спонтанного порядка и рынка как одной из форм ее реализации.

Дополнительный импульс к развитию либертарианства получило после распада Советского Союза, который был воспринят как еще одно доказательство несостоятельности не только социализма как политической системы, но и сильного государства в целом. Кроме того, как показывает опыт Западной Европы, модель социального государства с высокими налогами и перераспределением средств в пользу общественных интересов не выгодна крупному капиталу, который перетекает в офшоры и страны со слабым государственным регулированием [5].

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

Ключевыми принципами либертарианства выступают индивидуализм, права личности, свободные рынки, ограничение роли государства, его невмешательство в частные дела [6]. Основной единицей анализа является индивид как носитель неотъемлемых прав. Далее рассмотрим каждый из этих принципов более подробно.

Индивидуализм и самопринадлежность. Традиция индивидуализации, имеющая глубокие корни, органично вписалась в механистическую картину мира Ньютона, где индивид уподоблялся атому: неделимому, вступающему во взаимодействие с такими же движущимися частицами. Соответственно, индивиду-атому присущи неотъемлемые права: право подчиняться только законам, высказывать свое мнение, выбирать себе занятие, распоряжаться собственностью. Постепенно из либерального учения выделились два вида свободы: позитивная и негативная. Позитивная мыслится как *свобода-«для»* и предполагает следование неким общественным целям и идеалам, в то

¹ URL: <http://ponjatija.ru/node/14289>.

время как негативная *свобода-«от»* перевозит индивидуальное волеизъявление, не обремененное социальными и политическими ограничениями.

Рыночное общество непосредственно связано с *«индивидуальной свободой» идеального потребителя* (свободой, скорее, в негативном варианте), который согласно своим интересам выбирает людей, место, время и товары. Также, согласно воззрениям либертарианцев, у каждого человека есть полное право собственности на свою личность, в том числе свобода выбора занятий и профессии. Принимая закон о запрете употребления алкоголя и наркотиков, государство ограничивает права человека, так как не позволяет распоряжаться своим телом. *«Собственность на себя — это все, что люди вправе требовать»*, даже если это право является только формальным. Таланты человека также являются его собственностью, однако если работодатель поставит работника в кабальные условия и принудит ради выживания к тяжелому труду, это не будет нарушением прав, ведь формально работник свободен и совершает свой личный выбор. Таким образом, свобода предпочтений и потребления является оборотной стороной *экономической зависимости*.

Более того, «если вы в состоянии понять, в чем заключается интерес другого человека в том или ином деле, в которое он впутался, вам вполне по силам узнать — при условии, что речь идет об осторожном человеке, — за что его можно ухватить, то есть как оценить его намерения», — утверждает М. Недхэм. Поскольку либертарианец *свободен-«от»*, то он оказывается незащищен ни государством, ни традицией или общиной в лице профсоюза или семьи.

Современное управление как искусство опирается на возможность предугадать действия человека. Обучаясь такому расчету, индивид, в свою очередь, начинает быть предсказуемым и понятным для других людей, в том числе и управителей. Поэтому личный интерес и ориентация на прибыль и выгоду становится способом управления людьми, которые рассматриваются исключительно как способные к самоконтролю индивидуумы. Как отмечает Федотова, «наиболее сложным в критике массовой культуры является невозможность убедить массу в том, что она манипулируема».

Ведь люди убеждены, будто делают свой выбор самостоятельно.

Важно, что управление, которое тянет за ниточки интересов, мотивов и потребностей, не несет в себе угрозы пресловутой свободе, понимаемой как автономный расчет индивида. Напротив, свобода просчитывать свой интерес и является экономическим и социальным принципом власти над человеком. Реализации такой свободы служат формы воспитания, социализации, наказания, контроля, принуждения и поощрения, которые формируют определенное мировоззрение и мотивацию, что, в свою очередь, побуждает следовать личному интересу.

Следующим ключевым пунктом либерализма является рынок. Как отмечает К. Лаваль, *концепция рынка* является одной из системообразующих концепций, составляющих фундамент западного мировоззрения. Рынок выступает как модель человеческих отношений, в которой каждый индивид действует с позиций личной выгоды и ориентирован на максимальное удовлетворение сугубо личных интересов. Так заинтересованное «я» становится парадоксальным основанием общества.

Следуя мысли Ф. Хайека, рынок и частное предпринимательство — есть система, помогающая наиболее эффективно использовать разрозненное знание, поскольку физически реален только индивид как обладатель знания. Организуя ту или иную сферу общества, следует полагаться на спонтанные силы общества и самоорганизацию. Стремясь к собственному интересу, люди, сами того не замечая, преследуют интересы других людей, так действует «невидимая рука рынка» — центральная идея «Богатства народов» А. Смита.

Также предпочтительно, чтобы предприниматель и не думал о целях, выходящих за пределы его непосредственной деятельности, потому что «преследуя свой интерес, капиталист часто преследует и интерес общества гораздо эффективнее, нежели бы он действительно к нему стремился» [7]. К. Лаваль продолжает мысль: «нужно подчиниться ближайшим индивидуальным целям, потому что само их сцепление приводит к естественной гармонии личных интересов» [8]. Иными словами, в качестве исходных условий принимаются рациональность мышления и действий эконо-

мических субъектов, свободная конкуренция, эффективность рыночного механизма, приводящего экономику в равновесное состояние. В итоге, саморегулируемый рынок, который функционирует и развивается без государственного вмешательства, обеспечивает рост эффективности наряду с высокой степенью использования всех видов ресурсов.

Однако на практике функционирование рыночной экономики происходит в условиях многочисленных монополий и государственных ограничений. «Современная экономика характеризуется олигополистической конкуренцией и системным государственным регулированием. “Невидимая рука” рынка существует лишь в виртуальных математических моделях и компьютерных играх, бесконечно далеких от сложных механизмов конкуренции и кооперации в реальной экономике» [9].

Критерием принятия решения является выживание на рынке, а не максимизация прибыли. Выживание же возможно через создание стратегических альянсов с конкурентами, расширение ресурсной базы, внедрение новых технологий, инвестиции. Таким образом, экономический рост происходит через временное снижение прибыли и возможные убытки. Рыночная среда постоянно меняется в результате действий конкурентов, партнеров, органов государственной власти, поэтому предприниматели живут в условиях постоянной неопределенности. Решения принимаются в соответствии с установившимися процедурами, а не из условий максимизации прибыли в стерильном состоянии. Таким образом, базовые аксиомы рыночной парадигмы не отражают реальности. Хотя конкуренция действительно имеет место, функционирование рынка происходит по другим законам. В результате, оставив рынок без *государственного регулирования*, мы рискуем получить не свободное изобильное общество, а нечто совсем другое.

В рамках данной концепции человек и его деятельность (и шире — право на существование) оцениваются через призму *экономической пользы*. Следуя данной логике, перейдя в «царство количества» и сам человек превратился в «продукт потребления». Данное положение вещей уже нашло свое отражение в терминах «человеческий капитал», «человеческие ресурсы», «брачный рынок». По замечанию У. Бека, «в основе дискурса о мировом рынке лежит не-

гативная утопия», потому что в ситуации, когда в мировой рынок включатся последние ниши, результатом будет не признание многообразия и многополярности, а «единый товарный мир», сотканный из символов транснациональных концернов и корпораций.

Закономерно наблюдается стремление западного человека сбалансировать техногенность и «просчитанность» своей жизни, которое проявляется через заимствование восточных традиций на уровне отдельных индивидов и общин [10]. Однако когда происходит «экспорт иноземных учений в культуру Запада», утрачивается социокультурный контекст той или иной духовной школы. В качестве примера можно привести тантру, йогу и шаманские практики [11].

Наконец, самая радикальная установка либертарианцев — *свертывание государства* до минимально возможного уровня. «Попытки заменить индивидуальные решения распоряжениями государства отнимали свободу и подавляли достоинство личности — то, ради чего в западной цивилизации велось столько битв» — утверждает в своем программном труде активный сторонник либертарианства Д. Боуз.

Далее приведем довольно длинную цитату, чтобы проиллюстрировать против каких именно ограничений свобод выступают сторонники данного философского и социально-политического движения.

«Кто тратит деньги, которые вы зарабатываете: вы или Конгресс?

Кто выбирает школу, в которую ходит ваш ребенок: вы или школьный совет?

Кто решает, какие лекарства вам принимать во время болезни: вы или Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и медикаментов в Вашингтоне?» [4].

По мнению приведенного автора, коммерческие организации, благотворительные учреждения и общества взаимопомощи справятся с обеспечением пенсионного страхования, медициной, образованием на всех уровнях эффективней, чем государство. Важно обратить внимание, что все эти вопросы входят в группу планетарных проблем, именуемых глобальными и требуют комплексного подхода [12].

Как можно заключить из приведенных примеров, либертарианство является продуктом именно западного общества, построенного на

принципах индивидуализации, рациональности и примата экономической сферы.

Итак, ориентация на сжатие государства и расширение рынка соотносится с концепцией «корпорация-государство» — особой формой «государственного устройства, цели функционирования которой имеют, прежде всего, экономический характер»². Иными словами, главным для такого государства становится «экономическая рентабельность», «конкурентоспособность в глобальной экономике», что означает автоматическое сокращение социальных программ, «снижение издержек» и «оптимизацию» в таких сферах, как медицина и образование, что ведет к их активной коммерциализации. В результате складывается парадоксальная ситуация, когда духовную сферу начинают оценивать исключительно с позиции экономической эффективности.

ДИЛЕММА «ЕВРОПА — АЗИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ

Политические зигзаги обусловлены в том числе «революцией в головах» — изменением ментальности, которая влечет новые методы познания, стили жизни, постановку новых общественных целей или вовсе их исчезновение [13].

Оценивая динамику политических ценностей россиян в последние годы, нельзя обойти традиционную дилемму: под знаком каких идей и ценностей должно развиваться само российское общество: «Азии» или «Европы»?

Азиатский вектор описывается социологами как «консерватизм»: опора на традиционные ценности семьи, крепкого государства; сплочение нации при появлении внешней угрозы; неприятие западного пути последних десятилетий. Экономика является вторичной по отношению к более высоким ценностям, экономическая свобода предстает утопичной и в ряде случаев — даже вредной. Юридическая сфера призвана фиксировать особенности духа нации, поэтому не может быть унифицированной и единой для всех государств.

Европейский вектор, напротив, настаивает на самостоятельности экономической сферы и необходимости ее освобождения от государ-

ственного регулирования. Правовая система рассматривается как совокупность норм, выражающих универсальные формы социальных взаимоотношений [14].

Обратимся к ответам респондентов о том, какие идеи и утверждения в большей мере совпадают с их представлениям о желаемом будущем России. Лидирующие позиции занимают ценности консервативного большинства: социальная справедливость (47%), национальные традиции, проверенные временем, моральные ценности (35%), ценности державы, великой империи (32%). Ценности либерального сегмента — права человека, свободный рынок, демократия, сближение с Западом набирают соответственно (27, 11 и 13%)³.

В результате наблюдается раскол между «консервативным большинством» и «либеральным меньшинством». Последнее, уступая «консерваторам» количественно, имеет более высокие социальные позиции и образовательный уровень и включено в информационные процессы. Таким образом, сила влияния на общественно-политическую жизнь «либерального сегмента» несопоставима с его численным представительством.

Между тем, несмотря на в целом «консервативную ориентацию», 67% наших соотечественников не готовы поступиться личным благополучием даже ради важных общезначимых целей, а больше половины опрошенных россиян (56% респондентов) полагают, что главное для человека — частная жизнь и личные интересы, для молодой части граждан ценность частной жизни выше еще на 8–10%.

Таким образом, среди новых поколений растет значимость богатства, гедонизма, успеха и самостоятельности в ущерб традиционным социальным ценностям.

Подводя итог, можно сказать, что по своей социально-культурной составляющей Россия является страной индивидуализированной и ценностно ориентированной на Запад. Однако в нашей стране действует верховенство неписанных нефиксированных договоренностей, которые имеют превосходство над формальным правом и являются мощным социокультурным барьером для интеграции в западный мир.

² Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними (Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью?) М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008.

³ Российское общество и вызовы времени. Книга пятая М.: Весь мир; 2017. 424 с.

Серия экономических кризисов последних лет заставила еще туже затянуть пояса бедные слои населения и также привела к изменению структуры потребления среднего класса, которому пришлось во многом отказаться от ставших привычными стандартов: качественного образования, платной медицины, проведения досуга и зарубежных поездок. «Жизнь стала скромнее и опаснее, а “новая реальность” — труднопредсказуемой».

По мнению Г.В. Мальцева, легко вообразить, что при упразднении государства с его экономическими и социальными функциями место гегемона займет крупная частная организация, которая будет действовать как государство, но окажется безответственной перед обществом [15].

В.Г. Федотова выражает свою позицию еще категоричнее: «Главный враг западной демократии — либертариизм, который провозглашает неограниченную свободу, через ценностный слом, демонтаж государства, разрушение общественной солидарности и норм» [16].

Гж. В. Колодко пишет: «Политический неолиберализм из подлинной демократии делает

посмешище, а экономический неолиберализм превращает экономику в частную ферму» [17].

Эпоха Модерна показала несостоятельность трех задач, стоящих перед западным обществом: подчинить человеческому *ratio* общество, природу и человека. Повсеместно возникает вопрос о ценностной революции, «но не видно субъекта». Ценности не строятся произвольно, но служат важной цели: сделать возможными коллективные действия. Следуя данной логике, задача идеологического воспитания, продиктованная стремлением общества к самосохранению, — привить людям определенные качества, которые проявляются в социально значимых поступках и поведении. Кроме того, идеологически образованный человек обретает точки опоры и ориентиры в океане информации, поток которой только увеличивается.

Поэтому, чтобы ответить на вопрос: «Как строить общество?», нужно преодолеть интересы текущего момента. Чтобы ответить на вопрос: «Как быть человеком?», нужно преодолеть ту экономическую функцию, на которую обречен каждый индивид.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кухтерин С. Е., Согомонов А. Ю., Девятко И. Ф., Покровский Н. Е. Глобализация и постсоветское общество. М.: Стови; 2001.
2. Яковлев В. В. Современные идеалы молодежи и их истинность. *Социально-гуманитарные знания*. 2015;(10):321–327.
3. Тилинина Т. В. Причины кризиса ценностных ориентаций в современных российских семьях. *Теория и практика общественного развития*. 2012;(6):49–52.
4. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск: Социум; 2004. 392 с.
5. Узюмова Н. В. Транснациональные компании как создатели инноваций: вызовы и перспективы. *Экономика образования*. 2019;(1):106–114.
6. Павкин Л. М. Либертарианство: принципы, теория, оценка. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014;(1):27–33.
7. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика; 1997. 351 с.
8. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение; 2010.
9. Глазьев С. Ю. Управление развитием экономики; 2019. 759 с.
10. Махаматов Т. М., Махаматов Т. Т. Запад и Восток в аспекте формирования глобальной цивилизации. *Век глобализации*. 2020;(1):83–92.
11. Кэплен М. Ловушки просветления: революционный взгляд на духовность в современном мире. М.: Издательство «София»; 2011.
12. Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание. *Век глобализации*. 2020;(3):3–14.
13. Неклесса А. И. Борьба за будущее. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции. *Век глобализации*. 2020;(4):3–18.
14. Мамедзаде И. Р., Махаматов Т. М. От религиозно-этнической цивилизации к глобальной: цивилизация тюрко-мусульманского мира. *Век глобализации*. 2020;(4):36–46.
15. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма; 2007.

16. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция; 2005. 544 с.
17. Колодко Гж. В. Эра Азии на фоне Евро-Атлантической цивилизации. *Вопросы экономики*. 2017;(10):140–147.

REFERENCES

1. Kukhterin S. E., Sogomonov A. Yu., Devyatko I. F., Pokrovsky N. E. Globalization and Post-Soviet Society. Moscow: Stovi; 2001. (In Russ.).
2. Yakovlev V. V. Modern ideals of youth and their truth. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. 2015;(10):321–327. (In Russ.).
3. Tilinina T. V. Causes of the crisis of value orientations in modern Russian families. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012;(6):49–52. (In Russ.).
4. Bowes D. Libertarianism: History, Principles, Politics. Chelyabinsk: Socium; 2004. 392 p. (In Russ.).
5. Uzyumova N. V. Transnational companies as creators of innovations: challenges and prospects. *Ekonomika obrazovaniya*. 2019;(1):106–114. (In Russ.).
6. Pavkin L. M. Libertarianism: principles, theory, assessment. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. 2014;(1):27–33. (In Russ.).
7. Smith A. Theory of moral sentiments. Moscow: Republic; 1997. 351 p. (In Russ.).
8. Laval K. Economic man. An essay on the origins of neoliberalism. Moscow: New Literature Review; 2010. (In Russ.).
9. Glazyev S. Yu. Management of economic development. Moscow; 2019. 759 p. (In Russ.).
10. Makhamatov T. M., Makhamatov T. T. West and East in the aspect of the formation of a global civilization. *Vek globalizatsii*. 2020;(1):83–92. (In Russ.).
11. Kaplen M. Traps of Enlightenment: A Revolutionary View of Spirituality in the Modern World. Moscow: Publishing House “Sofia”; 2011. (In Russ.).
12. Chumakov A. N. Globalistics in the context of modernity: a test. *Vek globalizatsii*. 2020;(3):3–14. (In Russ.).
13. Neklessa A. I. Fight for the future. Methodological and prognostic aspects of civilizational competition. *Vek globalizatsii*. 2020;(4):3–18. (In Russ.).
14. Mamedzade I. R., Makhamatov T. M. From Religious-Ethnic Civilization to Global: Civilization of the Turkic-Muslim World. *Vek globalizatsii*. 2020;(4):36–46. (In Russ.).
15. Maltsev G. V. Social foundations of law. Moscow: Norma; 2007.
16. Fedotova V. G. Good society. Moscow: Progress-Tradition; 2005. 544 p. (In Russ.).
17. Kolodko G. The era of Asia against the backdrop of the Euro-Atlantic civilization. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(10):140–147. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саида Тауровна Махаматова — кандидат экономических наук, старший преподаватель Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия
mahamatova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Saida T. Makhamatova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia
mahamatova@mail.ru

Статья поступила 25.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-37-42
УДК 331.108(045)

К вопросу коррупционных рисков в период пандемии COVID-19: причины и способы борьбы

И.Н. Воблая^а, А.К. Пасалиди^б

Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0002-84324517>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-3564-2276>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможные причины роста коррупции и актуальные способы борьбы с ней в условиях пандемии. Выделены три наиболее уязвимые сферы деятельности: государственные закупки, оказание услуг, малый и средний бизнес. Определены важные показатели (индекс восприятия коррупции, уровень финансовой секретности страны, индекс верховенства права), отражающие уровень, специфику и развитие коррупции в стране, и возможные направления эффективной антикоррупционной политики. В работе также рассмотрен зарубежный опыт, на основании которого предложены возможные дополнения к антикоррупционной политике России. По результатам анализа, проведенного Transparency International, коррупция не только ставит под угрозу всемирную борьбу с COVID-19, но и способствует текущему кризису демократии.

Ключевые слова: коррупция; COVID-19; экономика; эффективность; разработка; реализация; риски; политика; борьба; решение; динамика

Для цитирования: Воблая И.Н., Пасалиди А.К. К вопросу коррупционных рисков в период пандемии COVID-19: причины и способы борьбы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):37-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-37-42

ORIGINAL PAPER

On the Issue of Corruption Risks During the COVID-19 Pandemic: Causes and Ways to Fight Them

I.N. Boblaya^а, A.K. Pasalidi^б

Novorossiysk branch of the Financial University, Novorossiysk, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0002-84324517>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-3564-2276>

ABSTRACT

The article discusses the possible reasons for the growth of corruption in the context of a pandemic and current methods of struggle. The three most vulnerable areas of activity are identified: corruption in the field of public procurement (the healthcare system is considered in detail), bribery in the provision of services, and the development of small and medium-sized businesses at the present time. Also considered are some of the important indicators (the index of perception of corruption, the level of financial secrecy of the country, the index of the rule of law), reflecting the level, specificity and development of corruption in the country, and possible ways aimed at the effective work of anti-corruption policy. According to Transparency International's analysis, corruption not only threatens the global fight against COVID-19 but also contributes to an ongoing crisis of democracy. The foreign experience of the two countries is considered, based on which possible additions to the anti-corruption policy of Russia were proposed, the effective work of which is possible not only in a pandemic.

Keywords: corruption; COVID-19; economy; effectiveness; development; implementation; risks; policy; decision; dynamics

For citation: Boblaya I.N., Pasalidi A.K. On the issue of corruption risks during the COVID-19 pandemic: Causes and ways to fight them. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):37-42. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-37-42

Многофакторная сущность коррупции проникла во все сферы экономики и социальной жизни общества. В России это одна из главных проблем на этапе ее развития и становления. В условиях текущего мирового кризиса, спровоцированного внезапной вспышкой COVID-19, остро ставится вопрос о реализации и разработке более эффективной антикоррупционной политики. Применение более действенных и актуальных мер борьбы с взяточничеством обусловили следующие важные факторы:

- Вынужденное преумножение усилий работы государственного аппарата, что, в свою очередь, ведет к возрастающим полномочиям государственных органов, сотрудников и, как следствие, росту коррупции.

- Недостаток государственного финансирования, который вынуждает страны прогнозировать и предупреждать случаи неуплаты налогов и растраты бюджетных средств.

Действенная борьба с коррупцией требует соответствующего уровня государственной ответственности за проводимые антикоррупционные реформы, совместных усилий гражданского общества, государства и частного сектора.

Цель данного исследования — анализ уровня коррупции и рисков ее возникновения в условиях распространения COVID-19, выявление возможных причин и актуальных способов борьбы.

Международная организация «Группа государств по борьбе с коррупцией» (CRECO), созданная Советом Европы, заявила о росте коррупционных рисков, особенно — в сфере здравоохранения, в условиях пандемии COVID-19. В руководстве о минимизации коррупционных рисков, в контексте пандемии, было выявлено несколько наиболее уязвимых областей и актуальные методы борьбы¹.

СФЕРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

При активном распространении вируса COVID-19 правительства стран должны как можно быстрее принять государственные проекты, направленные на обеспечение систем здраво-

охранения необходимыми ресурсами. То есть подобные нормативные акты позволяют быстро приобретать медицинское оборудование, необходимые лекарственные препараты, однако зачастую не учитываются издержки в системе государственных закупок, которые ведут к увеличению уровня коррупции.

Традиционно выделяют следующие меры предотвращения роста коррупции в сфере государственных закупок во время пандемии:

- Открытость — прозрачность и легкий доступ к информации касательно государственных закупок.

- Соблюдение всех соответствующих правил при проведении сделок, как при государственном, так и при общественном контроле.

- Обеспечение открытой и эффективной конкуренции — недопущение возникновения дискриминации.

- Справедливость — обеспечение равных возможностей для всех участников закупок.

Органы государственной власти России разрабатывают ряд необходимых мер по изменению Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Одной из таких мер является право заказчика совершать покупки у любых подрядчиков, но необходимо будет доказать и предоставить причинно-следственную связь между целью покупки и проводимым мероприятием по профилактике или возможной ликвидации заболевания (письмо ФАС России от 18.03.2020 № ИА/21684/20).

Распространение вируса COVID-19 признано обстоятельством непреодолимой силы («форс-мажор») при проведении государственных закупок. И, по мнению Министерства финансов России, необходимо усилить контроль над органами, проверяющими жалобы и всевозможные обращения о недобросовестных поставщиках, непременно включать их в соответствующий реестр.

- В целях поддержки заказчиков и поставщиков в законы и нормативные акты внесены некоторые изменения:

- Заказчики имеют право изменять сроки исполнения государственных заказов, цены в рамках пандемии.

- Появилась возможность обходиться без требований о предоставлении и обеспечении исполнения обязательств по контракту.

¹ АНО «Центр антикоррупционных исследований и инициатив “Трансперенси Интернешнл”». URL: https://transparency.org.ru/research/konventsii-soveta-evropy/opublikovany-itogi-iv-raunda-monitoringa-vypolneniya-rossiyei-rekomendatsiy-greko-bolshinstvo-otsenok-transperensi-sovpali-s-vyvodami-gruppy.html?sphrase_id=88073.

- Четкое объяснение ценообразования, особенно в сторону увеличения².

СФЕРА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ

Проблема мелкого взяточничества становится наиболее актуальной в условиях активного распространения COVID-19. Особо отмечена необходимость акцентировать внимание на эффективной защите прав потребителей в Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р. Также принят ряд антикризисных мер, которые направлены на минимизацию коррупционных нарушений касательно рынка медицинских услуг и товаров.

В. Косенко, заместитель руководителя Росздравнадзора, считает одним из наиболее значимых постановлений Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 441 «Об особенностях обращения лекарственных препаратов для медицинского применения, которые предназначены для применения в условиях угрозы возникновения, возникновения и ликвидации чрезвычайной ситуации и для организации оказания медицинской помощи лицам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, предупреждения чрезвычайных ситуаций, профилактики и лечения заболеваний, представляющих опасность для окружающих, заболеваний и поражений, полученных в результате воздействия неблагоприятных химических, биологических, радиационных факторов». Также действует постановление от 03.04.2020 № 430, которое затрагивает медицинские изделия. То есть теперь появилась возможность ускорить процедуру регистрации и ввоза лекарственных товаров, что должно положительно повлиять на рынок потребления и реализации лекарственных товаров, тем самым минимизируя мелкое взяточничество³.

Не менее важно постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.2020 № 322 «О внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидий федеральному государственному автономному учреждению “Российский фонд технологического развития” в целях стимулирования деятельности в сфере промышленности», которое изменило

правила предоставления субсидий из федерального бюджета федеральному государственному автономному учреждению. Фонд организовал новую программу предоставления займов на льготных условиях «Противодействие эпидемическим заболеваниям», которая получила одобрение и стала востребованной среди предприятий фармпромышленности. Уже одобрено 25 проектов общей суммой более 7,2 млрд руб.

Постановление № 441 (Об особенностях обращения лекарственных препаратов, которые предназначены для применения в условиях угрозы возникновения, возникновения и ликвидации чрезвычайной ситуации.) позволяет в чрезвычайной ситуации в ускоренном порядке регистрировать, проводя ограниченные клинические исследования (КИ), те препараты, которые могут повлиять на спасение жизни. Оно также дало возможность подавать документы на проведение КИ и другие процедуры на электронном носителе, а не на бумаге⁴.

СФЕРА МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

На *рис. 1* представлено число субъектов малого и среднего бизнеса в России, по данным Федеральной налоговой службы, с 2016 по 2020 г.

Исходя из представленных статистических данных на *рис. 1*, можно заметить резкое сокращение субъектов малого и среднего бизнеса.

Далее рассмотрим динамику за 2020 г. (*рис. 2*).

По статистическим данным ФНС, к октябрю 2020 г. было потеряно 222 тыс. субъектов (4%), что провоцирует рост коррупционных нарушений в данной сфере. Например, возрастает число подкупов с целью активизации вводимых ограничений бизнес-процессов во время пандемии, число случаев фальсификации документов с целью получения государственной поддержки. На данный момент насчитывается всего 5 702 150 субъектов малого и среднего бизнеса и 15 509 813 работников. Кстати, в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» говорится, что число занятых должно достигнуть 25 млн к 2024 г.⁵

Дальнейший рост и развитие российской экономики в позитивном ключе будет зависеть от возможных масштабов распространения

² URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/73850814/paragraph/3/doclist/16612>.

³ Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/news/25913>.

⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353063/.

⁵ Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html>.

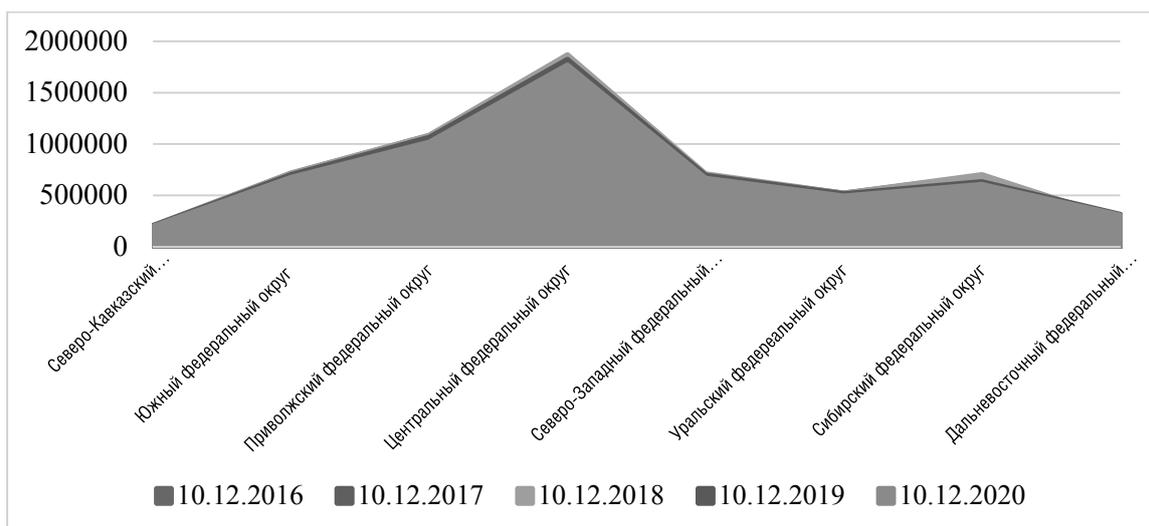

Рис. 1 / Fig. 1. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в России (2016–2020 гг.) / The number of small and medium-sized businesses in Russia (2016–2020)

Источник / Source: Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/news/25913> / Federal Service for Surveillance in Healthcare. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/news/25913>.

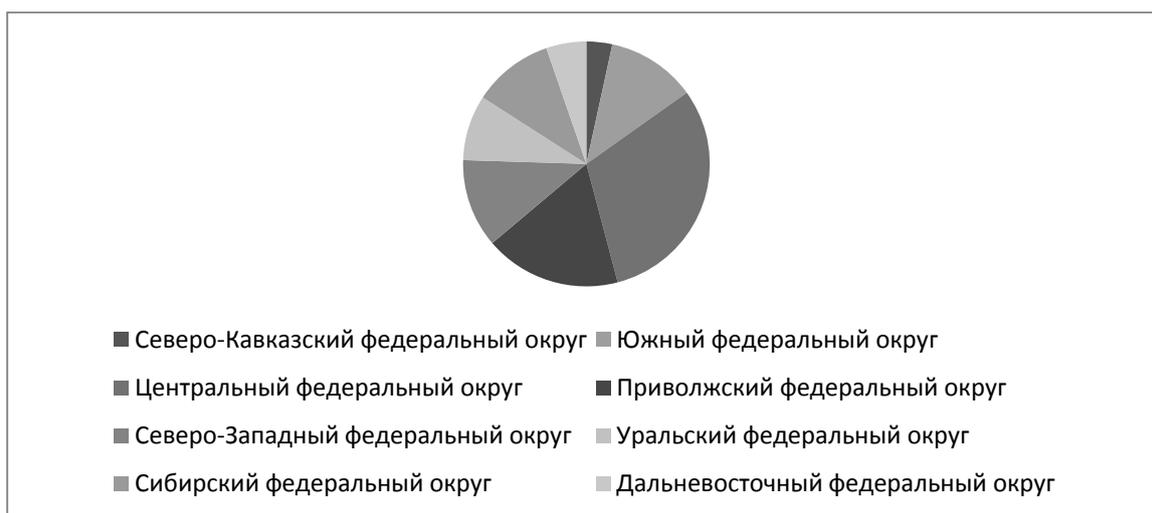

Рис. 2 / Fig. 2. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в России за 2020 г. / The number of small and medium-sized businesses in Russia in 2020

Источник / Source: Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/news/25913> / Federal Service for Surveillance in Healthcare. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/news/25913>.

COVID-19, вводимых мер по борьбе с его последствиями, воздействия этих мер на бизнес-субъекты и потребителей.

Уполномоченный по защите прав предпринимателей при президенте РФ Б.Ю. Титов отметил: «С одной стороны, противокоронавирусные ограничения — главный ущерб от них предсказуемо понесли гостиницы, общепит, здравоохранение и развлекательный бизнес. С другой — изменение мировой конъюнктуры — и здесь пострадавшими оказались уже оптовая торговля природным газом, металлургия и производство удобрений.

То есть дело не только в одном коронавирусе»⁶. Титов подчеркнул, что предупредить надвигающийся обвал на рынке труда помогла программа государственной поддержки. На данном этапе развития необходимо, как минимум, вернуться к докризисным оборотам.

Далее в таблице рассмотрены три важных показателя, влияющие на динамику коррупции.

⁶ Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4663780?query=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F>.

**Основные показатели, отражающие уровень, специфику и развитие коррупции в России /
Main indicators reflecting the level, specificity and development of corruption in Russia**

Показатель	2019 г.	2020 г.
Уровень финансовой секретности страны	29-е место среди 133 стран	44-е место среди 133 стран
Индекс восприятия коррупции	137-е место среди 180 стран. 28 баллов из 100	129-е место среди 180 стран. 30 баллов из 100
Индекс верховенства права	68-е место среди 128 стран	77-е место среди 128 стран

Источник / Source: Некоммерческая организация World Justice Project (WJP). URL: <https://worldjusticeproject.org>; сайт Правительства России. URL: <http://government.ru> / Non-profit organization World Justice Project (WJP). URL: <https://worldjusticeproject.org>; website of the Russian Government. URL: <http://government.ru>.

Из таблицы видно, что есть положительная динамика показателя уровня финансовой секретности, т.е. несмотря на всемирный экономический кризис и возросшее число коррупционных преступлений в определенных экономических сферах, секретность, выступающая в роли инструмента прибыли, ослабила свои позиции.

Индекс восприятия коррупции за 2020 г. показывает, что коррупция подрывает систему здравоохранения по всему миру и приводит к нарушению демократических принципов, особенно на фоне пандемии.

При снижающемся индексе верховенства права слабым местом страны является правовая среда. Стоит обратить внимание на правоприменительную практику. А именно, уделить внимание вопросам уголовного преследования предпринимателей и контрольно-надзорной деятельности. Еще в 2016 г. в послании Федеральному Собранию Президент России упомянул о печальной статистике: «83% предпринимателей, на которых завели уголовное дело, лишаются своего бизнеса. При том, что до вынесения приговора доходит только 15% дел по экономическим статьям».

На данный момент, исходя из сводных данных следственного комитета, наблюдается резкий скачок роста количества дел об экономических преступлениях⁷. В этом чувствуется некая двойственность. С одной стороны, виден либералистический настрой в изменениях, внесенных в уголовное законодательство: передача дел

о предпринимательских нарушениях в компетенцию суда присяжных, применение облегченных приговоров. С другой стороны, статистические данные неумолимы, и количество уголовных дел против бизнеса растет.

Невозможно оставить без внимания зарубежный опыт борьбы с коррупцией. Ведь благодаря анализу антикоррупционной политики других стран можно выстроить более эффективную работу соответствующих органов в нашей стране.

В Китае (который, кстати, занимает 2-е место среди стран мира по экономическому уровню развития за 2020–2021 гг.) насчитывается 45 статей, предусматривающих высшую меру наказания — казнь. Общее число расстрелянных за последние 20 лет составило 15 тыс. чел., и порой родственники осужденных оплачивают «судьбоносную» пулю для приговоренного чиновника [1]. Тем не менее Китай считается одной из самых коррумпированных стран мира.

Поэтому при поиске новых методов борьбы с коррупцией стоит обратиться к опыту Дании, которая, в свою очередь, является наименее коррумпированной страной в мире. В стране успешно действуют антикоррупционные законы, а главное — инициативы. В Дании антикоррупционная борьба происходит как на государственном уровне, так и благодаря высокому уровню самосознания и ответственности граждан. Большинство компаний придерживаются политики «абсолютной нетерпимости», т.е. неприемлемости взяточничества внутри компании и в процессе сотрудничества с другими партнерами. И положения, относящиеся к данной политике, закрепляются во всех договорах и контрактах в двухстороннем и обязательном порядке. То есть антикоррупционная политика в основном направлена на своеобразное культивирование

⁷ Организация экономического сотрудничества и развития. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/dorabotannyye_proekty_strategiy/dorabotannyy_proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_krasnodarskogo_kraya_na_period_do_2030_goda.html.

осуждения такого явления, как взяточничество, не только среди государственных служащих, но и среди обычных граждан. Также в Дании действуют этические кодексы чести чиновников. Гласность, открытость и прозрачность на уровне государства — тоже один из залогов низкого уровня коррупции в стране [2].

Исходя из рассматриваемых коррупционных показателей развития экономики и страны в целом, можно заключить, что проблема взяточничества остается в нашей стране одной из основных. Возможно, это является частью менталитета об-

щества и передается из поколения в поколение. Для борьбы со взяточничеством необходимо начать глобальную антикоррупционную политику, не только ужесточая наказания за нарушение закона, но и культивируя в обществе политику «абсолютной нетерпимости». Да, для искоренения коррупции необходимы десятилетия. Воспитание нетерпимости к взяточничеству сейчас дает надежду на будущее, в котором можно будет оперативно и с минимальным общественным ущербом преодолевать любые трудности, в том числе и такие, как COVID-19.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов Р. Т. Государственная антикоррупционная политика. Учебник М.: ИНФРА-М; 2021. 429 с.
2. Костенников М. В. Административный запрет как средство противодействия коррупции в системе государственной службы. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право; 2017.

REFERENCES

1. Abramov R. A., Mukhaev R. T., Zhigun L. A. State Anti-corruption Policy. R. A. Abramov, R. T. Mukhaev, editors. Moscow: INFRA-M Publ., 2021. 429 p. (In Russ.).
2. Kostennikov M. V., Kurakin A. B. Administrative prohibition to combat corruption in the public service system: studies. Manual for university students studying in the speciality "Jurisprudence". UNITY-DANA: Law and Law Publ., 2017. 127 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Николаевна Вобляя — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры «Экономика финансы и менеджмент», Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
INVoblaya@fa.ru

Афина Константиновна Пасалиди — магистрант направления «Менеджмент», Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
affii1993@mail.com

ABOUT THE AUTHORS

Irina N. Boblaya — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Associate Professor, Department of Economics, Finance, and Management, Novorossiysk Branch of the Financial University, Novorossiysk, Russia
INVoblaya@fa.ru

Afina K. Pasalidi — Master's student, Department of Economics, Finance, and Management, Novorossiysk Branch of the Financial University, Novorossiysk, Russia
affii1993@mail.com

Статья поступила 15.03.2021; принята к публикации 12.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.03.2021; accepted for publication on 12.05.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-43-49
УДК 32(045)

Клановая структура элит демократического общества

Д.А. Журавлёв

АНО «Институт региональных проблем», Москва, Россия; Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6540-313X>

АННОТАЦИЯ

Элита демократического общества находится в противоречивом, можно даже сказать, парадоксальном положении. С одной стороны, элита за счет своей монополии на ресурс контролирует и определяет жизнь общества. Следовательно, она является важнейшей, необходимой частью общественного механизма. С другой стороны, само существование элиты противоречит принципам демократии, особенно в том крайнем виде, в котором эти принципы понимаются сейчас. Это противоречие трудноразрешимо, но решение было все-таки найдено – элитные группы должны быть защищены от общества. Необходим механизм, который помогал бы концентрировать усилия в защите элиты от агрессии демократически настроенной части общества. Но механизма взаимопомощи явно мало. Поэтому нужен более важный инструмент защиты – маскировка, которая просто не позволит большинству найти цели для своих атак. Обе эти задачи решаются за счет формы организации элиты. Каждая элитная группа – это клан. Главная функция клана – защита членов и самого клана от внешней опасности.

Ключевые слова: элита; клан; финансовый клан; демократическое общество; лояльность

Для цитирования: Журавлёв Д.А. Клановая структура элит демократического общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):43-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-43-49

ORIGINAL PAPER

The Clan Structure of the Elites of a Democratic Society

D.A. Zhuravlev

Institute of Regional Problems, Moscow, Russia; Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6540-313X>

ABSTRACT

The elite in a democratic society is contradictory, and one might even say paradoxical phenomenon. On the one hand, the elite, due to their monopoly on the resource, controls and determines the life of society. Consequently, they are the most important, necessary part of the social mechanism. On the other hand, the very existence of the elite contradicts the principles of democracy, especially in the extreme form in which these principles are understood now. This contradiction is difficult to resolve, but a solution was nevertheless found – elite groups must be protected from society. A mechanism is needed that would help to concentrate efforts to protect the elite from the aggression of the democratically-minded part of society. But the mechanism of mutual assistance is not enough. Therefore, a more important defence tool is needed – disguise, which will not allow the majority to find targets for their attacks. Both of these tasks are accomplished through the form of organization of the elite. Each elite group is a clan. The main function of a clan is to protect its members and the clan itself from external danger.

Keywords: elite; clan; financial clan; democratic society; loyalty

For citation: Zhuravlev D.A. The clan structure of the elites of a democratic society. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):43-49. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-43-49

ВВЕДЕНИЕ

Определение клана можно сформулировать так: «Клан — это тайная замкнутая социальная структура, объединяющая людей на основе их кровной или иной общности для обеспечения возможности выживания, процветания и развития своих членов и самих структур в условиях постоянного давления на них могущественных сил, постоянной борьбы с агрессивной средой». У клана три основных свойства: наличие общности интересов, механизма лояльности и тайны.

Общность связана всегда с общими интересами. По поводу механизма лояльности все более-менее понятно: у каждого типа элит своя форма клана, которая и задает механизм лояльности, но он всегда есть. А вот с тайной все не так просто.

Как возможны кланы — тайные замкнутые организации — в современном информационном мире? Даже если сами организации можно скрыть, то последствия их действий как раз скрыть невозможно, тем более, когда речь идет об элитных кланах, в руках которых сконцентрированы огромные ресурсы и которые оказывают большое влияние на жизнь общества.

Но в действительности именно демократия делает возможным создание особых прозрачных или растворенных кланов. Дело в том, что любое действие в демократическом обществе является (если не по сути, то по форме) результатом суммы различных, порою противоположных, воздействий, таким консенсусным решением. И в этих условиях элитным кланам не нужно осуществлять свое четко выраженное воздействие, достаточно лишь усилить полезные тенденции и ослабить вредные, чтобы таким образом получить необходимый результат совершенно «естественным путем». То есть с необходимостью осуществляется то, что и так могло бы осуществиться, но лишь с некоторой вероятностью. В этих условиях выявить воздействие элитных кланов практически невозможно, так как нет ничего, что требовало бы этого воздействия с необходимостью, ничего, что не могло бы произойти без этого воздействия. В результате кланы растворяются в политической или иной процедуре. Они есть и активно действуют, но выявить их присутствие и замерить результаты их воздействия практически невозможно. Более того, то, что не нужно создавать новые тенденции, а достаточно воздействовать на старые, резко повышает эффективность действия элитных кланов. Именно в демократическом обществе элитные кланы достигают пика своего могущества. Общество

не способно им противостоять, так как кланы не противопоставляются обществу, а действуют внутри него, затрагивая общественные процессы, от которых общество отказаться не может. Это делает общество беззащитным. И чем более сильные инструменты самозащиты создает общество, тем сильнее становится элита, так как в ее руках эти инструменты и оказываются.

Таким образом, тайна элитных кланов из тайны структуры превращается в тайну действия. Структура элитной группы не всегда, но очень часто известна. Но вот методы, инструменты и степень воздействия элитных групп на общество оказываются за пределами общественного внимания. Общество видит в элите веберовских исполнителей функций, «колесики» и «винтики» общественного механизма [1]. А она давно уже приватизировала эти функции и через их исполнение монополизирует ресурсы и навязывает обществу нужные ей взгляды и действия. Именно эта *растворенная форма и есть главное качество современной элиты. В информационном демократическом обществе мы имеем прозрачную элиту — элиту-призрак, которая тем сильнее, чем сильнее демократические процедуры.*

Даже само неприятие кланов в демократическом обществе работает на их усиление. Раз кланы — это болезнь общества, то в здоровом обществе их быть не может. А поскольку демократическое общество считает себя здоровым, то вопрос об элитных кланах в этом обществе считается неприличным.

Такое положение имеет два следствия:

1. Растворенность кланов в демократии автоматически формирует систему своеобразных фальшцелей. Каждое действие имеет свою, необходимую с точки зрения демократических процедур цель. Но, благодаря деятельности кланов, внутри этой цели существует другая, гораздо более важная, но никем не осознаваемая цель. Причем внешняя цель — не обман и не фальшивка, ее достижение необходимо для реализации демократии. Но с достижением ее достигается и внутренняя тайная цель. Пример: деятельность партий на Западе действительно обеспечивает демократический выборный процесс, но с помощью тех же процедур обеспечивается внутриэлитный консенсус и в конечном счете контроль элиты над политическим процессом.

2. Меняется отношение к информации. К ней применяется метод растворения: информация не прячется, а подается обществу в потоке другой информации, из которой непосвященный человек

просто не может вычлени́ть нужное. Так можно сохранить любую тайну, предоставляя обществу полную информацию о себе.

В результате могущество кланов становится абсолютным.

Современное демократическое общество можно назвать клановым, т.е. обществом, жизнью которого управляют кланы. Клань, которые существуют в растворенном виде, замечать которые общество считает невозможным — это центральная социальная структура этого общества.

ВИДЫ КЛАНОВ

В принципе кланы могут разделяться по типам ресурсов — типам элитных групп. Мы опишем две ключевые группы: экономическую и политическую элиту.

Поскольку главной формой передачи и сохранения ресурса в ядре экономической элиты является наследование, то элитные финансовые кланы в качестве ядра имеют семью, а на периферии — профессионалов, привлеченных семьей. Семейный клан устойчив и эффективен, а несемейная периферия позволяет сохранить динамику и защититься от застоя.

Принадлежность собственности родственникам гарантирует эффективность бизнес-связей. В случае необходимости все ресурсы концентрируются на решении общей задачи. В некоторых кланах до сих пор существует своя система управления — внутренний совет, решения которого обязательны для его членов. Такая структура позволяет контролировать различные сферы и одновременно быть способной к единым действиям. Семейный финансовый клан — могущественная и гибкая организация, способная защитить интересы своих членов.

Таким образом, можно сказать, что с точки зрения замкнутости современный финансовый клан двойственен. Он состоит из замкнутого семейного ядра и открытой управленческой периферии. Тайна достигается не за счет сокрытия информации, а за счет растворения важной информации в огромном потоке информации незначительной, из которого человек, не посвященный в тайну, просто не сможет выделить нужное. Акционерный капитал и система участия скрывают клановую сущность капитализма.

Семейные финансовые кланы — старейшая и наиболее простая, естественная форма экономического клана, которая является замкнутой тайной структурой, обеспечивающей финансовой олигархии возможность выполнять свою социальную функцию и защищать свои интересы.

В политике (если мы говорим о политике в собственном смысле слова) существуют как семейные кланы, так и кланы команды. Но в политике они не находятся в отношении центр-периферия, здесь имеют место исторические этапы развития политических кланов. В тех странах, где демократия была установлена революционным путем, «старая» элита была полностью сметена революцией, в результате чего политическая элита стала единственной видом элиты. А если к этому прибавить монополию на насилие и главенство революционного насилия над законом, понятно, что неизбежно возникает диктатура политиков. Но в странах с развитой экономикой такая диктатура не длится долго. Финансовая (шире — экономическая) элита, в результате революции освободившаяся от феодального гнета, быстро набирает силу при помощи контрреволюции, устанавливает главенство закона, с помощью которого создает баланс политики и экономики. Собственно, возникновение империй обоих Наполеонов было попыткой политической элиты стабилизировать свою власть за счет перехода от республики к монархии, но это дало лишь временный эффект. Поэтому в развитых странах не формируются семейные политические кланы.

В Латинской Америке, а поначалу и во всей Америке, где родовая аристократия была изгнана вместе с колониальной властью, а промышленной и финансовой элиты просто не существовало, этой «первичной» политической элите удалось сохранить власть над обществом. Политическая элита в этих странах представляет собой группу семейных кланов, ведущих свою родословную от руководителей революционных армий, изгнавших в свое время испанцев.

Ярким примером семейного политического клана является клан Альенде в Чили. Знаменитый президент Сальвадор Альенде был прямым потомком главного врача армии Чили XIX в. Рамона Альенде Падина. На похоронах его отца гроб несли два будущих президента республики. Отец Сальвадора дружил с президентом Алесандри, сын которого тоже был президентом и соперником С. Альенде на выборах [2]. Мать прятельствовала с женой полковника Ибаньеса, свергнувшего Алесандри и ставшего военным диктатором. Сестра была замужем за братом полковника Грове — главы «Социалистической республики Чили» и создателя социалистической партии, кандидатом от которой С. Альенде выступал на всех своих выборах. Очень молодым человеком он начал свою карьеру с поста

министра здравоохранения в правительстве еще одного друга своей семьи — Аггире Серда.

Сегодня в Латинской Америке такие кланы — уже история. Теперь они возникают в Африке (Лумумба и пришедший ему на смену Мабуту, его зять). Но африканские политические кланы неустойчивы, потому что слишком малы и замкнуты. А из-за своей «молодости» они слишком явные, поэтому враждебно воспринимаются обществом, и из-за этого неустойчива сама власть [3]. Африканские элитные кланы — это пример того, как их не надо организовывать¹.

В развитых странах семейные политические кланы — это редкий и чрезвычайный случай. Обычно они возникают там, где политическая власть переплетается с огромным богатством и гигантской харизмой (Клан Кеннеди). Но подобные кланы очень опасны для системы, так как они нарушают равновесие. Поэтому по отношению к Кеннеди система сделала все, чтобы они не вернулись к власти.

Главной формой политического клана в развитых странах является *клан-команда*. Политик формирует свою команду, в узкий круг которой входят его помощники, а в широкий — все те, без поддержки кого он не сможет быть политиком: необходимые ему специалисты, финансирующие его бизнесмены, освещающие его деятельность журналисты и т.д. Политик стремится расставить членов своей команды на ключевые посты в тех сферах, на которые распространяются его интересы. Собственно, эта команда и есть политический клан.

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ

В основе его лежит взаимная заинтересованность лидера и его окружения друг в друге. Без команды лидер не может эффективно использовать и защищать свою власть, а команда без лидера никогда не получит такой власти и привилегий, как с ним. Конечно, этот принцип не дает абсолютных гарантий лояльности, но позволяет кланам-командам существовать довольно долго. Закрытость подобных кланов определяется личными отношениями его членов к лидеру. Основу такого клана составляют люди, проверенные лидером в ходе многолетнего сотрудничества. Кроме того, в клан входят нужные люди, без личных ресурсов которых (интеллектуальных, политических, финансовых) лидер просто не может обойтись. Со временем представители второй группы переходят в первую.

Действует метод растворения информации, когда она не скрывается, а топится в широком потоке, из которого нужные крупинки может извлечь лишь специалист. Почти все происходит гласно, демократия не ущемлена. Но то, что нужно скрыть, население не заметит.

Таким образом, можно сказать, что команды крупных политиков обладают всеми признаками элитного клана и являются простейшей формой политического клана.

Но здесь возникает противоречие. Хотя крупные политики — явление довольно частое, но оно до некоторой степени случайно. Кланов же как форма существования элиты никак не могут быть случайностью. Поэтому существует другая, более стабильная форма политического клана — аппарат политических партий. Аппараты партий не борются за власть, не обладают властью и не несут ответственности перед обществом, но именно они через кадровые (создание списка кандидатов) и финансовые (получение финансовых ресурсов избирательных компаний и распоряжение ими) рычаги определяет политику. Определять ситуацию, формально ею не руководя, — это уже признак закрытости, а значит — признак клана. В условиях непубличности партийной деятельности и малого интереса к ней общества возникновение полноценных кланов внутри партий — процесс естественный и практически неизбежный. Внутрипартийные кланы — это кланы в квадрате (кланы внутри клана).

Следующий тип — это кланы государственных чиновников. Противоречие между функцией и статусом в исполнительном государственном аппарате намного острее, чем в бизнесе или политической сфере. Требуя от политиков быть слугами народа, демократическое общество, пусть и с неудовольствием, признает факт их элитарности. Чиновникам в привилегированном статусе отказано полностью. Они, согласно господствующей сегодня точке зрения, — бесправные исполнители процедуры, технический аппарат при политиках. А между тем, в силу своей управленческой компетенции, именно чиновники определяют основные государственные решения. В результате противоречие между реальной и формальной ролью чиновников гораздо больше противоречия между реальной и формальной ролью политиков или бизнесменов. И это противоречие необходимо скрыть. Но главное, что только в клановой форме чиновники могут стать хозяевами государственного аппарата. Один чиновник бессилен, но стоит им объединиться, и они превращают государство в свое орудие. С другой

¹ Africa Wealth report 2017. Full report. Johannesburg: New World Wealth; 2017.

стороны, только создав свою организацию, чиновники могут защитить себя не только от общества, но и от других чиновников, постоянно борющихся за повышения в чине. Основа клана — это взаимопомощь чиновников, которые только совместно могут использовать аппарат в тех или иных целях и совместно защищают свое привилегированное положение от внешних посягательств. Кроме того, сама сущность государственного аппарата порождает кланы. Неконтролируемость, закрытость и жесткая вертикаль строения государственного аппарата требует наличия клановой структуры как условия его функционирования. Руководитель в вертикально выстроенной системе строит свои решения исходя из той информации, которую ему дают подчиненные, и только через подчиненных эти решения реализует. Поэтому контроль руководителя над подчиненными весьма ограничен. Он включает проверку результатов их деятельности с привлечением информационных потоков, находящихся вне вертикальной системы. В условиях, когда руководитель отвечает за действия своих подчиненных, он гораздо больше зависит от подчиненных, чем они от него. Поэтому для функционирования системы и выживания руководителя необходимо, чтобы подчиненные были кровно заинтересованы в успехах руководителя и сохранении за ним его поста. Таким образом, клан связывает судьбы подчиненного и руководителя.

Кланы — необходимое технологическое звено вертикальной управленческой системы. Лояльность в этих кланах обеспечивается единством, когда карьера рядовых членов клана зависит от лидера, а устойчивость лидера — от лояльности членов клана. Закрытость подобного клана зависит от самой структуры аппарата. В клан входят те, кто является членом аппарата и готов присягнуть на верность его лидеру. Тайна здесь реализуется на основе принципа растворения. Наличие неформальных связей между чиновниками найти легко, достаточно сравнить их послужные списки, но вот наличие совместной деятельности, направленной на использование государства в своих интересах, очень трудно. Чиновники не нарушают законы и правила, они их исполняют, но при любом выборе делают его в свою пользу.

Описанные выше кланы объединялись на основе совместной деятельности: в экономике, политике, государственном управлении. Но элите необходимо защищать свои интересы не только в деятельности, но и в рамках определенной территории: города,

района, избирательного округа и т.д. Элита территории также должна иметь свою структуру. Формой такой структуры являются клубы. Это организации отдыха, развлечения и общения, в ходе которого у представителей элиты появляется возможность согласовать все свои позиции по поводу ситуации на их территории. Наверно, эта самая массовая и простая форма клана. Члены клуба не имеют друг перед другом никаких обязательств, а поэтому нет никаких механизмов лояльности. У большинства клубов нет никакой тайны. Люди в них делают то, что заявлено: отдыхают и общаются. Клубы эти открыты для тех, кто обладает необходимыми качествами: властью, деньгами, славой.

Может быть, это не кланы? Но эти структуры позволяют вырабатывать единую позицию, а значит, навязывать ее обществу. Через клубы элита защищает и утверждает свое привилегированное положение. Поэтому мы видим в простоте клубной формы не отсутствие клановых черт, а предельную растворенность этой формы в обществе. Тонкость клубной формы состоит в том, что для объединения усилий его членам не обязательно даже договариваться. Их социальное единство приведет к тому, что, защищая себя, каждый будет защищать всех. Кроме того, клубная форма создает площадку для формирования межэлитных союзов: бизнеса — с политиками, чиновников — с бизнесом, представителями различных партий, финансовых групп и т.д. Такие же союзы формирует партийная система, но партии привязаны к выборам и поэтому недостаточно гибкие. Союзы же необходимо формировать быстро и по различным вопросам. Здесь клубная форма незаменима. Кроме того, система клубов формирует психологию и идеологию элитарности, которая позволяет элите воспринимать себя как некое единство. И, наконец, клуб может объединять в себе элиту не только одного города, а целой страны или ряда стран. И в этом случае никто не сомневается, что клуб является кланом — устойчивым объединением, через которое элита осуществляет свою роль в обществе.

Такая растворенность заставляет общество недооценивать клубы. Их в лучшем случае воспринимают как элитную инфраструктуру отдыха и общения. Внимание общества сфокусировано не на элитных, а на экспертных клубах. Ярким примером этого в прошлом был Римский клуб, а в наше время — Бильдербергский клуб [4]. Но нужно понимать, что это всего лишь экспертные сообщества. В Бильдербергском клубе вообще нет членства. Единственный член клуба — это его председатель. Все участники

заседания — приглашенные гости, которые делятся своими экспертными мнениями. То есть — это «НИИ» при клубах более высокого порядка.

И, наконец, последний тип клана: *тайные организации*.

По сути, все кланы — это тайные общества. Как мы говорили выше, они формируются и функционируют в тайне. Тайна — первое требование к клану. Но современная клановая тайна существует в совершенно новой парадоксальной растворенной форме. Однако есть структуры, которые являются тайными в первоначальном смысле слова: факт их существования является тайной, цели являются тайной, принадлежность человека к ним также является тайной, и раскрытие этой тайны жестоко карается. Таким образом, первое требование клана: тайна. Замкнутость достигается за счет того, что войти в него можно, если позовут, а выйти — если позволят. В организацию принимают только родственников и хороших знакомых. Механизмом лояльности также является тайна. Рядовые члены не знают ни состава организации, ни ее целей, а поэтому либо вообще не могут ее предать, либо их предательство не принесет ей большого урона.

Но зачем нужны такие организации, когда растворенная форма эффективней? Действительно, растворенная форма эффективней, когда вы контролируете уже существующие тенденции: какую-то — усилили, какую-то — ослабили, а дальше в результате «честного» соревнования тенденций получается нужный вам результат. А если вам нужно создать или уничтожить тенденцию, растворенного вмешательства не хватает. Для более жесткого вмешательства и создаются тайные общества. Тайные общества — это оружие в руках элиты. Ярким примером являются масоны [5, 6]. Появившись в конце XVII в. в Англии, там они никакой активной деятельности не вели, но зато активно работали в континентальной Европе и Америке. В первую очередь они всеми средствами внедряли идеи просвещения и принципы научного знания, уже тем самым подрывая мировоззренческую основу абсолютной монархии. И главное — сама естественно-научная парадигма подрывает принцип божественного права. С точки зрения науки истина — только то, что может быть доказано. Принцип божественного права доказан быть не может и держится на вере. А одним из краеугольных камней естественно-научной картины мира является отказ от веры как источника знания. В результате создается идеологическая основа для революций, которые масоны сами и организуют: Французская революция,

Испанская революция, объединение Италии, революционные движения в Польше и России, деятельность Герцена и Маркса [7], — все это, так или иначе, связано с масонством. При этом преследовалась две цели: узкая — усиление роли Великобритании в тех или иных странах (например, в Италии) и стратегическая — изменение мировоззрения континентальных элит, переформатирование его по британскому «шаблону». Масштаб действия масонов стал так велик, что сохранить тайну они в принципе не могли. В результате сегодня масоны — это не тайная организация, а механизм прикрытия фальшщели, на которую отвлекается внимание общества. Но тайные общества не исчезли и работают по масонским заветам, но автономно от них. Знаменитыми разведчиками становятся те, кто провалился, то же — и с тайными обществами: мы знаем лишь те, которые были раскрыты. Пример: «Пропаганда № 2» (П-2), ложа в Италии, концентрирующая в своих руках кадровый ресурс (продвигали своих, чтобы они, в свою очередь, продвигали своих). Таким образом, предполагалось перехватить государственную власть у политической элиты и в дальнейшем преобразовать Италию. Их погубило стремление к излишней монополизации — интересы слишком многих были задеты.

Но сегодня теми задачами, которые ставили перед собой масоны — идеологическое переформатирование чужой элиты и установление контроля над ней — занимаются спецслужбы и пропагандистские структуры ведущих государств. Сохраняются ли в такой ситуации тайные общества? Как показывает пример «П-2», да. Но зачем? Спецслужбам легко действовать в среде чужой элиты, и здесь они весьма эффективны, но по отношению к своей они беспомощны. Руководство спецслужб — тоже часть элиты и живет по законам элиты, а значит, не может контролировать само себя. Вот этот внутреэлитный контроль и преобразования и пытаются брать на себя тайные общества.

Что же получается?

Тайные общества возникают как орудие в руках элиты в борьбе за переформатирование мира. Впоследствии внешнеполитическую часть этого дела берет на себя государство, а за тайными обществами сохраняется роль по переформатированию своей собственной элиты.

Выводы

В условиях демократии элита находится под постоянным давлением общества. Поэтому неизбежной формой существования элиты являются

кланы — тайные закрытые структуры, имеющие внутренние механизмы обеспечения лояльности. Но, оказывается, такое «ущемленное» положение элиты резко увеличивает ее могущество. Растворенная форма сохраняет ресурсы в руках элит, избавляя их от ответственности. Через кланы элита реализует свои социальные функции и защищает свое положение в нем. Кланов правят этим обществом, находясь в растворенной форме, пронизывая все важнейшие институты этого общества. Они явля-

ются гарантией стабильности общества, и в этом их социальная функция. Поэтому они — центр этого общества, его сущность. Растворенность кланов в демократии автоматически формирует систему своеобразных фальшицелей. Каждое действие имеет свою, необходимую с точки зрения демократических процедур, цель. Но благодаря деятельности кланов, внутри этой цели существует другая гораздо более важная, но никем не осознаваемая цель. Поэтому демократия — это пик могущества кланов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре. М.: ИНИОН; 1991. 101 с.
2. Лаврецкий И.Р. Сальвадор Альенде. М.: Молодая гвардия; 1974. 288 с.
3. Othen C. Katanga 1960–63: Mercenaries, Spies, and the African Nation that Waged War on the World. San Francisco, CA: The History Press; 2015.
4. Павленко В.Б. Кризис глобального управления и попытки его разрешения за счет России. М.: Российская акад. наук, Ин-т сравнительной политологии; 2005. 174.
5. Jackson Keith B. Beyond the Craft. London: Lewis Masonic; 1980.
6. Карпачев С.П. Масоны. Словарь: великое искусство каменщиков. М.: Изд-во АСТ: Олимп; 2008. 634.
7. Башилов Б. Масонство и русская интеллигенция. URL: <https://bookshake.net/r/masonstvo-i-russkaya-intelligenciya-boris-bashilov>.

REFERENCES

1. Weber M. Works of M. Weber on sociology, religion, and culture. Moscow: INION; 1991. 101 p. (In Russ.).
2. Lavretsky I.R. Salvador Allende. Moscow: Molodaya Gvardia; 1974. 288 p. (In Russ.).
3. Othen C. Katanga 1960–63: Mercenaries, Spies, and the African Nations that Waged War on the World. San Francisco, CA: The History Press; 2015.
4. Pavlenko V.B. The crisis of global governance and attempts to resolve it at the expense of Russia. Moscow: RAS, Institute of Comparative Political Science; 2005. 174 p. (In Russ.).
5. Jackson Keith B. Beyond the Craft. London: Lewis Masonic; 1980.
6. Karpachev S.P. Freemasons. Dictionary: the great art of bricklayers. Moscow: AST Publishing House: Olympus; 2008. 634 p.
7. Bashilov B. Freemasonry and the Russian intelligentsia. URL: <https://bookshake.net/r/masonstvo-i-russkaya-intelligenciya-boris-bashilov>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Журавлёв — кандидат политических наук, научный руководитель, Институт региональных проблем, Москва, Россия; доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
dmitri1963@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Zhuravlev — Cand. Sci. (Political Sciences), Research Supervisor, Institute of Regional Problem, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
dmitri1963@mail.ru

Статья поступила 10.05.2021; принята к публикации 30.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.05.2021; accepted for publication on 30.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-50-58
УДК 31.316.7(045)

Производство общения как базовый критерий эффективности межкультурных коммуникаций*

А.Г. Тюриков^а, А.Я. Большунов^б, С.А. Большунова^с

Финансовый университет, Москва, Россия

^а<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>; ^б<https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>;

^с<https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается и обосновывается тезис, согласно которому производство форм общения является основным критерием эффективности межкультурных коммуникаций. Концепт активной интерсубъективности, в фокусе которого находятся процессы совместного смыслообразования, формирования локальной сферы интерсубъективности, позволяет моделировать производство форм общения в межкультурных коммуникациях. В статье обсуждаются атрибуты активной интерсубъективности, которые должны браться в расчет при моделировании межкультурных коммуникаций, а также особенности моделирования активной интерсубъективности как производства форм общения в межкультурных коммуникациях. Описываются общественные практики активной интерсубъективности, которые могут быть задействованы в целях оптимизации межкультурных коммуникаций. В заключение указывается, что процессы активной интерсубъективности в межкультурных коммуникациях нуждаются в консультационном сопровождении и перечисляются требования к консультантам, способным обеспечить это сопровождение.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; активная интерсубъективность; общественные формы общения; производство форм общения; смыслообразование; эффективность межкультурной коммуникации; смыслоцентричное консультирование

Для цитирования: Тюриков А.Г., Большунов А.Я., Большунова С.А. Производство общения как базовый критерий эффективности межкультурных коммуникаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):50-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-50-58

ORIGINAL PAPER

Communication Production as a Primary Criterion for the Effectiveness of Intercultural Communication**

A.G. Tyurikov^a, A. Ya. Bolshunov^b, S.A. Bolshunova^c

Financial University, Moscow, Russia

^a<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>; ^b<https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>;

^c<https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

ABSTRACT

The article reveals and substantiates the thesis that the production of forms of communication is the main criterion for the effectiveness of intercultural communication. The concept of active intersubjectivity, which focuses on the joint meaning formation, forming a local sphere of intersubjectivity, allows us to model the production of forms of communication in intercultural communications. The article discusses the attributes of active intersubjectivity that should be considered when modelling cross-cultural communications and the features of modelling active intersubjectivity as the production of forms of communication in cross-cultural communications. Public practices of active intersubjectivity that can be used to optimize cross-cultural communication are discussed. The conclusion states that the processes of active intersubjectivity in cross-cultural communications need consulting support and lists the requirements for consultants who can provide this support.

Keywords: cross-cultural communication; active intersubjectivity; social forms of communication; production of forms of communication; meaning formation; effectiveness of cross-cultural communication; meaning-centered counseling

For citation: Tyurikov A.G., Bolshunov A. Ya., Bolshunova S.A. Communication production as a primary criterion for the effectiveness of intercultural communication. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):50-58. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-50-58

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникации часто рассматривают как средство достижения каких-либо целей и с этой точки зрения оценивают их эффективность. Например, переговоры являются средством заключения договора, совершения сделки. Замысел статьи состоит в том, чтобы показать, что такой подход к оценке эффективности коммуникаций заводит в западню. Производство самого общения является предпосылкой достижения разнообразных целей; общение предрасполагает к компромиссам, взаимности, реципрокности. Напротив, низкое качество общения становится препятствием к достижению даже рациональных договоренностей. В настоящей статье мы стремимся показать, что сделки, компромиссы и т. п. являются не целями, а эвентуальными продуктами эффективной коммуникативной деятельности.

Приведем в качестве примера низкой эффективности коммуникаций Д. Трампа. Его называют «мастером сделок». Но что стало реальным продуктом его коммуникативной экспансии? Ким Чен Ын, руководство Ирана, Си Цзиньпин, даже союзники (европейские лидеры) либо воздерживаются от общения с Трампом, либо ограничивают общение с ним. Не будет преувеличением сказать, что в международных отношениях Трамп потерпел коммуникативное крушение. В итоге ни одна из обещанных Трампом «сделок» не состоялась. Конечно, можно чего-то добиться «выкручиванием рук», но этот «успех» всегда будет непрочным, неустойчивым, временным, и стороны, из которых его «выдавили», откажутся от «сделок», как только для этого будут условия.

Обратным примером являются взаимоотношения В. Путина и Р. Эрдогана, которым удается сохранять эффективное общение, несмотря на противоречия между Россией и Турцией по широкому кругу вопросов. Происходит это в значительной мере потому, что им удается поддерживать коммуникации, взаимный интерес к общению и, как следствие, — личным отношениям.

Аналогично, в экономике прочные отношения между компаниями являются не столько результатом способности руководителей и переговорщиков добиваться результатов «здесь-и-теперь», сколько их способности сформировать коммуникативный контекст,

общее смысловое пространство, располагающих к сделкам.

В кросс-культурных (и не только) семьях сохранение семьи является эффектом способности сторон поддерживать коммуникации, осуществлять производство и воспроизводство коммуникаций. В соседских отношениях в поликультурных средах решающее значение принадлежит способности поддерживать коммуникации.

ОБЗОР ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В рамках НИР «Межкультурная коммуникация в глобальном мире: опыт моделирования и применения нового теоретико-методологического инструментария» было реализовано обширное исследование научных публикаций, посвященных проблемам эффективности межкультурных коммуникаций, методом контент-анализа.

В результате проведенного анализа было выявлено, что понятие «эффективность» напрямую зависит от используемых авторами моделей коммуникации и теоретических предпосылок. Модели коммуникации в организациях и «субъект-ориентированные» модели рассматривают эффективность как вероятность достижения целей, выполнения функций [1]. По существу, в этом случае коммуникации воспринимаются как действия, совершающиеся в составе некоторой деятельности (например, экономической, политической и т. п.), и речь идет об эффективности действий, критерии которой задаются деятельностью. Диалогические модели под эффективностью в коммуникации обычно подразумевают достижение «понимания» [2]. Но речь здесь не идет о понимании в том смысле, о котором, например, говорит Унамуно: «Понять — значит простить». Понимание здесь определяется как «правильная оценка партнера по коммуникации, а именно — типичных для него психических механизмов обработки сигналов», «для достижения взаимопонимания необходимо распознать механизмы понимания информации собеседником» [2, с. 36]. По сути, как правило, речь идет о взаимопонимании по определенному кругу вопросов, и такое взаимопонимание носит вполне прагматичный, а не экзистен-

циальный характер. Наконец, информационно-кодовые модели связывают эффективность с полной и точной передачей сообщения [3]. Все названные модели указывают, во-первых, на «средственный», инструментальный подход к коммуникациям. Во-вторых, разночтения свидетельствуют не только об отсутствии единого взгляда на эффективность коммуникаций, но и на необходимость рефлексии методологических и мировоззренческих установок при определении понятия эффективности.

Вторым значимым результатом контент-анализа стала систематизация факторов, детерминирующих эффективность межкультурной коммуникации (см. рисунок).

Из рисунка видно, что выявленные в проанализированных публикациях факторы можно разделить на три группы. Первая — «факторы, относящиеся к процессу коммуникации» — включает три подгруппы: а) формы взаимодействия, которые ученые относят к эффективным (например, диалог, двустороннее взаимодействие, кооперация и др.); б) характеристики процесса коммуникации, влияющие на его эффективность (добровольность коммуникации, наличие доверия, взаимоуважения и др.); в) результат коммуникации. Последняя подгруппа — наиболее противоречивое множество, поскольку разные авторы считают продуктивными разные результаты, что напрямую вытекает из авторского определения эффективности. В связи с этим в некоторых статьях эффективная межкультурная коммуникация подразумевает адаптацию к культуре другого или стирание культурных различий, в иных — взаимное обогащение и сохранение культурных различий или достижение понимания. Вторая группа — «факторы, относящиеся к субъекту коммуникации» — также разделена на три подгруппы и описывает идентичность коммуниканта, способствующую эффективной коммуникации, включая знания, навыки, установки, цели и мотивы, эмоциональный фон, владение коммуникативными действиями и операциями, а также системные свойства субъекта такие, как обращение со смыслами.

Основная сложность применения данной группы для оценки коммуникации заключается в слабой операционализации ее компонентов, а также невозможности составления полного, универсального и непротиворечивого списка всех необходимых субъекту факторов

эффективной межкультурной коммуникации, поскольку разные коммуникативные ситуации запрашивают от участников различные навыки, компетенции, установки и пр.

Последней выделенной группой факторов, влияющих на эффективность межкультурной коммуникации, являются ситуативные факторы. Они представляют собой хаотичное множество ситуаций и определяются контекстом и проблематикой проанализированных работ. Так, в бизнес-коммуникациях принято учитывать экономические издержки, а помогающие работники уделяют большее внимание социальному контексту.

В целом выделенные факторы эффективности коммуникаций являются либо чрезмерно общими и слабо операционализированными, либо чрезмерно конкретными (ситуационными).

ФЕНОМЕН И ПОНЯТИЕ АКТИВНОЙ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ КАК ПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕНИЯ

В настоящей статье обсуждаются возможности использования в целях моделирования и оценки эффективных межкультурных коммуникаций концепта активной интерсубъективности, введенного в 2007 г. в научный оборот Х. Де Жагэр и Э. Ди Паоло [4].

В ситуациях монокультурного общения «мы понимаем друг друга... через наше общее участие в общем мире», и «чтобы понять других людей... я должен обратить внимание на мир, который я уже делю с ними» [5]. Этот общий нам жизненный мир является интерсубъективно конституированным и дан нам как мир культуры [6, с. 111, 169], являющейся ««смысловым формообразованием» (Э. Гуссерль использует термин «смысловый гештальт») [7, с. 455]. Иначе говоря, в монокультурных коммуникациях люди находятся внутри одного «смыслового гештальта», располагают интерсубъективными ресурсами коммуникации для так называемого *direct social perception* (прямого социального восприятия, «чтения мыслей») [5]. Ранее Ю. Хабермас подчеркивал, что «жизненный мир образует... интуитивно уже заранее понимаемый контекст ситуации действия; в то же время он поставляет ресурсы для процессов истолкования, в которых участники коммуникации стараются покрыть возникающую в той или иной ситуации действия потребность во

Рис. / Fig. Факторы эффективности коммуникаций, выявленные в результате качественного контент-анализа / Factors of the effectiveness of communications, identified as a result of high-quality content analysis

Источник / Source: авторский / the authors.

взаимопонимании» [8, с. 202]. В отличие от монокультурного общения ситуация межкультурной коммуникации характеризуется дефицитом интерсубъективных ресурсов. «Активная интерсубъективность» — процесс и деятельность, в которых осуществляется совместное создание объединенного смысла [9], общего для участников коммуникации «смыслового гештальта», т.е. локального жизненного мира. Наглядным примером является кросс-культурная семья, в которой в первые три года своего существования муж и жена должны создать свое пространство интерсубъективности, свой локальный, семейный, жизненный мир, и, если эта задача не будет решена, семья с высокой степенью вероятности распадется.

Активной интерсубъективностью люди вовлекаются в соопределение, в совместное смыслообразование и формирование общих им феноменологических (смысловых) ландшафтов (локальных жизненных миров) [4, 5, 10–12]. Само понятие активной интерсубъективности введено в контексте движения, получившего название «интерсубъективного поворота» [12], являющегося важным направлением развития

энактивизма. По мнению Де Жагэр, люди не всегда располагают контролем над взаимодействиями, в которых участвуют, даже не всегда вполне осознают их, но формы социального взаимодействия конституируют поведение и сознание людей [11]. Понятие активной интерсубъективности предполагает, что люди могут преодолеть оковы господствующих над ними общественных отношений (форм социального взаимодействия), стать сотворцами новой интерсубъективности. Это похоже, по мнению Т. Фукс и Х. Де Жагэр, на вступление в неизведанный ландшафт, не только пространственно, но и временно, личностно и эмоционально; взаимное объединение открывает потенциально новые области создания смысла, которые не были доступны ранее [12].

В рамках настоящей статьи важно, что К. Маркс в ранних работах, вплоть до «Немецкой идеологии», использовал понятия общественной формы и формы общения как эквивалентные. И он также допускал, что при определенных условиях люди способны к созданию новых общественных форм бытия людьми, т.е. новых форм общения.

В современном энактивизме (деятельностно-феноменологическом подходе) марксовы «вещные силы» называются воплощениями (embodiment), образующими вместе с воплощенными в них смысловыми формообразованиями (интенциональными структурами и контекстами) интересубъективность, которой конституируются жизненные миры. Здесь мы рассматриваем общественные формы жизнедеятельности людей (формы общения) как одно из наиболее значимых воплощений. Активная же интересубъективность является производством общественных форм бытия людьми (форм общения) как воплощений, постольку процессы смыслообразования играют в ней центральную роль.

В исследованиях межкультурной коммуникации понятие активной интересубъективности призвано сыграть ключевую роль, так как коммуникация осуществляется в ситуациях дефицита интересубъективных ресурсов. В этих ситуациях необходимо создавать общее пространство смыслов, объединяющее участников коммуникации. Межкультурная коммуникация всегда имеет характер активной интересубъективности, основным эффектом которой является производство форм общения.

Рассмотрим наиболее значимые в контексте статьи атрибуты активной интересубъективности.

Во-первых, активная интересубъективность — это именно деятельность, не редуцируемая к осуществляющимся в ее составе действиям [4]. Она устанавливает относительную область со своими собственными свойствами, которая моделирует индивидуальное поведение [4, 13]. Она то, что в действиях образует их форму и смысл, связующий их в одно целое. Согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева, различают деятельность, реализующую ее действия и операции. При этом эта теория связывает процессы смыслообразования именно с деятельностью. Но собственно деятельность, оставляя на всем свой невидимый след [10], сама остается за кадрами своих эмпирических проявлений. Еще Платон иронически заметил, что для восприятия лошади достаточно зрения, осязания и прочих чувств, а для того, чтобы воспринять «идею лошади» (лошадь — то, что имеет смысл лошади) надобен еще и ум. Аналогично К. Маркс определяет товар как вещь чувственно-свер-

хчувственную: товар — то, что имеет смысл «товар». Этот смысл вещь приобретает в деятельности, и это «сверхчувственное» есть тот самый след, который деятельность оставляет на всем. Действовать (обращаться) с вещами как с товарами значит — действовать с ними сообразно с их смыслом.

Вторым атрибутом активной интересубъективности является совместное смыслообразование как процесс создания общего «смыслового гештальта», локальной сферы интересубъективности.

В-третьих, активная интересубъективность — это динамический процесс взаимопонимания, формирования необходимого для этого «неявного знания» [12], приобретения социальной чувствительности, выражающейся в способности к прямому социальному восприятию, буквально «считыванию мыслей» друг друга. Именно благодаря интересубъективности (общего смыслового гештальта) люди понимают друг друга «с полуслова».

В-четвертых, процесс активной интересубъективности получает «собственную жизнь», своего рода автономию [12]. Он образует сферу становящейся интересубъективности, имеющей перспективу стать произведенным участником межкультурной коммуникации жизненным миром.

В-пятых, специфическим феноменологическим аспектом активной интересубъективности является «погружение», где это — и условие, и эффект «иммерсивной перспективы» (т. е. перспективы соприсутствия в хайдеггеровском значении слова, соучастия в становящемся жизненном мире) [12].

В-шестых, специфический характер «сцепления» участников активной интересубъективности, выражаемый терминами «соопределение», «корегулирование». При этом «сцепление» как развертывающийся в активной интересубъективности процесс, не означает «гармонии» — это «непрерывное колебание между синхронизацией и десинхронизацией, между созвучием (attunement) и отчуждением» [12]. Дело в том, что процесс производства форм общения включает в себя не только создание пространства интересубъективности, но и деконструкцию препятствующих ему воплощений («развоплощение», «распредмечивание»), которая нередко имеет травмирующий характер.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ АКТИВНОЙ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

В настоящей статье в центре научного интереса — не спонтанно возникающие очаги коммуникации, а общественные практики активной интерсубъективности, которые могут быть задействованы в межкультурных коммуникациях. К ним относятся хейзинговские игры (согласно Й. Хейзингу, культура происходит из игры), делиберативные практики Ю. Хабермаса, организационно-деятельностные и «ОДИ-образные» игры (ОДИ). Существенно, что ОДИ — «есть создание принципиально новых культурных форм, режимов жизни, мышления и деятельности», иммерсивные практики (например, иммерсивный театр) [14, с. 135]. К ним можно также отнести некоторые форсайт-практики. Большинство названных практик имеет характер игр. Согласно Л. С. Выготскому, конституирующим признаком игры является «расхождение смыслового поля и оптического с главенством смыслового» [15, с. 228]. В детских играх это выражается в том, что «ребенок создает мнимую ситуацию» [15, с. 204]. Во взрослых играх смысловая ситуация в некотором смысле тоже является «мнимой». Деррида вообще все формы общественного бытия людьми называет «призраками К. Маркса» [16], поскольку в общественном бытии люди и вещи таковы, каковы они не по природе, а по смыслу. Расхождение смыслового поля и видимого является неотъемлемой характеристикой того, что К. Маркс называл общественным бытием людей и вещей. Но суть игры не в этом. Люди всегда действуют в смысловых полях, их поведение всегда опосредствованно смыслами ситуаций, событий, вещей и т. п. В этом состоит основной тезис новой феноменологии У. Матурана и Ф. Варела. Суть игры в том, что в игре происходит сдвиг с целей на смысл, с достижения целей — на смыслообразование. Поэтому игра, включая детские игры, — это область особенно плодотворная для исследования «enactive» (бездеятельный) [10] и реализации энактивистских практик, включая практики активной интерсубъективности.

В общественном и социальном значении практики активной интерсубъективности — это практики социокультурных переходов (А. Геннеп). Соответственно, активную интерсубъективность можно характеризовать

как пространство и время лиминальности (порогового перехода), а участников активной интерсубъективности — как «лиминальных personae» — («пороговых людей»), находящихся в переходах жизненных миров [17, с. 169].

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ АКТИВНОЙ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Особенности моделирования активной интерсубъективности связаны с тем, что речь идет о моделировании не действий, а именно деятельности. Можно указать на восемь особенностей моделирования активной интерсубъективности в межкультурной коммуникации.

1. Моделирование «смысловой ситуации» межкультурных коммуникаций. «Смысл... задает ситуацию деятельности, это ее конституирующий, образующий элемент» [18, с. 101]. В межкультурной коммуникации объектом моделирования являются, прежде всего, дефициты интерсубъективности и препятствующие коммуникации воплощения интенциональных структур жизненных миров.

2. Моделирование деконструкций, препятствующих коммуникации интенциональных структур и их воплощений (т. е. процессов «распредмечивания», «развоплощения»). Деконструкция неизбежно породит «цветение смыслов», которым участники коммуникаций будут вовлечены в смыслообразование. Деконструкция интенциональных структур и их воплощений — это всегда в той или иной мере культурный шок, травма. Моделируя активную интерсубъективность в межкультурной коммуникации, необходимо учитывать это обстоятельство.

3. Моделирование процессов совместного смыслообразования, становления общего участникам коммуникации смыслового гештальта.

4. Моделирование форм общения (общественных форм деятельности), предрасполагающих к взаимности, соприсутствию, соопределению. Речь идет о производстве таких форм общения в практиках активной интерсубъективности.

5. В деятельностно-организационном проектировании активной интерсубъективности речь идет не о действиях и, тем более, «меро-

приятных», а о том, как развернуть деятельность как игру с характерным для нее сдвигом с целей на смыслы и смыслообразование. Речь именно о том, как коммуникации приобретут характер нередуцируемой к действиям совместной деятельности.

6. Моделирование феноменологических планов активной интерсубъективности (процессы активной интерсубъективности являются таковыми лишь постольку, поскольку проживаются, приобретают характер экзистирования).

7. Конечно, любая практика активной интерсубъективности предполагает «рабочие цели». Но эти цели должны либо относиться к сути происходящего (что не всегда возможно, поскольку участники исходно не располагают смыслами, которые позволят им сформулировать адекватные цели; участникам еще только предстоит пройти через горнило смыслообразования), либо они заведомо будут деконструированы и пересмотрены в процессе активной интерсубъективности.

8. Последняя особенность связана с моделированием динамики процессов активной интерсубъективности. Процессы эти включают, как минимум, три фазы. Первая — фаза входа в пространство активной интерсубъективности (погружения). Это фаза деконструкции препятствующих межкультурной коммуникации интенциональных структур и воплощений вплоть до «цветения смыслов». Вторая фаза — собственно смыслообразования, соопределения, соприсутствия как производства новой формы общения. Наконец, поскольку характеризуется тенденцией к автономии,

«замыканию», необходима третья фаза выхода — трансформации новых смыслов в новую совокупность «рабочих целей».

ВЫВОДЫ

Производство, воспроизводство и развитие форм общения выступает основным критерием эффективности межкультурных коммуникаций, при этом производство форм общения осуществляется в практиках активной интерсубъективности.

Активная интерсубъективность — сложный процесс, нуждающийся в консультационном сопровождении. Можно говорить о специфических консультационных практиках, в которых на первом плане находится смыслообразование, формирование смыслового гештальта как сферы интерсубъективности. Сегодня на Западе наблюдается «поворот к созданию смыслов», взрыв интереса к тому, что называют смыслом в энактивизме [19]; возникло даже понятие смыслоцентричного консультирования [20]. Из вышесказанного следует, что такие практики требуют от консультантов:

- высокого уровня методологической оснащенности;
- специфических компетенций в области модерирования (игротехники);
- социальной чувствительности, проявляющейся в способности к прямому социальному восприятию; при этом надо располагать чувствительностью и в отношении самого себя, собственной коммуникативной несоборности в ситуации межкультурной коммуникации;
- культурных компетенций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/ REFERENCES

1. Окольнишкова И. Ю. Анализ подходов к оценке эффективности маркетинговых коммуникаций. *Вестник ЮУрГУ*. 2011;28(245):134–142.
Okolniskova I. Yu. Analysis of approaches to assessing the effectiveness of marketing communications. *Vestnik YUURGU*. 2011;28(245):134–142. (In Russ.).
2. Белозерцев А. В. Параметры коммуниканта в моделях коммуникации. *Lingua mobilis*. 2014;3(49):32–44.
Belozertsev A. V. Communicator parameters in communication models. *Lingua mobilis*. 2014;3(49):32–44. (In Russ.).
3. Насибуллин Р. Т., Фазлыев А. А. Матричная модель реализуемости коммуникации. *Социальная политика и социология*. 2010;8(62):533–539.
Nasibullin R. T., Fazlyev A. A. Matrix model of communication feasibility. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2010;8(62):533–539. (In Russ.).
4. De Jaegher H., Di Paolo E. Participatory sense-making. An enactive approach to social cognition. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2007;(6):485–507.

5. Gallagher S. Two Problems of Intersubjectivity. URL: https://www.academia.edu/20554561/Two_Problems_of_Intersubjectivity?email_work_card=view-paper.
6. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект; 2010. 229 с.
Husserl E. Cartesian meditations. Moscow: Academic Project; 2010. 229 p. (In Russ.).
7. Гуссерль Э. Избранные работы. Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». М.: Издательский дом «Территория будущего»; 2005. 464 с.
Husserl E. Selected works. Series “University Library of Alexander Pogorelsky”. Moscow: Publishing House “Territory of the Future”; 2005. 464 p. (In Russ.).
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука; 2001. 379 с.
Habermas J. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka; 2001. 379 p. (In Russ.).
9. Drain Chris. Cognition, activity and content: N. Leontiev and the enactive origin “of ideal reflective content”. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018;55(3):106–121.
10. Di Paolo Ezequiel A., Rohde Marieke, De Jaegher Hanne. Horizons for the Enactive Mind: Values, Social Interaction, and Play. URL: https://www.academia.edu/2082265/Horizons_for_the_enactive_mind_Values_social_interaction_and_play?auto=download&email_work_card=download-paper.
11. Froese T., Shaun Gallagher. Getting interaction theory (IT) together: Integrating developmental, phenomenological, enactive, and dynamical approaches to social interaction. *Interaction Studies*. 2012;13(3):436–468.
12. Fuchs T., De Jaegher H. Enactive intersubjectivity: Participatory sense-making and mutual incorporation. URL: https://www.academia.edu/11325878/Enactive_intersubjectivity_Participatory_sense-making_and_mutual_incorporation.
13. De Jaegher H., Di Paolo E. Making Sense in Participation: An Enactive Approach to Social Cognition. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1089.4002&rep=rep1&type=pdf>.
14. Щедровицкий Г. П. На досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М.: Изд-во Шк. Культ. Полит.; 2004. 196 с.
Shchedrovitsky G. P. On the boards. Public lectures on philosophy by G. P. Shchedrovitsky. Moscow: Publishing House Polit; 2004. 196 p. (In Russ.).
15. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. Moscow: Изд-во «Смысл», Изд-во «Эксмо»; 2004. 512 с.
Vygotsky L. S. Psychology of child development. Moscow: Smysl Publishing House, Eksmo Publishing House; 2004. 512 p. (In Russ.).
16. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, издательство «Esse homo»; 2006. 256 с.
Derrida J. The Ghosts of Marx. The State of Duty, the Work of Sorrow and the New International. Moscow: Logos-altera, Publishing House “Esse Homo”; 2006. 256 p. (In Russ.).
17. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»; 1983. 277 с.
Turner V. Symbol and ritual. Moscow: The main editorial office of oriental literature of the Nauka Publishing House; 1983. 277 p. (In Russ.).
18. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. М.: Вост. Лит.; 2005. 463 с.
Shchedrovitsky G. P. Sign and activity. Moscow: Vostochnaya Literatura; 2005. 463 p. (In Russ.).
19. Dervin Brenda, Naumer Charles M. Sense-making. URL: <https://www.academia.edu/393263/Sense-Making>.
20. Wong Paul T. P. Meaning-Centred Counselling. URL: https://www.academia.edu/783625/Meaning-centered_counseling.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
t-ag2013@yandex.ru

Андрей Яковлевич Большунов — кандидат психологических наук, доцент Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
abolshunov@bk.ru

София Андреевна Большунова — научный сотрудник Центра социальной экспертизы и развития, Финансовый университет, Москва, Россия
sophia.bolshunova@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Alexander G. Tyurikov — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
t-ag2013@yandex.ru

Andrey Ya. Bolshunov — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
abolshunov@bk.ru

Sofia A. Bolshunova — Research Fellow, Centre for Social Expertise and Development, Financial University, Moscow, Russia
sophia.bolshunova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

А.Г. Тюриков — анализ отечественных подходов к изучению эффективной коммуникации; описание особенностей моделирования и проектирования активной интерсубъективности в межкультурной коммуникации; организация проведения контент-анализа, подготовка заключения.

А.Я. Большунов — описание феномена и уточнение понятия активной интерсубъективности как производства общения; описание общественных практик.

С.А. Большунова — разработка инструментария исследования; проведение полевого и аналитического этапа исследования; верификация научных выводов статьи.

Author's declared contribution:

A. G. Tyurikov — analysis of domestic approaches to the study of effective communication; description of the features of modelling and designing active intersubjectivity in intercultural communication; organization of content analysis, preparation of an opinion.

A. Ya. Bolshunov — description of the phenomenon and clarification of the concept of active intersubjectivity as the production of communication; description of social practices.

S. A. Bolshunova — development of research tools; carrying out the field and analytical stage of the study; verification of the scientific conclusions of the article.

Статья поступила 18.03.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 18.03.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-59-65
УДК 32(045)

Технология воздействия в современных политических коммуникациях: психологические основания

С.В. Лебедев

политический консультант, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8228-2256>

АННОТАЦИЯ

Автор пишет о манипулятивных технологиях, используемых в политических коммуникациях, и осуществляет попытку их интерпретации через призму психологических и антропологических концептов (когнитивная психология, эволюционная психология). В статье рассматриваются такие политические технологии, как «Зона Уэйта», «виктимизационная уния», «семантическое дифференцирование», «торговля страхом», «ложная театрализация», «копченая селедка» и «создание жертвы». Политические технологи анализируют их достаточно поверхностно, не пытаясь понять, каковы глубинные психологические основания их эффективности, поэтому в статье предпринимается попытка разобраться в этом вопросе с опорой на социальную, когнитивную и эволюционную психологию. Автор не претендует на то, что его объяснения будут носить исчерпывающий характер, однако предполагает, что они смогут пролить свет на определенную эффективность приемов медиаманипулирования. Этот вопрос представляется особенно актуальным в связи с тезисом многих специалистов о том, что человечество вступило в новую эпоху медиаманипуляций — эпоху постправды (post-truth era). Представляется, что это обуславливает особую актуальность данной статьи.

Ключевые слова: политические технологии; манипуляции; политические коммуникации; массмедиа; постправда; когнитивные искажения; эвристики

Для цитирования: Лебедев С.В. Технология воздействия в современных политических коммуникациях: психологические основания. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-59-65

ORIGINAL PAPER

Technology Impact in Modern Political Communications: Psychological Grounds

S.V. Lebedev

Political consultant, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8228-2256>

ABSTRACT

The author writes about the manipulative technologies used in political communications and an attempt to interpret through the prism of psychological and anthropological concepts (cognitive psychology, evolutionary psychology). The article discusses such political technologies as “Wait Zone”, “Victimisational Snow”, “semantic differentiation”, “Fear trade”, “false theatricalisation”, “red herring”, and “Creating a victim”. Political technologists analyse them quite superficially, not trying to understand the deep psychological foundations of their effectiveness, so an attempt is made to understand this issue with support for social, cognitive, and evolutionary psychology. The author does not claim that his explanations will be exhaustive, but it suggests that they can shed light on the particular effectiveness of media exchange techniques. This issue is particularly relevant in connection with the thesis of many specialists that humanity has entered a new media manipulation era – The post-truth era. It seems that this determines the special relevance of this article.

Keywords: political technologies; manipulation; political communications; mass media; post-truth; cognitive distortions; heuristics

For citation: Lebedev S.V. Technology impact in modern political communications: Psychological grounds. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):59-65. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-59-65

*Кто умеет вводить толпу в заблуждение,
тот легко становится ее повелителем.*

Густав Ле Бон

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Список «политических технологий» достаточно обширен. Сведения о них можно почерпнуть из публицистики, а также «методичек», написанных политическими консультантами, которые используют профессиональные жаргонизмы и описывают «внешнюю сторону» технологии, особо не анализируя ее. Более того, попытки анализа, которые они проводят, иногда основываются на дискредитированных псевдонаучных направлениях, например можно встретить работы про НЛП в политической рекламе, 25-й кадр и т.п. [1].

Поэтому в качестве источника сведений о наиболее распространенных технологиях влияния в политике были выбраны книги, написанные сотрудниками научных заведений, имеющими опыт в практической политике.

В.Д. Соловей в своей книге «Абсолютное оружие» отмечает следующие технологии политического влияния (список неполный):

- «Зона Уэйта»;
- виктимизационная уния;
- семантическое дифференцирование;
- трансфер;
- торговля страхом;
- ложная театрализация;
- «копченая селедка» (red herring).

Соловей развивает идею о феномене, который политические консультанты называют «зона Уэйта». Речь идет о некорректном переводе на русский язык фамилии американского политического журналиста и консультанта Теодора Уэйта (Theodore White), автора книги «The Making of the President 1960», получившей Пулитцеровскую премию. При этом в английской литературе не удастся найти понятие «White zone», которое бы имело какой-то политологический смысл, из чего можно сделать осторожный вывод, что «зона Уэйта» — это продукт словотворчества российских политических консультантов и журналистов. Суть зоны Уэйта заключается в том, что «мы подозреваем политиков в обмане, предполагая, что те скрывают подлинный смысл событий» [2]. В более широком смысле под зоной Уэйта понимается определенная конспирологич-

ность общественного сознания, его стремление к поиску тайн и заговоров.

Если обратиться к данным психологии, то концепт «тайны» действительно обладает мощным психологическим зарядом. Исследователи по психологии восприятия окружающей среды считают, что человек со склонностью исследовать тайны имеет эволюционное преимущество перед другими: он начнет исследовать необычную местность, а значит, может найти дополнительные ресурсы, которые повысят его шансы выжить и занять потомство [3].

В общем и целом можно предположить, что интерес к тайнам «вшит» в человеческую психику в силу обозначенных выше эволюционных причин. Поэтому неудивительно, что политика, являющаяся сферой распределения общественных ресурсов, вызывает постоянное стремление искать тайные мотивы, заговоры и т.п. Российская исследовательница С.А. Шомова, ссылаясь на З. Фрейда и его понятие «табу властителей», отмечает, что общество в целом склонно опасаться того, что правители начнут злоупотреблять своей властью [4], а поэтому постоянно подозревает их в тайных мотивах и оппортунистическом поведении.

Поэтому достаточно корявый политтехнологический термин «зона Уэйта» действительно описывает определенный аспект коллективного политического сознания.

Инструментально «зона Уэйта» открывает широкий простор для практики по дискредитации политических оппонентов с помощью обвинения их в преследовании личных эгоистических интересов. Например, сам В.Д. Соловей предполагает, что политика, который выступает против рекламы пива на телевидении (действительно полезное начинание), можно дискредитировать, намекнув, что на самом деле за ним стоит «водочное лобби».

Именно на этом аспекте строится такая технология влияния, как «утечка конфиденциальной информации», популярная в массмедиа. «Конфиденциальная информация» воспринимается общественным сознанием как более достоверная, — в политической психологии даже говорят об «эвристике секретности» [5] — т.е. когнитивном искажении, которое заставляет нас воспринимать «конфиденциальную» информацию как более качественную. Именно с этим, предположительно, связана склонность многих правителей чрезмерно доверять донесениям

своих спецслужб и пренебрегать информацией из публичных источников — ошибка, стоившая Николае Чаушеску государственного поста и жизни¹.

Таким образом, ссылка на «анонимный высокопоставленный источник», «засекреченный отчет, копия которого есть в распоряжении редакции» и другие языковые приемы, придающие сообщаемой информации флер «секретности», автоматически повышают доверие к ней.

Можно предположить, что также с этим связана популярность и живучесть многочисленных «конспирологических документов». При этом сторонники этих теорий не находят странным, что кто-то подробно и тщательно записывает свои планы и оформляет их в целый документ.

Следует отметить, что определенным следствием этой особенности массового сознания является специфическое отношение к коммуникативным практикам власти. С точки зрения массовой психологии истинная власть имеет право «хранить молчание» и не вдаваться в подробные объяснения своей политики. К примеру, А. Михальская формулирует это следующим образом: «предельное выражение принципа манифестации власти — полный отказ от слова» [6]. В качестве примера она приводит речевые стратегии «позднего» Сталина, когда его авторитет как теоретика марксизма и лидера партии уже не подлежал никакому сомнению. И вот любопытный пример: на банкете в честь его 70-летия в 1949 г. Сталин ни проронил ни слова, таким образом заставив приближенных гадать, что они сделали не так.

Представляется, что отчасти поэтому Д.А. Медведев, активно присутствовавший в социальных сетях в период своего президентства, скорее вызывал насмешки интернет-аудитории, нежели уважение за стремление «разъяснить» суть своей политики.

Под «виктимизационной унией» В.Д. Соловей понимает технологию сплочения социальной группы с помощью «единства в жертвенности». Аналогичным образом поиск по англоязычной

¹ По мнению многих историков и политологов, Чаушеску допустил очень грубую ошибку — он получал информацию о положении дел в стране исключительно из докладов спецслужбы Секуритате, которая «рисовала» высокие цифры народной поддержки. «Успешный» диктатор должен иметь несколько конкурирующих друг с другом каналов информации для получения объективной картины происходящего.

политологической литературе демонстрирует, что этот термин является исключительно российским, несмотря на латинские корни. Виктимизационная уния — процесс сплачивания общества вокруг какой-то исторической обиды, нанесенной «иным» или «чужим». В качестве примеров подобной технологии влияния В.Д. Соловей говорит о конструировании национальной идентичности государствами на постсоветском пространстве, делающими упор в своей символической политике на «исторические притеснения» от России или Советского Союза.

Представляется, что «виктимизационная уния» является частным случаем такой технологии влияния, как «создание образа врага». Просто в данной ситуации по объективным причинам «страдательный аспект не может не преобладать, поскольку у Эстонии и Украины нет шансов даже обнаружить минимальные триумфальные нотки в “вековом противостоянии” с Россией» [1].

Но в целом следует еще раз подчеркнуть, что «виктимизационная уния» представляется частным случаем технологии конструирования образа врага. Здесь необходимо сделать отступление и рассказать об исследованиях, проведенных социальным и политическим психологом Генри Тайфелем, которые продемонстрировали, насколько идентичность зависит от внешних «врагов». Исследователь давал испытуемым достаточно бессмысленные задания — например, угадать количество точек на экране, а потом делил их на группы на основании выполненного (бессмысленного) задания. Следующим шагом было распределение ресурсов между членами своей и чужой группы.

И участники эксперимента немедленно продемонстрировали внутригрупповой фаворитизм, выделив большинство ресурсов членам своей группы и оставив ни с чем чужих [7].

В общем и целом можно сделать вывод, что деление на группы и поиск внешних врагов — это архаический атрибут политического мышления, который может в теории принять вид «виктимизационной унии», если в истории группы преобладает «страдательный залог».

Представляется, что в зависимости от политических условий и исторических реалий «виктимизационная уния» может быть как вполне оправданной реакцией на определенные события (геноцид армян или Холокост), так и технологией по конструированию национальной

идентичности и самолегитимации (Прибалтика, Украина).

Семантическое дифференцирование — это прием негативного и позитивного маркирования оппонентов и сторонников (иностранные шпионы vs отечественные разведчики, партизаны vs боевики). В качестве частного случая семантического дифференцирования можно рассматривать такой прием, который В. Д. Соловей называет «антропологическая минимизация» — т. е. демонизация оппонента и лишение его всех человеческих черт с целью легитимации насилия против него.

В качестве примера того, что антропологическая минимизация реально работает, можно привести статистическое исследование влияния «Свободного радио и телевидения Тысячи Холмов» (RTLMS) на геноцид народа тутси в Руанде в 1994 г. RTLMS открыто призывало к насилию против тутси, используя завуалированные метафоры. Экономисты из Гарварда доказали, что призывы RTLMS имели реальное влияние на уровень насилия против тутси в том или ином регионе Руанды. Из-за гористой местности сигнал радио ловился по-разному, и в населенных пунктах, где сигнал был лучше, осужденных за геноцид было в итоге на 60% больше [8]. В общем и целом этот кейс является весомым аргументом против сторонников «теории ограниченных эффектов», считающих, что СМИ не имеют реального влияния на политическое поведение и только отражают общественные настроения.

Можно предположить, что семантическое дифференцирование и антропологическая минимизация становятся эффективными за счет психологического явления, известного как медиапрайминг — т. е. ситуации, когда первичная информация определяет восприятие последующей. К примеру, если заявить, что человек «закоренелый преступник», то вся последующая информация о нем будет восприниматься в этом ключе.

В общем и целом исследования, проведенные во время президентства Джеймса Картера показали, что «выпячивание» ключевыми СМИ в прайм-тайм определенных тем (оборона, расходы) приводит к тому, что аудитория этих СМИ начинает оценивать эффективность политики президента через эти темы (как он решает вопрос с обороной, как обстоят дела с госрасходами) [9].

Трансфер, о котором пишет В. Д. Соловей, — это технология психологического переноса свойств одного объекта на связанный с ним другой объект. С точки зрения политической психологии речь идет о так называемом «галло-эффекте» (когда переносятся позитивные свойства) или «эффекте демонических рогов» (когда переносятся негативные свойства, horn effect).

Наиболее распространенной вариацией трансфера является демонстрация «неадекватных последователей» неугодного политика — таким образом, их негативные качества как бы переносятся на него.

Ну и, конечно же, с точки зрения современной политической истории классикой являются билборды «Рома думает о Семье. Семья думает о Роме», которые, таким образом, ассоциировали начинавшего миллиардера Романа Абрамовича с ближним кругом президента Б. Н. Ельцина (так называемая Семья), имевшим крайне негативный имидж как непотистская структура.

Торговля страхом — это политическая технология, суть которой заключается в использовании связки «испугать проблемой — указать на решение проблемы». В случае коммерческой рекламы речь идет обычно о покупке товара, в политических вопросах — о голосовании за кандидата/поддержке политика, который спасет общество от проблемы.

Например, по воспоминаниям очевидцев, в ходе избирательной кампании 1996 г. российское население активно «пугали» Зюгановым, который якобы олицетворял все «страшное», связанное с СССР, — дефицит, концентрационные лагеря, всеисилие спецслужб и т. п.

Торговля страхом — достаточно древний пропагандистский прием, например его активно использовали в Окнах сатиры РОСТА (проект Владимира Маяковского).

Важно еще раз подчеркнуть, что торговля страхом должна обязательно содержать выполнимый и понятный рецепт по преодолению проблемы. В противном случае информация вызовет просто отторжение и будет вытеснена.

С чем связана эффективность этого приема? Страх — одна из базовых и древнейших эмоций. Многие антропологические теории утверждают, что страх смерти лежит в основании всей нашей культуры — например, такая идея высказывается в книге «Отрицание смерти» [10] Э. Беккера, который развивает теорию управления страхом

смерти. С этой точки зрения и религия, и идеология являются смыслостроительными механизмами, помогающими справиться с осознанием своей смертности [11].

Ложная театрализация — это технология, направленная на дезавуирование политических аргументов и политической позиции противника посредством приписывания ему скрытых мотивов. По сути, речь идет о вариации «Зоны Уэйта». Например, активисток, участвовавших в кампании #metoo, выступавших против сексуального насилия, обвиняли в желании добиться дешевой популярности («хайпануть»), хотя аргументы в большинстве случаев были на их стороне. Здесь снова речь заходит о «табу властителей», о котором говорит С.А. Шомова со ссылкой на Зигмунда Фрейда. В работе «Тотем и табу» основатель психоанализа отмечает (в свою очередь, ссылаясь на Дж. Фрэзера), что «властелин живет только для своих подданных; его жизнь имеет цену только до тех пор, пока он выполняет обязанности, связанные с его должностью, направляя течение явлений природы на благо своих подданных» [12].

Наконец, достаточно известной политической технологией, о которой в том числе пишет В.Д. Соловей, является метод **«копченой селедки»** (red herring). Этимология этого термина заключается в том, что, согласно определенным представлениям, гончую собаку можно сбить со следа, если провести по нему копченой селедкой. Под «копченой селедкой» понимается технология переключения внимания аудитории с неудобной информации на какую-то другую, желательную — сенсационную.

В.Д. Соловей иллюстрирует это следующим кейсом — когда администрация Билла Клинтона столкнулась с сексуальным скандалом, то через «дружественные» СМИ была осуществлена якобы «утечка информации» о готовящемся военном ударе, который сметет режим Саддама Хуссейна в Ираке. Следует отметить, что отвлечь внимание американского общества и переключить его с внутренней повестки на внешнеполитическую все равно не удалось.

Психологические основания приема «копченая селедка» — особенность человеческого восприятия информации. Как отмечает Г.М. Андреева, человеческое сознание в первую очередь склонно воспринимать «выпуклую» информацию — ту, которая бросается в глаза, интересна и т.п. [13] Т.В. Коноплева приводит такой

пример: в мае 2013 г. вице-премьер Владислав Сурков был освобожден от должности, но, по данным опроса ФОМ, эта новость волновала лишь 1% населения. Вероятным объяснением является наличие куда более серьезного и яркого информационного повода — празднования Дня Победы [14].

В целом есть тенденция проводить кадровые перестановки в правительстве на фоне каких-то значительных и ярких событий национального масштаба, чтобы они прошли максимально незаметно и вызвали минимум вопросов.

Анализ работ политического консультанта и преподавателя А. Цуладзе позволил выделить еще одну любопытную технологию конструирования постправды — **«создание жертвы»** [15]. Он черпает идею из классических работ антрополога Дж. Фрэзера, который утверждает, что некий шведский король Аун регулярно приносил в жертву главе скандинавского пантеона — богу Одину — своих сыновей, чтобы укрепить свое правление. Также отмечается, что концепт жертвоприношения сыновей или дочерей правителя присутствует во многих культурах. А. Цуладзе развивает эту мысль и считает, что между легитимностью правителя и его готовностью принести значимую жертву существует устойчивая положительная связь. Он приводит в пример три кейса из российской истории, когда правители убивали или обрекали на смерть своих сыновей. Сложно согласиться с его тезисом, что Иван Грозный сознательно принес своего сына в жертву — большинство историков все же считают, что это было аффективное убийство, а не трезвый расчет. Также представляется сомнительным, что И.В. Сталиным и Петром I в первую очередь двигали пропагандистские соображения. Однако можно признать, что, действительно, «народ ценит жертвы царей. Поступок Сталина до сих пор вызывает одобрение и восхищение его поклонников» [15].

Представляется, что психологический базис данной техники коренится в таких фундаментальных психологических (а также антропологических) концепциях, как реципрокность (взаимность) и «дорогостоящие сигналы».

Одна из психологических интерпретаций магии — это форма «символического господства» над реальностью, которая в определенном смысле, как и религия, выполняет терапевтическую (утешительную) функцию (условно, молитва богу

войны помогает снизить тревогу перед битвой). Реципрокность — это представление о взаимности, фундаментальное для развития социальных отношений [16]. Архаическое мышление допускает возможность реципрокных отношений со сверхъестественными силами — отдав что-то им, вы что-то получаете взамен.

Но также представляется, что объяснить политическую технологию «создание жертвы» можно и без отсылок к магическому мышлению. В антропологии, экономике и эволюционной психологии есть понятие «дорогостоящие сигналы» [17] — т.е. сигналы, которые сложно подделать в силу их «дороговизны». Применяя это к политологии, можно привести примеры работ, где строительство колоссальных храмов (ступенчатых пирамид) мезоамериканскими правителями интерпретируется как «геополитический PR» — если правитель может построить такой храм, то его власть колоссальна, а государство могущественно, и лучше с ним не враждовать.

Представляется, что эта же логика применима и технологии «создание жертвы» — таким образом, политик коммуницирует подвластным искренность своих намерений, преданность своему делу, преданность нации и государству.

Таким образом, если смотреть на этот вопрос реалистично, политику нет необходимости жертвовать своим близким — это может быть

кто-то из его окружения, кто заодно становится виновником непопулярных мер. Эту технологию описывал еще Н. Макиавелли: Цезаре Борджиа завоевал Романию (область Италии), население которой активно сопротивлялось новой власти. Он поручил наведение порядка (по тем временам это означало массовые казни) своему приближенному — Рамиро до Орка. После того, как тот справился с задачей, Цезаре Борджиа публично казнил его — таким образом, пожертвовав своим последователем и сняв с себя вину за репрессии.

В современных условиях вариантом «создания жертвы» может быть громкая отставка приближенного или «символический риск», когда политик, например, выезжает в зону стихийного бедствия (на самом деле ничем не рискуя). Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю вообще советовал начинать карьеру государственно-го деятеля с того, чтобы «посадить трех своих друзей».

Выводы

В статье были рассмотрены наиболее популярные политические технологии медиаманипуляции и продемонстрированы их психологические основания. В общем и целом у каждой технологии медиаманипулирования можно найти глубинные психологические основания, которые обуславливают ее эффективность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: прайм-Еврознак; 2002.
Aronson E., Wilson T., Aikert R. Social psychology. Psychological laws of human behaviour in society. St. Petersburg: Prime-Evroznak; 2002. (In Russ.).
2. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Эксмо; 2017.
Solovey V.D. Absolute weapon. Basics of psychological war and media exchange. Moscow: Eksmo; 2017. (In Russ.).
3. Joye Y., Poels K. & Willems K. “Evolutionary Store Atmospherics” — Designing with Evolution in Mind. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-540-92784-6_11.
4. Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: ИД Высшей школы экономики; 2018.
Shomova S.A. From Mystery to Street Art. Essays on archetypes of culture in political communication. Moscow: Higher School of Economics; 2018. (In Russ.).
5. Travers M., Van Boven L., & Judd C. The Secrecy Heuristic: Inferring Quality from Secrecy in Foreign Policy Contexts. *Political Psychology*. 2014;35(1):97–111.
6. Михальская А. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Академия; 1996.
Mikhalskaya A. Russian Socrates. Lectures on comparative historical rhetoric. Moscow: Academy; 1996. (In Russ.).
7. Tajfel H. Human groups and social categories. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press; 1981.

8. Yanagizawa-Drott D. Propaganda and Conflict: Evidence from the Rwandan Genocide. *The Quarterly Journal of Economics*. 2014;129(4):1947–1994. URL: <https://doi.org/10.1093/qje/qju020>.
9. Iyengar Peters, Mark D. Peters, Donald R. Kinder. Experimental Demonstrations of the “Not-So-Minimal” Consequences of Television News Programs. *The American Political Science Review*. 1982;76(4):848–858.
10. Becker E. *The Denial of Death*. Free Press; 1973.
11. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. A terror management theory of social behaviour: The psychological functions of self-esteem and cultural worldviews. *Advances in experimental social psychology*. 1991;(24):93–159.
12. Фрейд З. Тотем и табу. М.: Азбука; 2012.
Freud Z. Totem and taboo. Moscow: Azbuka; 2012. (In Russ.).
13. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс; 2010.
Andreeva G.M. Social Psychology. Moscow: Aspect Press; 2010. (In Russ.).
14. Коноплева Т.В. Психология восприятия информации: восприятие новостей о мире политики в медиа-пространстве. *Психолог*. 2013;(5):11–23. DOI: 10.7256/2306–0425.2013.5.9247.
Konopleva T.V. Psychology of information perception: the perception of news about the world of politicians in media space. *Psychologist*. 2013;(5):11–23. (In Russ.). DOI: 10.7256/2306–0425.2013.5.9247
15. Цуладзе А. Политическая мифология. М.: ЭСКОМО; 2003.
Tsuladze A. Political mythology. Moscow: ESCMO; 2003. (In Russ.).
16. Мосс М. Очерк о даре. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. Пер. с франц. М.: Восточная литература, РАН; 1996.
Moss M. Sketch about the gift. Societies. Exchange. Personality: Works on social anthropology. Moscow: Eastern Literature, RAS; 1996. (In Russ.).
17. Zahavi A. The cost of honesty (further remarks on the handicap principle). *Journal of Theoretical Biology*. 1977;67(3):603–605.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Владимирович Лебедев — кандидат политических наук, политический консультант, Москва, Россия
sergei.lebedeff@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Lebedev — Cand. Sci. (Political Sciences), political consultant, Moscow, Russia
sergei.lebedeff@gmail.com

Статья поступила 24.03.2021; принята к публикации 05.06.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 24.03.2021; accepted for publication on 05.06.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-66-72
УДК 342.565.2(045)

Конституционные и уставные суды субъектов России в национальной судебной системе: прошлое, настоящее и будущее

Ю.Е. Курилюк^а, Д.А. Гаранин^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-9256-0878>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2493-2254>

АННОТАЦИЯ

Рассматриваемые в статье региональные органы конституционного контроля существуют более 30 лет и за время своей работы вызвали бурные споры среди ученых-юристов относительно их необходимости. С 1 января 2023 г. эти инстанции прекратят свое существование по всей стране ввиду принятия конституционных поправок в прошлом году и изменений ФКЗ «О судебной системе РФ». Авторами в статье рассмотрены правовое регулирование деятельности и история функционирования конституционных (уставных) судов, проведены параллели с правовым регулированием подобных инстанций за рубежом, проанализированы проблемы «дороговизны» функционирования конституционных (уставных) судов, предложены подходы, которые могли бы существенно оптимизировать финансирование конституционных и уставных судов субъектов. Также в статье приведена сравнительная таблица по количеству дел, рассмотренных судами, проанализирована их компетенция, рассмотрены проблемные вопросы ее разграничения с компетенцией КС РФ и возможность возложения рассмотрения вопросов, находящихся в ведении конституционных (уставных) судов, на суды общей юрисдикции.

Ключевые слова: конституционные суды субъектов; уставные суды субъектов; конституционное правосудие; поправки к Конституции; финансирование судов; Конституционный Суд Российской Федерации

Для цитирования: Курилюк Ю.Е., Гаранин Д.А. Конституционные и уставные суды субъектов России в национальной судебной системе: прошлое, настоящее и будущее. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):66-72. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-66-72

ORIGINAL PAPER

Constitutional and Statutory Courts of Constituent Entities of Russia in the National Judicial System: Past, Present and Future

Yu.E. Kurilyuk^а, D.A. Garanin^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-9256-0878>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2493-2254>

ABSTRACT

The regional bodies of constitutional control have existed for more than 30 years, and during their work, they caused heated debates among legal scholars regarding their necessity. From January 1, 2023, these courts will cease to exist throughout the country because the wording of the federal Constitution and the law "On the Judicial System of the Russian Federation" has been changed. The researchers consider the legal regulation of the activities of constitutional and statutory courts and the history of their activity, draw parallels with the legal regulation of such instances abroad, analyse the problems of the "high cost" of the functioning of constitutional and statutory courts, and propose approaches that could significantly optimise the financing of the constitutional and statutory courts of the subjects. The authors present a comparative table on the number of cases considered by the courts, analyse their competence, consider the problematic issues of its differentiation from the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation and the possibility of assigning consideration of matters under the jurisdiction of the constitutional (statutory) courts to the courts of general jurisdiction.

Keywords: constitutional courts of subjects; statutory courts of subjects; constitutional justice; amendments to the Constitution; financing of courts; Constitutional Court of the Russian Federation

For citation: Kurilyuk Yu.E., Garanin D.A. Constitutional and statutory courts of constituent entities of Russia in the national judicial system: Past, present and future. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):66-72. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-66-72

Вновой редакции Конституции РФ конституционные (уставные) суды субъектов (далее — КУСС) не упоминаются¹. Законодательство было конкретизировано положением об упразднении КУСС до 1 января 2023 г.² Ученые и юристы-практики высказывают самые разные мнения: от сожалений по этому поводу и предположений о политической подоплеке решения до позиций об отсутствии значимости института КУСС [1].

КУСС начали образовываться в начале 90-х гг., однако начало самому институту было положено в 1989 г. после принятия Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР»³ (далее — Закон о конституционном надзоре). Для мировой практики идея таких судов не нова: в США к их аналогам относят суды штатов; созданы суды, подобные КУСС, и в других государствах [2, 3].

Закон о конституционном надзоре выделял два уровня такого надзора: федеральный (субъект — Комитет конституционного надзора СССР) и республиканский (отдельные органы конституционного надзора). В РСФСР такие органы были созданы в Башкирской АССР⁴ и в Республике Татарстан (далее — РТ)⁵. В случае признания акта не соответствующим Конституции СССР, решения комитетов конституционного надзора могли быть отклонены квалифицированным большинством депутатов Съезда (ч. 4 ст. 19 Закона о конституционном надзоре), аналогичное правило распространялось и на органы конституционного надзора республик. Таким образом, решения органов не имели реальной юридической силы. После становления России как самостоятельного государства, в ее субъектах на основе ч. 3 ст. 118 Конституции

РФ и Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ»⁶ (далее — Закон о судебной системе) стали формироваться новые органы конституционного контроля — КУСС. Ст. 27 Закона о судебной системе закрепляла диспозитивную возможность создания КУСС. На сегодня КУСС существуют лишь в 15 субъектах России: 12 в республиках, 2 в областях и 1 в городе федерального значения (законы о КУСС были приняты в 20 субъектах России).

В отличие от Германии и России, в США конституционный контроль регламентируется не только конституцией и законами, но и прецедентами. Несмотря на то что создание аналогов КУСС Конституцией США не предусмотрено⁷, конституционный контроль в субъектах сложился после дела *Marbury v. Madison*, которое было рассмотрено еще в 1803 г. [4, с. 108].

Диспозитивная норма о создании КУСС в свое время поставила под вопрос осуществление принципа единства судебной системы: объем права на судебную защиту граждан, проживающих в субъектах с наличием КУСС и без такового, различен. Эти опасения отмечались еще 2003 г. Государственным Советом РТ, который выступил с инициативой придания норме о КУСС императивного характера, но безрезультатно⁸.

Известна также позиция о том, что в субъектах, где не созданы КУСС, не сформировано полноценное разделение властей: исполнительная и законодательная ветви власти преобладают [5, с. 158]. Это мнение объясняется тем, что у КУСС есть реальные возможности быть гарантом разделения властей и законности: КУСС оценивает НПА субъектов на соответствие Конституции или уставу, участвует в процедуре выражения недоверия главе исполнительной власти субъекта его представительным органом (в ч. 4 ст. 9 и ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ)⁹. Согласно ст. 72–74 Федерального закона «Об общих принципах организации

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001>.

² Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в некоторые федеральные конституционные законы». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012080006>.

³ Закон СССР от 23.12.1989 № 973-1. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 27.12.1989. № 29. Ст. 572.

⁴ Закон БССР от 23.10.1990 № ВС-3/18 (утратил силу на основании постановления Верховного Совета Республики Башкортостан от 27.10.1992 № ВС-13/9). Законы Башкирской ССР. 1992. Вып. 1.

⁵ Закон РТ от 13.12.1990 № 524-XII (утратил силу на основании закона РТ от 30.10.1998 № 1840). Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 1. Ст. 68.

⁶ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ. СЗ РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.

⁷ Конституция США (принята на Конституционном Конвенте в Филадельфии 17.09.1787). Конституции стран мира. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=168>.

⁸ Законопроект № 381996-3 «О внесении изменения в ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ»». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381996-3>.

⁹ Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». СЗ РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.

местного самоуправления в РФ»¹⁰ КУСС также участвует в процедуре досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования и в роспуске местного представительного органа. А.М. Цилаев считает, что многие субъекты не создают КУСС не по экономическим, а по политическим причинам, исполнительные и законодательные органы субъектов РФ в большинстве своем не хотят, чтобы их законодательная деятельность дополнительно контролировалась КУСС [6, с. 21].

Однако нередко мнение о нежелании субъектов создавать КУСС обосновывалось дороговизной обеспечения деятельности института. Бремя содержания КУСС падает исключительно на субъект РФ, несмотря на их принадлежность к судебной системе России. Это подчеркивал и КС РФ в определении от 06.03.2003 № 103-О¹¹ (далее — определение 103-О).

В части финансирования региональных судов отметим опыт Германии, где суды земель обеспечиваются аппаратами других судов. При этом судьи судов земель работают на непостоянной основе. Например, в Берлине председатель земельного суда по социальным вопросам одновременно является председателем конституционного суда Берлина. Заработная плата судьям выплачивается исключительно за проработанное за период рассмотрения дела время [7, с. 25].

В юридическом сообществе достаточно распространена точка зрения, согласно которой КУСС — «мертвый» и неэффективный институт, поскольку обычно такие суды достаточно дороги в обслуживании, рассматривают достаточно мало дел, а их решения, по мнению некоторых исследователей, часто сопровождаются грубыми процессуальными нарушениями [8]. Так, например, КС РТ в среднем выносит 4,6 постановлений и 16,1 определений в год, а УС г. Санкт-Петербурга выносит 3,4 постановления в год, при этом «себестоимость» одного дела за последние 20 лет в УС г. Санкт-Петербурга, по данным исследователей, составила больше 10 млн руб. [8]. Сравним количество вынесенных КУСС решений за период с 2015 по 2019 г. (см. таблицу).

Отметим, что, несмотря на наличие нескольких эффективных судебных органов ре-

гионального конституционного контроля (РТ, Республика Ингушетия, Калининградская область), в среднем большинство КУСС выносит не больше 5 решений в год. Некоторые КУСС (Санкт-Петербурга, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Адыгея) принимают 2–3 решения в год, причем в отдельные годы не выносили решений вообще. Вместе с тем анализ практики КУСС и публикаций об их деятельности показывает, насколько широкого круга вопросов касаются вынесенные судебными инстанциями решения: это и общие вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина вкуче с установлением баланса публичных и частных интересов [9], и защита социальных [10], в частности трудовых [11], прав, и влияние на региональную законодательную деятельность [12] и др.

Количество дел, рассмотренных в КУСС, можно сравнивать лишь с «объемом работы» КС РФ или аналогичных органов в зарубежных юрисдикциях, как отмечалось учеными, в силу обязательности их правовых позиций и роли «нормативной основы в правовой системе» [13, с. 400]. В 2020 г. КС РФ вынес 50 постановлений и 3094 определения (в 2019 г. — 41 и 3582 соответственно), а за последние 5 лет КС РФ в среднем выносил 41 постановление и 3198 определений за год. КС Берлина вынес 24 постановления в 2020 г. (в 2019 г. — 23 решения), КС Баварии — 38 постановлений в 2020 г. (в 2019–31). Проанализировав деятельность некоторых органов конституционного контроля в Германии и работу федерального органа конституционного контроля России, можно сделать вывод, что даже самые «активные» КУСС уступают по эффективности федеральному органу конституционного контроля и иностранным аналогам. Однако в связи с тем, что инициаторам рассмотрения дел сами КУСС быть не вправе, претензия не может быть адресована им, здесь речь идет, скорее, о низкой потребности в институте среди граждан, их объединений и органов публичной власти.

В определении от 03.03.2015 № 421-О КС РФ отметил необходимость для субъектов РФ не только учета их финансовых возможностей, но и значимых оснований для ликвидации института, к которым российский орган конституционного контроля отнес количество рассмотренных дел. Конституционный нормоконтроль независимо от наличия или отсутствия КУСС

¹⁰ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. СЗ РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 103-О. СЗ РФ. 28.04.2003. № 17. Ст. 1658.

Таблица / Table

Количество вынесенных решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ / The number of decisions made by the constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation

Субъект РФ / год	2015		2016		2017		2018		2019	
	П	О	П	О	П	О	П	О	П	О
Количество вынесенных постановлений (П) и определений (О)	П	О	П	О	П	О	П	О	П	О
Город Санкт-Петербург	3	-	1	-	-	1	2	1	5	3
Калининградская область	11	69	8	66	7	85	10	113	10	52
Свердловская область	5	2	3	1	3	3	2	-	2	-
Адыгея	-	4	-	3	1	3	-	-	-	2
Башкортостан	2	-	2	1	-	8	4	10	1	3
Дагестан	1	1	2	3	1	3	2	2	3	7
Ингушетия	1	2	3	5	3	6	3	13	5	14
Кабардино-Балкарская республика	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Карелия	2	6	3	4	3	4	2	2	3	1
Коми	4	3	3	4	3	-	-	1	4	1
Марий Эл	2	2	4	-	2	2	-	3	1	4
Саха (Якутия)	4	9	4	5	3	5	3	8	3	4
Северная Осетия – Алания	2	5	3	2	2	4	4	1	2	2
РТ	5	18	6	27	6	29	3	25	7	41
Чеченская республика	Нет данных									

Источник / Source: автор / the author.

осуществляется КС РФ, следовательно, с ликвидацией КУСС возможность его осуществления не утрачивается¹².

Полномочия КУСС в целом схожи с полномочиями КС РФ, только представлены в гораздо более урезанном виде. КУСС рассматривают три вида актов на предмет соответствия конституции или уставу субъекта (это законы субъекта и нормативные правовые акты региональных и местных органов власти), а также вправе давать толкование акту высшей юридической силы субъекта.

Полномочия конституционных судов земель Германии аналогичны полномочиям россий-

ских КУСС. Так, суды рассматривают дела о соответствии законов акту высшей юридической силы субъекта (п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона РТ «О КС РТ» и ч. 1 ст. 100 Конституции Германии¹³), дают толкование Конституции (ч. 2 ст. 3 Закона РТ «О КС РТ» и ч. 2 ст. 51 Конституции Шлезвиг-Гольштейна¹⁴), по жалобам проверяют конституционность различных правовых ак-

¹³ Конституция Федеративной Республики Германия (принята Парламентским советом 23.05.1949. 100 ключевых документов по германской истории в 20 веке. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru.

¹⁴ Конституция земли Шлезвиг-Гольштейн. Государственные постановления и государственная судебная практика Германии. URL: <http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/?quelle=jlink&query=Verf+SH&psml=bssshoprod.psml&max=true&aiz=true>.

¹² Определение КС РФ от 03.03.2015 № 421-О. СЗ РФ. 01.01.2015. № 13. Ст. 2005.

тов или рассматривают жалобы граждан (ч. 5 ст. 3 Закона РТ «О КС РТ» и ч. 10 ст. 14 Закона «О Конституционном суде Берлина» рассматривает жалобы граждан¹⁵).

Отдельные законы субъектов России расширяют компетенцию КУСС: так, в соответствии с Законом РТ «О КС РТ» в его компетенцию входит также разрешение споров о компетенции между госструктурами субъекта, оценка действий и решений Президента субъекта его Конституции, а также КС РТ вправе выступать с законодательной инициативой. Уставный суд г. Санкт-Петербурга в соответствии с законом, регламентирующим его деятельность¹⁶, такими полномочиями не обладает.

Вопрос о разграничении компетенции КУСС и КС РФ стал одним из ключевых во взглядах на существование органов конституционного контроля в регионах. Так, при рассмотрении вопроса о дополнительных полномочиях КУСС КС РФ еще в 2003 г. в определении 103-О сделал вывод о возможности их закрепления при условии, что не будет пересечений с его компетенцией. Однако порядок действий для таких ситуаций выработан не был, и это, несмотря на формальное отсутствие инстанционности, привело к случаям фактической отмены решений КУСС Конституционным Судом.

Первым подобным примером стали противоречащие друг другу решения УС Челябинской области и КС РФ¹⁷. КС РФ постановил, что «последнее слово» остается за ним¹⁸. Вторым делом стал громкий судебный процесс об установлении границы между Чечней и Ингушетией в 2018 г. КС Ингушетии в своем постановлении установил, что соглашение об утверждении границы с Чеченской Республикой противоречит Конституции Ингушетии, закрепив при этом возможность решения этого

вопроса только с помощью референдума¹⁹. КС РФ, рассматривая спор по запросу Главы Ингушетии, принял иную сторону в дискуссии о конституционности рассматриваемого соглашения между республиками, отметив, что Конституции РФ оно соответствует²⁰.

Диспозитивность нормы о создании КУСС, а также «белые пятна» в законодательстве привели к тому, что КС РФ, формально не вмешиваясь в компетенцию КУСС и не являясь второй инстанцией конституционного надзора, фактически мог пересмотреть решение КУСС. Эти примеры ярко иллюстрируют, что эффективное функционирование органов конституционного надзора субъектов РФ возможно только при наличии императивной нормы об их создании и четком разделении компетенций с федеральным органом конституционного надзора.

Статьей 208 КАС РФ предусмотрена оценка принятых нормативных правовых актов судами общей юрисдикции, при этом их компетенция сформулирована по остаточному принципу: они становятся арбитрами лишь в том случае, если вопрос не отнесен к ведению КС РФ или КУСС. Таким образом, при отсутствии КУСС в субъекте и неподведомственности вопроса КС РФ точку в споре может поставить суд общей юрисдикции. Но насколько компетентен суд общей юрисдикции в оценке положений оспариваемого нормативного акта с точки зрения его соответствия либо несоответствия акту высшей юридической силы субъекта?

Как было отмечено ранее, КУСС прекратят свое существование до 2023 г., однако субъекты РФ смогут принять решение о создании конституционных (уставных) советов, которые будут функционировать при законодательных органах субъектов РФ. Эти изменения, на наш взгляд, несут в себе долгоиграющие негативные институциональные последствия, связанные с реализацией принципа разделения властей на уровне региона, а также с осуществлением федерализма. В контексте федерализма представляется возможным упомянуть позицию КС РФ в постановлении от 15.07.1996 № 16-П, где орган конституционного контроля указывает на невозможность со стороны законодателя регулировать конституционно-пра-

¹⁵ Закон «О КС Берлина». Государственные постановления и государственная судебная практика Германии. URL: http://gesetze.berlin.de/jportal/portal/t/leg/page/bsbeprod.psm1?pid=Dokumentanzeige&showdoccase=1&js_peid=Treff erliste&documentnumber=1&numberofresults=75&fromdoc todoc=yes&doc.id=jlr-VerfGHGBERahmen&doc.part=X&doc. price=0.0&doc.hl=1#jlr-VerfGHGBEV18P14.

¹⁶ Закон Санкт-Петербурга от 05.06.2000 № 241-21 «Об Уставном суде Санкт-Петербурга». Новое в законодательстве Санкт-Петербурга. 28.06.2000. № 9.

¹⁷ Постановление Уставного суда Челябинской области от 12.02.2013 № 001/13-П. Южноуральская панорама. 23.02.2013. № 26.

¹⁸ Постановление КС РФ от 02.12.2013 № 26-П. Российская газета. 10.12.2013. № 278. С. 12.

¹⁹ Постановление КС Республики Ингушетия от 30.10.2018 № 19-П. Конституционный Суд Республики Ингушетия. URL: <https://ks-ri.ru/?p=3353>.

²⁰ Постановление КС РФ от 06.12.2018 № 44-П. СЗ РФ. 17.12.2018. № 51. Ст. 8095.

новой статус субъектов нашей страны без учета ее федеративного устройства, прежде всего сужая правовые возможности субъектов²¹. По нашему мнению, замена КУСС на конституционные (уставные) советы, решения которых не будут обладать юридической силой судебного решения, является значительным урезанием возможностей субъектов РФ в судебной сфере. Председатель Конституционного суда Ингушетии А. К. Гагиев считает, что обжалование нормативного акта субъекта в КС РФ более обременительно в материальном плане, нежели в КУСС, следовательно, упразднение рассматриваемого института отрицательно скажется на доступности конституционного судопроизводства для граждан²². Также вызывает опасения то, что упразднение КУСС

увеличит нагрузку на суды общей юрисдикции и КС РФ.

Представляется, что при первоначальном формировании судебной системы следовало предусмотреть КУСС в качестве обязательной инстанции во всех субъектах РФ, решить вопрос с их финансированием так, как это было сделано в Германии: суды могли бы созываться для решения конкретных дел, для судей могло быть предусмотрено возложение обязанностей на период рассмотрения дела, что позволило бы существенно снизить расходы на содержание КУСС. В ситуации, когда КУСС были сформированы в небольшом количестве субъектов, их компетенция различалась, а деятельность не имела широкого освещения, сделать объективные выводы о пользе функционирования института в целом как части судебной системы России достаточно сложно. Однако полная ликвидация КУСС с переложением их функций на конституционные (уставные) советы при законодательных органах представляется ошибочным решением.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1996 № 16-П. СЗ РФ. 15.07.1996. № 29. Ст. 3543.

²² Законопроект о ликвидации региональных конституционных судов проходит Госдуму. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/11/17/847332-zakonoproekt-likvidatsii>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макутина М., Рожкова Е., Веретенникова К., Дарбиниек И. Судебная система пошла на сокращение. Газета «Коммерсант». № 210 (6931). 17.11.2020.
2. Fino S. The Role of State Supreme Courts in the New Judicial Federalism. New York: Praeger; 1987.
3. Худолей К. М. Нужен ли конституционный (уставный) суд в субъекте РФ? *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016;4(34):391–401.
4. Болдырева Е. В. Конституционное правосудие в субъектах федеративных государств: вопросы правового регулирования. *Вестник Томского государственного университета*. 2009;(319):108–111.
5. Кряжков В. А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2007;(3):156–162.
6. Цалиев А. М. Соотношение права и политики в организации и деятельности конституционных (уставных) судов. *Журнал конституционного правосудия*. 2012;(5):43–48.
7. Будаев К. А., Урбаева А. П. Сравнительно-правовое исследование конституционного (уставного) судопроизводства в субъектах РФ и землях Берлин и Шлезвиг-Гольштейн ФРГ. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. Аммосова*. 2018;1(09):22–31.
8. Янышев А. С. Дело о вывеске концерна «Алмаз-Антей». URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/13/ustavnyj_sud_sanktpeterburga_i_federalnye_interesy_delo_o_vyveske_koncernaalmaz-antej.
9. Гошуляк В. В., Портнова Е. В. Вклад конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации в развитие конституционной доктрины и обеспечение баланса свободы человека и власти государства. *Наука. Общество. Государство*. URL: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307–9525–2020–8–2–22.
10. Колесников Д. А. Роль практики конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в защите и развитии социальных прав человека и гражданина. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;5(102):60–68.
11. Гордеев К. С., Гнетова Л. В. Защита трудовых прав граждан конституционными (уставными) судами. URL: https://sc-format.ru/wp-content/uploads/2019/12/НАУЧНЫЙ-ФОРМАТ-2_2019.pdf.
12. Хабибуллина Г. Р. Влияние правовых позиций конституционных и уставных судов на концепцию регионального законопроекта. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2019;4(52):5–11. DOI: 10.21685/2072–3016–2019–4–1
13. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма; 2007.

REFERENCES

1. Makutina M., Rozhkova E., Veretennikova K., Darbinieks I. The judicial system has gone to cut. *Gazeta Kommersant*. 2020;210(6931). (In Russ.).
2. Fino S. *The Role of State Supreme Courts in the New Judicial Federalism*. New York: Praeger; 1987.
3. Khudolei K.M. Is there a need for a constitutional (statutory) court in a constituent entity of the Russian Federation? *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2016;4(34):391–401. (In Russ.).
4. Boldyreva E.V. Constitutional justice in the subjects of federal states: issues of legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009;(319):108–111. (In Russ.).
5. Kryazhkov V.A. Regional constitutional justice in the Russian Federation: state and development paths. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2007;(3):156–162 (In Russ.).
6. Tsaliev A.M. Correlation of law and politics in the organisation and activity of constitutional (statutory) courts. *Zhurnal konstitutsionno go pravosudiya*. 2012;(5):43–48 (In Russ.).
7. Budaev K.A., Urbaeva A.P. Comparative legal study of constitutional (statutory) legal proceedings in the constituent entities of the Russian Federation and the states of Berlin and Schleswig-Holstein, Germany. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. Ammosova*. 2018;1(09):22–31 (In Russ.).
8. Yanyshv A.S. The case of the sign of the concern “Almaz-Antey”. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/13/ustavnyj_sud_sanktpeterburga_i_federalnye_interesy_delo_o_vyveske_koncerna_almaz-antej. (In Russ.).
9. Goshulyak V.V., Portnova E.V. Contribution of the Constitutional and Authorised Courts of the Regions of the Russian Federation to the Development of the Constitutional Doctrine and Provision of the Balance of Human Freedom and Power of the State. *Science. Society. State*. URL: <http://esj.pnzgu.ru>. (In Russ.). DOI: 10.21685/2307–9525–2020–8–2–22
10. Kolesnikov D.A. The role of the practice of constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation in the protection and development of social, human and civil rights. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2019;5(102):60–68 (In Russ.).
11. Gordeev K.S., Gnetova L.V. Protection of the labour rights of citizens by constitutional (charter) courts. *Nauchnyi format*. 2019;2(2). URL: https://sc-format.ru/wp-content/uploads/2019/12/NAUChNYI-FORMAT-2_2019.pdf (accessed on 01.02.2021). (In Russ.).
12. Khabibullina G.R. Influence of the legal positions of constitutional and statutory courts on the concept of a regional bill. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*. 2019;4(52):5–11. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072–3016–2019–4–1
13. Zorkin V.D. *Russia and the Constitution in the XXI century. View from Ilyinka*. Moscow: Norma; 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юлия Евгеньевна Курилюк — кандидат юридических наук, магистр юриспруденции, доцент Департамента международного и публичного права Юридического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

YEKurilyuk@fa.ru

Дмитрий Андреевич Гаранин — студент 3-го курса Юридического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

dmitry.9aranin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yuliya E. Kurilyuk — Cand. Sci. (Law), Master of Laws, Associate Professor, Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University, Moscow, Russia

YEKurilyuk@fa.ru

Dmitriy A. Garanin — 3rd-year student of Faculty of Law, Financial University, Moscow, Russia

dmitry.9aranin@yandex.ru

Статья поступила 12.05.2021; принята к публикации 10.06.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.05.2021; accepted for publication on 10.06.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-73-76
УДК 37.015.31(045)

Роль вузов в формировании духовных ценностей студентов

И.А. Ерзылева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0384-567X>

АННОТАЦИЯ

Цель исследования заключается в раскрытии роли вуза и содержательных аспектов формирования духовных ценностей студентов. Духовные ценности поколения – фактор формирования культурной среды общества, способствующий становлению социального сознания общественной формации. Теоретический анализ аксиологических проявлений конкретного индивида – неперенный атрибут современного научного знания. Актуальность предмета исследования обусловлена прикладной значимостью культурных и этических проявлений современной социальной среды. В исследовании применены эвристические методы экстраспективного характера с использованием аксиологического подхода: анализ, синтез, аналогия, дедукция, абстракция, обобщение и другие исследования, обусловленные феноменологическими и системными принципами.

Ключевые слова: этика; социальный институт; мораль; социальная норма; социальное сознание; личность; индивид; духовность

Для цитирования: Ерзылева И.А. Роль вузов в формировании духовных ценностей студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):73-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-73-76

ORIGINAL PAPER

The Role of Universities in the Formation of Students' Spiritual Values

I.A. Erzyleva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0384-567X>

ABSTRACT

This paper aims to reveal the role of the university and the content aspects of the formation of students' spiritual values. The spiritual values of the generation are a factor in the formation of the cultural environment of society, contributing to the formation of social consciousness of the social formation. Theoretical analysis of axiological manifestations of a particular individual is an indispensable attribute of modern scientific knowledge. The relevance of the research subject is determined by the applied significance of cultural and ethical manifestations of the modern social environment. *The object of the study.* Spiritual values as an inherent property of individual manifestations. *The subject of the study.* Formation of students' spiritual values in social institutions of socialisation and knowledge acquisition. *Objectives of the study.* They consist of detecting the form and content of the university's role in forming the individual's personality in isomorphic social groups. *The methodology of the study.* We used theoretical and heuristic methods of an extraspectual nature, connected with an axiological approach: analysis, synthesis, analogy, deduction, abstraction, generalisation, etc., due to the phenomenological and systemic principles of research.

Keywords: ethics; social institution; morality; social norm; social consciousness; personality; individual; spirituality

For citation: Erzyleva I.A. The role of universities in the formation of students' spiritual values. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):73-76. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-73-76

ВВЕДЕНИЕ

Духовные ценности — неоднозначный атрибут культурных, этических проявлений бытия индивида. Неоднозначность заключается, прежде всего, в множественности и субъективности смыслов феномена. Так, великий педагог А. С. Макаренко

[1] считал, что формирование духовности и духовных ценностей — это сознательный процесс взаимодействия людей, т.е. совокупность общественных и личностных проявлений. Американский исследователь Э. Фромм [2] указывал на то, что духовность и духовные ценности человека выра-

жаются в проекции личностных качеств на бытие другого индивида. М. Вебер [3] утверждал, что духовные ценности определяются многообразием познавательной деятельности человека, при этом объективность их оценки отрицается как данность. Отсюда для реализации целей исследования необходима детекция смысловых аспектов духовных ценностей человека.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По мнению автора, духовные ценности человека — это совокупность личностных качеств индивида, формирующих культурные, этические, интеллектуальные атрибуты личностного характера, не имеющие количественного измерения, объективно эксплицированные разумной активностью и целеполаганием человека.

Вуз как социальный институт, ответственный за социализацию и получение знаний, формирует необходимую социальную среду, в которой деятельность педагога реализует механизм становления личностных качеств. Поэтому в нашем определении мы указываем на совокупность личностных качеств, а не только на интеллектуальную составляющую. Почему акцентирование на вуз так важно именно на данном временном промежутке жизни человека? По мнению Э. Эриксона [4], «между детством и взрослостью» происходит углубление идентичности человека и формируется самоотождествление человека с профессиональной деятельностью. Именно этот период жизни В.А. Сухомлинский [5] считал важнейшим для духовной деятельности человека, выражающейся в понимании нравственной и моральной красоты бытия. Каков должен быть механизм формирования духовных ценностей студента? В первую очередь это зависит от личности педагога, который реализует интеллектуальную и воспитательную функцию созидания. Так, В.Н. Шацкая [6] отмечала, что педагог должен формировать такую образовательную среду, обусловленную его личностными качествами, которая позволит учащемуся воспринимать, понимать красоту окружающей действительности, в том числе в последующей профессиональной деятельности обучаемого. То есть это внутренний фактор социального института. Внешним фактором будет контроль, регулирование, распределение, ресурсообеспечение социального института со стороны государства в части формирования образовательных стандартов. Педагог, результатом труда которого являются знания будущего специалиста, должен иметь материальную возможность для полноценной работы и реали-

зации своих навыков. Именно вуз готовит высокопрофессиональных специалистов, результаты труда которых будут формировать валовой продукт страны. Их компетентность, профессиональные навыки, морально-нравственные установки, культура определяют благополучие социальной среды, в которой они трудятся.

Таким образом, мы дескриптивно выразили духовные ценности через три основных компоненты: интеллект, культура и этика. При формировании этих компонентов мы должны учесть два фактора образовательной среды: внутренний и внешний. Но как измерить и детектировать духовные ценности? Согласно с М. Веберу, духовные ценности количественно измерить нельзя, как и сформировать необходимый методический инструментарий для количественной оценки. Но, на наш взгляд, возможно формирование такого механизма, который позволит в относительной мере детектировать полноту и наличие духовных ценностей у обучающегося. Механизм формирования духовных ценностей студента в процессе обучения не является самоданностью, т.е. формирование духовных ценностей предполагает возможность диалога между студентом и преподавателем, где студент выступает объектом воспитательного воздействия, а преподаватель — субъектом воспитания. При этом надо понимать, что вуз как социальный институт не может претендовать на безусловный приоритет в формировании духовных ценностей студента, так как за формирование духовных ценностей ответственна прежде всего семья, а роль вуза сводится к дополнительным аспектам воспитательной деятельности.

Данная оценка будет иметь субъективный характер, но она нивелируется профессиональными качествами педагога: чем они выше, тем субъективность оценки будет ниже.

Если проводить сравнительную оценку роли семьи и вуза в формировании духовных ценностей учащегося, то с позиции измерения вклада не все так однозначно. Вуз — это социальный институт, который ответственен за социализацию и формирование необходимых профессиональных навыков будущего выпускника. Социализация в семейной форме коммуникаций труднодостижима, потому что предполагает наличие необходимых социальных связей, чтобы у человека сформировалась социальная идентичность. Фактор семьи выступает в данном случае тем базисом, на котором строится социальная идентичность, но никак не формирует ее, потому что отсутствует условие полноты соци-

альных коммуникаций. Отсюда следует логичный вывод о необходимости взаимодействия семьи и вуза в форме обратной связи, но ответственность за социализацию в период обучения в большей степени ложится на вуз, а не на семью. Очень важным моментом выступает взаимодействие индивидуального и социального сознания: семья формирует в первую очередь индивидуальное сознание, вуз — социальное. Важно отметить, что при наличии конфликта в содержании этих категорий формирование духовных ценностей учащегося не будет объективно эффективным. Таким образом, выбор места обучения и процесс сознательного целеполагания в выборе — полностью ответственность семьи. Можно возразить, что роль вуза в формировании духовных ценностей студента менее значима, чем роль семьи и окружения, так как на момент поступления студент представляет собой относительно сформировавшуюся личность. Конечно, если рассматривать весь жизненный цикл человека, то роль семьи в формировании духовных ценностей неизмеримо выше, но если рассматривать период, когда, по выражению Э. Эриксона [8], формируется «профессиональная идентичность» человека, роль вуза более значима. Происходит это вследствие того, что социализация предполагает соблюдение социальных, культурных, этических норм и способность их осознать и реализовать (интеллект). Очевидно, что духовные ценности как категория, объединяющая в себе эти компоненты, на данном жизненном этапе повышают роль вуза как социального института формирования знаний и социализации. Таким образом, вуз выступает такой средой, которая формирует необходимые профессиональные и социальные навыки, и роль семьи на данном периоде жизненного цикла становится менее значимой. При этом духовные ценности, формируемые у студента вуза, не должны быть сугубо индивидуальны — это не область ответственности вуза как социального института, они должны быть социализированы по своему содержанию.

ВЫВОДЫ

Еще во времена античности уделялось громадное значение пайдейи¹ [7] как категории, формирующей образовательную среду через воспитание человека. Основной целью пайдейи выступала

возможность воспитать необходимые качества в человеке, позволяющие ему считаться образованной, развитой личностью, способной воспринимать красоту окружающей действительности и собственных поступков. Для этого открывались академии, риторские школы и пр. (аналоги современных вузов). То есть еще со времен античности общество понимало необходимость и роль образовательных учреждений в формировании духовных ценностей человека. Р. Декарт [8] отмечал, что мышление и разумная деятельность неизбежно связана с духовностью, а не телом, таким образом придавая большое значение образованию как фактору, определяющему духовное бытие человека. В данном исследовании мы детектировали духовные ценности в разрезе сознательной активности и целеполагания человека, отрицая изначальную природу самоданности явления. То есть культурные, этические, интеллектуальные аспекты развития — это не самоданность, которая независима по своей природе, а такие феномены, которые требуют формирования содержания. При этом на механизм формирования влияют два фактора: внутренний (личность педагога) и внешний (воздействие общественной среды и государства). Очевидна эксплицитная природа социализации и формирования духовных ценностей, которая реализуема в образовательном процессе, где главную роль занимает личность педагога и обратная связь с ним, что, несомненно, отрицает так называемое дистанционное образование как эффективную форму коммуникации в образовательном процессе. Таким образом, роль вузов в формировании духовных ценностей предполагает создание условий для формирования культурных, этических и интеллектуальных атрибутов личности. То есть образовательная среда должна быть закреплена по пространственному признаку: наличие места, где осуществляется коммуникация между преподавателем и студентом. Также важна возможность социальных коммуникаций студентов между собой, что исключает дистанционную форму образования. Формирование образовательного процесса, при котором соблюдается только условие наращивания интеллектуального капитала, неизбежно столкнется с проблемой искажения и отсутствия механизма формирования духовных ценностей, что является основой негативных проявлений социального характера в виде апатии и равнодушия. Образовательная среда по умолчанию имеет эксплицитную природу в основе своего функционирования. При этом самобытие

¹ В переводе с греческого пайдейя (país — ребенок, воспитание, культура) — способ формирования самостоятельной, развитой личности, способной к осуществлению гражданских обязанностей.

личности не может быть организовано только на примере эксплицитных моделей, а значит, перед вузом также поставлена задача формирования имплицитной природы образовательного процесса.

В заключение детектируем роль вуза в формировании духовных ценностей студентов, что включает в себя создание:

- интеллектуальных атрибутов;
- этических атрибутов;
- культурных атрибутов;

- условий социализации и социальной коммуникации;
- профессиональной идентичности будущего специалиста.

При этом должно соблюдаться условие обратной связи между семьей и вузом для коррекции и оценки уровня воспринимаемых знаний и развития аксиологических атрибутов личности. В этом случае мы можем говорить об эффективности формирования духовных ценностей будущих специалистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макаренко А.С. О воспитании. М.: Издательство политической литературы; 1990. 416 с.
2. Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. М.: АСТ; 2019. 320 с.
3. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс; 1990.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. М.: Прогресс; 1996. 344 с.
5. Сухомлинский В.А. Антология гуманной педагогики. Переиздание. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили; 2002. 224 с.
6. Шацкая В.Н. Музыкально-эстетическое воспитание детей и юношества. М.: Педагогика; 1975. 198 с.
7. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 2. Пер. с нем. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина»; 1997. 336 с.
8. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы; 1950. 712 с.

REFERENCES

1. Makarenko A.S. On Education. Moscow: Publishing House of Political Literature; 1990. 416 p. (In Russ.).
2. Fromm E. Man for himself. A Study of the Psychological Problems of Ethics. Moscow: AST Publishing House, 2019. 320 p. (In Russ.).
3. Weber M. Selected Works: Translated from German. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russ.).
4. Erikson E. Identity: Youth and Crisis: Translated from English, Moscow: Progress Publishing Group, 1996. 344 p. (In Russ.).
5. Sukhomlinsky V.A. Anthology of humane pedagogy. Moscow: Shalva Amonashvili Publishers; 2002. 224 p. (In Russ.).
6. Shatskaya V.N. Musical and aesthetic education of children and youth. Moscow: Pedagogika; 1975. 198 p. (In Russ.).
7. Yeager W. Paideia. The Education of the Ancient Greek. T. 2. Transl from German. Moscow: "Greco-Latin Cabinet of Yu.A. Shichalin"; 1997. 336 p. (In Russ.).
8. Descartes R. Selected Works. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1950. 712 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Анатольевна Ерзылева — старший преподаватель Департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
IAErzyileva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Erzyileva — Senior Teacher at the Department of Psychology and Human Capital, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
IAErzyileva@fa.ru

Статья поступила 22.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 22.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-77-82
УДК 32.019.52(045)

Когнитивные и эмоциональные составляющие образа идеального парламента в сознании российских граждан*

З.Р. Усманова^а, Н.В. Смутькина^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

^а <https://orcid.org/0000-0003-2307-9463>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6691-5372>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию образа идеального парламента, сложившегося в политическом сознании российских граждан и включающего когнитивные, эмоциональные и динамические элементы. Нормативные образы политических лидеров и институтов власти имеют фундаментальное значение для выбора гражданами идейной платформы политического участия и в конечном счете влияют на их реальное поведение в настоящее время. Конструирование образа будущего, частью которого являются изучаемые феномены массового сознания, – важнейшая задача государственной политики на современном этапе в условиях вызовов внутривнутриполитической среды, геополитических рисков и кризисов. Требуется целенаправленная консолидированная информационная политика в области формирования четкого образа будущего, кристаллизующего непротиворечивые историко-культурные, политико-идеологические константы массового сознания, имеющие крепкую связь с прошлым и опоры на настоящее. Выявленные противоречия и информационные лакуны позволяют дать конкретные рекомендации органам государственной власти, обеспечивающим ретрансляцию политико-культурных смыслов российскому обществу.

Ключевые слова: идеальный парламента; Государственная Дума; Совет Федерации; депутат; политические образы; массовое политическое сознание; доверие власти, образ будущего

Для цитирования: Усманова З.Р., Смутькина Н.В. Когнитивные и эмоциональные составляющие образа идеального парламента в сознании российских граждан. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):77-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-77-82

ORIGINAL PAPER

Cognitive and Emotional Components of the Image of an Ideal Parliament in the Minds of Russian Citizens**

Z.R. Usmanova^а, N.V. Smulkina^б

^а Financial University, Moscow, Russia; ^б Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-2307-9463>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6691-5372>

ABSTRACT

The article discusses to the study of the image of an ideal parliament that has developed in the political consciousness of Russian citizens and includes cognitive, emotional, and dynamic elements. The normative images of political leaders and institutions of power are fundamental for citizens' choice of an ideological platform for political participation and, ultimately, affect their actual behaviour at the present time. Constructing an image of the future, of which the studied phenomena of mass consciousness are a part, is the most important task of state policy at the present stage in the face of challenges in the domestic political environment, geopolitical risks, and crises. A purposeful, consolidated information policy is required to form a clear image of the future crystallising consistent historical, cultural, political, and ideological constants that have a strong connection with the past and reliance on the present. The revealed

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31369 опн «Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти, политических институтах и лидерах».

** The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31369 “The Image of an Ideal Future: Normative Ideas of Russian Citizens about Power, Political Institutions, and Leaders”.

contradictions and informational gaps make it possible to give specific recommendations to the state authorities that ensure the retransmission of political and cultural meanings to Russian society.

Keywords: image of the ideal of parliament; the State Duma; the Federation Council; MP; political images; mass political consciousness and confidence in government; the image of the future

For citation: Usmanova Z.R., Smulkina N.V. Cognitive and emotional components of the image of an ideal parliament in the minds of Russian citizens. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):77-82. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-77-82

АКТУАЛЬНОСТЬ И НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Российская Федерация проходит в своем новейшем политическом развитии уже третье десятилетие. Количество и качество общественно-политических преобразований конструктивного и деструктивного характера, которые российское общество усвоило и пропустило через свое сознание, настолько велико, что ученые-гуманитарии вполне обоснованно разделяют указанный период на этапы, каждый из которых интересен для исследования сам по себе. Обратимся к пластам знаний о проблеме конструирования образов прошлого и будущего в контексте настоящего, в частности к политике памяти и символической политике. Исследователи из Уральского отделения РАН выделяют три этапа трансформации общественных представлений об историческом прошлом нашей страны, ее месте в мире и роли в знаковых событиях XX в.: распад СССР и крушение социалистической идеи; формирование альтернативных советскому периоду идеологических институтов (тождественность фашистского и советского режимов) и современный этап (концепция равной ответственности Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны) [1]. Иностраный, в большей степени европейский дискурс, включающий указанные концепты, проникая в информационное пространство России, врезается в потоки альтернативных идей, в то время как в сознании обычного гражданина усиливаются противоречия и происходит поиск собственного мнения. В современном информационном пространстве отчетливо ощущается давление медиа, политика не мыслится без публичного, а в процессе коммуникации осуществляется манипуляция символическими ресурсами (в том числе, внушение готовых идей) [2]. Сложнее, на наш взгляд, дело обстоит в условиях разнонаправленных по форме и значению информационных потоков, сумбурности определения их источников, когда массовому сознанию становится сложно обнаружить однозначные интерпретации событий и интериоризировать их.

В рамках настоящего исследования поставлена цель изучения образа идеального парламента,

сложившегося в сознании российских граждан, и осуществлена попытка его осмысления как данности, причин и факторов его становления, а также обращенной к нему системе ожиданий. Изучение указанного концепта поможет понять, и, возможно, спрогнозировать сложные формы политического поведения граждан с учетом этих идеальных психологических феноменов.

Вопросам изучения особенностей политической перцепции посвящены работы политических и социальных психологов, а также социологов. В центре внимания исследователей находятся вопросы специфики восприятия парламента, его палат, института парламентаризма в целом [3–5], когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты парламентской культуры [6], а также нормативные представления о парламентских партиях и электро-ральном процессе [7–13]. Обсуждая детерминанты российской политической культуры, ученые обращаются к ценностно-символическим категориям парламентской культуры граждан [14]. Наиболее близки к предмету нашего исследования результаты, полученные в рамках политико-психологического подхода к политическому образу [15]. Не менее значимыми были и исследования, посвященные процессу формирования идеальных представлений о власти, сфере политики, политических институтах и акторах [16]. Необходимо отметить тех зарубежных ученых, которые внесли существенный вклад в исследования места и роли идеальных представлений в человеческом сознании [17].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Осенью 2020 г. было проведено эмпирическое исследование. За указанный период собрано 420 формализованных интервью с жителями Москвы и Московской, Нижегородской, Томской, Челябинской, Саратовской, Кемеровской областей; Алтайского, Приморского, Краснодарского, Ставропольского краев и республики Крым. В процессе поиска респондентов было охвачено не менее 7 федеральных округов, в каждом регионе — собрано не менее

20 интервью. В качестве дополнительного метода исследования был использован проективный изобразительный метод «Рисунок идеального парламента». Выборка составила 200 рисунков. При анализе рисунков, прежде всего, внимание было сосредоточено на оценке содержания изображений, выявлении символических наборов. Анализ текстового материала производился методами качественно-количественного ненаправленного контент-анализа, что позволило выделить и зафиксировать определенные содержательные единицы в стенограммах интервью и комментариях к рисункам, а также интерпретировать эти единицы в более широком контексте.

Выбор исследовательских техник сбора информации был определен исследовательской моделью. Так, содержательный политико-психологический анализ ответов на вопросы открытого и закрытого типа и проективных материалов позволяет описать как рациональную составляющую образа российского парламента, сложившуюся в сознании российских граждан, так и эмоциональный фон восприятия (иррациональная составляющая), служащий контекстом и упрощающий интерпретацию полученных результатов. Двойственная природа политического образа требует исследования и описания не только фактически имеющихся в сознании граждан идейных констант — стереотипов, категорий, символов, значений, причинно-следственных связей между ними, но и скрытых политико-психологических механизмов, позволяющих субъекту думать, принимать решения на основе этих знаний и действовать в определенных рамках (социально-психологические установки поведения, связанные, в том числе, и с валентностью эмоциональных состояний) [18].

Отталкиваясь от постулатов политико-психологического подхода о сложносоставном характере политического образа, определим его важные компоненты. Структура политического образа представлена, прежде всего, **когнитивными, эмоциональными и динамическими компонентами**. Согласно определенной нами концептуальной модели в процессе восприятия на формирование и трансформацию конечного образа влияют следующие факторы: историко-культурные предпосылки; ментальные особенности; каналы и технологии распространения информации в обществе и специфика коммуникации (*редуцированный характер вертикальной политической коммуникации; официальный/неформальный характер горизонтальной массовой политической коммуникации; дискурс в новых медиа; низкое качество контента; стремление*

к манипуляции информацией в субъективных целях и т.п.); экономические и политические кризисы и другие события. Рассмотрим важнейшие составляющие образа парламента согласно концептуальной модели.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Когнитивный (рациональный) профиль представлен в ответах на вопросы формализованного интервью. На вопрос о том, насколько необходим в России парламента как орган власти, большинство ответили утвердительно (77,6%), но при этом значительная часть оценила эффективность реализации его функций отрицательно (52,8%). 28,6% респондентов оказались плохо осведомлены о работе российского парламента, 24,4% затруднились дать ответ, в то время как хорошо осведомленными оказались 47,1%.

Свое отрицательное отношение к персональному составу депутатов российского парламента выразили 58% респондентов, а 25,7% затруднились ответить. 51,6% респондентов считают, что российский парламента не является самостоятельным органом власти, 15,7% затруднились ответить. Мнения относительно политического веса данного органа власти разделились: 45,3% считают его влиятельным, а 37,1% считают, что парламента не имеет влияния в политической системе.

Образ идеального парламента в сознании граждан связан, в том числе, с идеями повышения эффективности его работы в будущем. Так, наиболее важными и ожидаемыми изменениями респонденты признали корректировку тематики и содержания принимаемых законов (43,1%), смену персонального (36,3%), в том числе руководящего (19,7%), и партийного состава парламента (31,4%), повышение его самостоятельности (26,1%) и скорости принятия законов (21,2%). Самым частым требованием к «будущему/идеальному» парламента оказалось наличие открытости обществу (55,8%).

Эмоциональный (иррациональный) профиль оценен с помощью содержательно-символического анализа рисунков по нескольким параметрам. По параметру **абстрактность/конкретность образа** подавляющая часть респондентов символизировала законодательный орган страны в конкретной форме. Этой формой оказались «здание парламента» или «зал заседаний». Символично-атрибутивная часть изображений представлена трибуной как центром ретрансляции смыслов, источником внимания и притяжения внутренней и внешней аудитории. Сюда же отнесены флаг и герб, причем последний

символизировал высокий статус и значимую роль органа государственной власти, а флаги в некоторых случаях служили маркерами идентификации разных партий (акцентируя внимание на многопартийности).

По параметру *сложность / простота образа* большинство рисунков характеризуются средней или низкой степенью сложности. В качестве маркера сложности нами выделена конструктивная составляющая изображения. Изображенные объекты помещались респондентом в иерархические конструкции, которые передавались глубиной ракурса, специальными схемами (ячейками и стрелками, показывающими взаимосвязи элементов). Чаще всего отношения иерархии имели строгий порядок и нисходящую направленность, т.е. гипотетические «депутаты» и иные участники процесса законотворчества мыслились респондентами, зависимыми от «центральной фигуры». Примечательно, что в некоторых рисунках центральной фигурой являлся Президент РФ (в том числе конкретно В.В. Путин). Что касается сложных конструкций, то респонденты стремились к включению в парламентскую деятельность как можно большего числа представителей всех слоев российского общества. На взгляд респондентов, в современности при принятии решений права и интересы меньшинств (гендерных, религиозных) не учитываются.

По параметру *однозначность/неопределенность образа* большинство рисунков интерпретируются однозначно. Учитывая малый ассоциативный категориальный диапазон, продемонстрированный респондентами в отношении идеального парламента (*здание, комната, человек, экран, микрофон, флаг, герб, стол, трибуна*), и частое изображение схем с надписями, можно признать, что респонденты пытаются рационализировать свои знания, впечатления, чувства, но низкая заинтересованность и осведомленность ограничивает для них «средства выражения» (визуальные и вербальные).

По *направленности эмоциональной оценки* большинство рисунков нейтральны. Позитивные ожидания респондентов связаны с повышением качества и эффективности законотворческого процесса, сменой депутатского корпуса на более профессиональный, допуском широкой общественности к процедуре обсуждения законопроектов. Негативные ожидания связаны с формализмом роли парламента в политическом процессе.

По параметру *статичность/динамизм образа* большинство рисунков статичны. Динамические структуры проявляются в случае изображения сим-

волов действия/взаимодействия, в том числе противодействия/соперничества. Все плоские рисунки статичны. Рисунки, имеющие глубину, в том числе — изображения помещений «в разрезе», показывают взаимосвязь «депутатов» с внешним миром, народом. Фигуры людей (ораторов и участников обсуждений) прописаны более четко, показана мимика и жесты (призывающие аудиторию прислушаться). Рисунки, демонстрирующие только структуры в плоскости, в некоторых случаях содержали стрелки (направленные в одну сторону или двухсторонние), поясняющие характер взаимодействия сегментов схемы. Плоские рисунки показывали связь внутри структур, в то время как объемные намекали на внешний контур взаимодействия.

По параметру *однотипность/уникальность образа* большинство рисунков были однотипны. Лишь незначительная часть содержала абстрактные элементы, отражающие неопределенность, размытость образа. Абстракции дополнялись общими фразами («*светлое будущее*»).

ВЫВОДЫ

Описанный в результате исследования образ идеального парламента недостаточно рационализирован и размыт. Это связано с пока еще низким политическим активизмом (протестные мероприятия носят точечный, всплесковый характер), особенно в легитимных формах, требующих волевых и интеллектуальных усилий, позитивной консолидации общественных групп, временных и трудовых затрат, артикуляции своей гражданской позиции в конкретных решениях, проектах, программах, конструктивной критики, рационализации политического дискурса. Идеи и ценности парламентаризма, которые все глубже укореняются в когнитивных конструкциях массового политического сознания, благодаря демократическому транзиту последних десятилетий, принимают динамическую, деятельностную конфигурацию лишь у небольшой прослойки граждан. Смысловые детерминанты идеальной модели парламента как модели представительства интересов большинства постепенно переходят из поля формализации в область позитивного ожидаемого, но пока слабо вписываются в реальные поведенческие модели. Повышается запрос различных социальных групп на политическое участие, в том числе в его конвенциональных формах, но на фоне слабой рационализации категорий, характеризующих представительную власть на всех уровнях, диагностируется низкая степень готовности к систематическим политическим действиям. В сознании

российских граждан пока сохраняется стремление решать насущные вопросы через исполнительную власть при недостаточном понимании механизмов взаимодействия с представительной властью.

Необходимо предпринимать шаги в рамках государственной информационной политики

с целью конструирования конвенционального позитивного образа представительной власти и соответствующих институтов, опирающихся на сложившиеся у каждого поколения российских граждан лоялистских политических представлений и ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Русакова О.Ф., Кокоулин В.Г., Грибовод Е.Г., Ковба Д.М. Современные трансформации политики памяти: некоторые итоги Всероссийской научной конференции «Политика национальной памяти: теория, практика, дискурс», посвященной 75-летию великой победы. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44458924>.
2. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 2019;(9):285–312.
3. Габдрахманова Г.Р. Институт законодательной власти в массовом политическом сознании российского общества. *Власть*. 2014;(6):73–76.
4. Щербинин А.И. Парламент как театр: фрейм и образ. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета; 2019.
5. Воропаева М.А. Виртуализация образа парламентского института как фактор улучшения восприятия Государственной Думы Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):110–115.
6. Кирдяшкин И.В. Парламентаризм как способ «когнитивного открытия» политической культуры. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000666418>.
7. Philpot T.S. A party of different Colour? Race, Compain, Communication and party politics. *Political Behavior*. 2004;26(3):249–270.
8. Trilling R.J. Party image and electoral behavior. New York: Willey; 1976.
9. Rahn W.M. The Role of Partisan Stereotypes in Information Processing About Political Candidates. *American Journal of Political Science*. 1993;(37):472–496.
10. Matthews D.R., Prothro J.W. Southern Images of Political Parties: An Analysis of White and Negro Attitudes. *The Journal of Politics*. 1964;26(1):82–111.
11. Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий. *Психологический журнал*. 1991;12(6):55–77.
12. McAllister I. The Personalization of Politics. *Oxford Handbook of Political Behavior*. New York: Oxford University Press; 2007.
13. Рогач Н.Н. Образ идеального депутата Государственной Думы в массовом сознании российских граждан. Материалы ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020. Москва, МПГУ, 27–28 ноября 2020 г. М.: Изд-во МПГУ; 2020.
14. Селезнева А.В. Парламентская культура российских граждан: ценностные основания и образно-символическое содержание. Томск: Издательский дом Томского государственного университета; 2019.
15. Шестопап Е.Б. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. М.: Весь Мир; 2019. 656 с.
16. Bass B.M. Bass & Stogdill's Handbook of leadership. Theory, research, and managerial. New York: The Free Press; 1981. 856 p.
17. Clifford S. Reassessing the structure of presidential character. *Electoral Studies*. 2018;(54):240–247.
18. Люсин Д.В. Трехмерная модель структуры эмоциональных состояний, основанная на русскоязычных данных. *Психология. Журнал ВШЭ*. 2019;16(2):341–356.

REFERENCES

1. Rusakova O.F., Kokulin V.G., Gribovod E.G., Kovba D.M. Modern transformations of the politics of memory: some results of the All-Russian scientific conference “Politics of national memory: theory, practice, discourse” dedicated to the 75th Anniversary of the Great Victory (07.10.2020, Yekaterinburg). *Diskurs-Pi*. 2020;(4):225–228. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44458924> (accessed on 05.01.2021). (In Russ.).
2. Malinova O. Yu. The politics of memory as an area of symbolic politics. *METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines*. 2019;(9):285–312. (In Russ.).

3. Gabdrakhmanova G.R. The Institute of Legislative Power in the Mass Political Consciousness of Russian Society. *Vlast'*. 2014;(6):73–76. (In Russ.).
4. Shcherbinin A.I. Parliament as a theater: frame and image. *Parlamentarizm: regional'noe izmerenie*. 2019:243–253. (In Russ.).
5. Voropaeva M.A. Virtualisation of the image of a parliamentary institution as a factor in improving the perception of the State Duma of the Russian Federation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):110–115. (In Russ.).
6. Kiryashkin I.V. Parliamentarism as a method of “cognitive discovery” of political culture. *Parlamentarizm: regional'noe izmerenie*. 2019:97–99. (In Russ.).
7. Philpot T.S. A party of different Colour? Race, Campaign, Communication and party politics. *Political Behavior*. 2004;26(3):249–270.
8. Trilling R.J. Party image and electoral behavior. New York: Wiley; 1976.
9. Rahn W.M. The Role of Partisan Stereotypes in Information Processing About Political Candidates. *American Journal of Political Science*. 1993;(37):472–496.
10. Matthews D.R., Prothro J.W. Southern Images of Political Parties: An Analysis of White and Negro Attitudes. *The Journal of Politics*. 1964;26(1):82–111.
11. Petrenko V.F., Mitina O.V. Semantic space of political parties. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1991;12(6):55–77. (In Russ.).
12. McAllister I. The Personalisation of Politics. *Oxford Handbook of Political Behavior*, Russell J. Dalton, Hans-Dieter Klingemann, eds. New York: Oxford University Press; 2007:571–591.
13. Rogach N.N. The Image of the Ideal State Duma Deputy in the Mass Consciousness of Russian Citizens. In: *Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnye vyzovy i perspektivy*. O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeeva, eds. 2020. (In Russ.).
14. Selezneva A.V. Parliamentary culture of Russian citizens: value foundations and figurative-symbolic content. *Parlamentarizm: regional'noe izmerenie*. A.I. Shcherbinina, A.V. Podrezova, V.G. Skochilova, eds. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University Tomsk; 2019:187–191. (In Russ.).
15. Shestopal Ye.B. Power and leaders in the perception of Russian citizens. Moscow: Ves Mir; 2019. 656 p. (In Russ.).
16. Bass B.M. Bass & Stogdill's Handbook of leadership. Theory, research, and management. New York: The Free Press; 1981. 856 p.
17. Clifford S. Reassessing the structure of the presidential character. *Electoral Studies*. 2018;54:240–247.
18. Lyusin D.V. Three-dimensional model of the structure of emotional states based on Russian-language data. *Psikhologiya. Zhurnal VShE*. 2019;16(2):341–356. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Заира Романовна Усманова — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
ZRUsmanova@fa.ru

Наталья Валентиновна Смутькина — кандидат политических наук, старший преподаватель факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
smulkina@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Zaira R. Usmanova — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
ZRUsmanova@fa.ru

Natalia V. Smulkina — Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Lecturer, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
smulkina@mail.ru

Статья поступила 15.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-83-91

УДК 324,329(045)

Политические партии накануне парламентских выборов – 2021: стартовые позиции и электоральные перспективы

Д.А. Ежов

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-7103-836X>

АННОТАЦИЯ

В статье приводится анализ стартовых позиций и электоральных перспектив политических партий накануне выборов в Государственную Думу РФ восьмого созыва, что приобретает особую актуальность в условиях появления среди участников избирательной кампании новых политических сил. Используя методы наблюдения, анализа и прогнозирования, данные социологических исследований и электоральной статистики, автор исследует актуальные тренды в развитии российских парламентских и непарламентских партий, делает предположения о возможной конфигурации депутатского корпуса нижней палаты парламента восьмого созыва, прогнозирует вероятные способы формирования парламентского большинства. В результате проведенного исследования определены лейтмотивы предстоящей кампании, оказывающие существенное влияние на эволюцию партийной системы России в обозримой перспективе. Сделан вывод о вероятном смещении центра предвыборной борьбы в одномандатные округа. Отмечается перспективность продвижения партиями узнаваемых медийных лиц в качестве кандидатов на выборах, что в целом соответствует объективно выраженной тенденции шоуизации избирательного процесса.

Ключевые слова: выборы; политические партии; избирательная кампания; парламентские партии; непарламентские партии; системная оппозиция; парламентское большинство; одномандатные округа

Для цитирования: Ежов Д.А. Политические партии накануне парламентских выборов – 2021: стартовые позиции и электоральные перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):83-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-83-91

ORIGINAL PAPER

Political Parties on the Eve of the Parliamentary Elections – 2021: Starting Positions and Electoral Prospects

D.A. Ezhov

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7103-836X>

ABSTRACT

The article provides an analysis of the starting positions and electoral prospects of political parties on the eve of the elections to the State Duma of the Russian Federation of the 8th Convocation, which becomes especially relevant in the context of the emergence of new political forces among the participants in the election campaign. The author investigated current trends in the development of Russian parliamentary and non-parliamentary parties, relying on the methods of observation, analysis, and forecasting, data from sociological research and electoral statistics. He also assumed the possible configuration of the deputy corps of the lower house of parliament of the 8th Convocation and predicted possible ways of forming a parliamentary majority. As a result of the study, the leitmotifs of the upcoming campaign are determined, which significantly impact the evolution of the party system in Russia in the foreseeable future. The author has concluded the probable shift of the centre of the pre-election struggle to single-mandate constituencies. The perspectives of the promotion of recognizable media persons by parties as candidates in the elections are noted, which, in general, corresponds to the objectively expressed tendency to show the electoral process.

Keywords: elections; political parties; election campaign; parliamentary parties; non-parliamentary parties; systemic opposition; parliamentary majority; single-mandate constituencies

For citation: Ezhov D.A. Political parties on the eve of the parliamentary elections – 2021: Starting positions and electoral prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):83-91. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-83-91

ВВЕДЕНИЕ

Предстоящие в 2021 г. выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва обуславливают актуальность анализа стартовых позиций и оценки электоральных перспектив политических партий, участвующих в избирательной кампании. Несмотря на очевидное, с точки зрения электорального потенциала, преимущество партий-лидеров, дополнительную интригу в исход голосования вносит появление в 2020 г. новых политических партий, рассматриваемое в качестве фактора, влияющего на прогнозируемую конфигурацию распределения депутатских мандатов. Все вышесказанное позволяет очертить границы объектно-предметной области исследования и рассмотреть актуальные тренды в развитии как парламентских, так и непарламентских партий.

В качестве исследовательской цели рассматривается проектирование партийного состава нижней палаты Федерального парламента восьмого созыва. Поставленная цель достигается посредством анализа и последовательной оценки актуального политического и электорального потенциала партий, имеющих право участвовать в выборах. В своих суждениях автор опирается на методы наблюдения, анализа и прогнозирования. Эмпирическую базу исследования составляют результаты социологических опросов, проведенных в период с марта 2020 по март 2021 г. ВЦИОМ, а также данные электоральной статистики, среди которых особое значение имеют сведения о результатах политических партий на выборах в рамках единого дня голосования в сентябре 2020 г.

Теоретическую основу исследования составили работы, посвященные эволюции партийной системы современной России [1, 2], правовым особенностям участия партий в избирательном процессе [3], практическим проблемам оценки электорального потенциала политических партий в контексте современного избирательного процесса [4], технологиям стимулирования электоральной активности [5], особенностям электорального поведения при голосовании на федеральных парламентских выборах [6].

После подведения итогов единого дня голосования 13 сентября 2020 г., без сбора подписей в количестве не менее 200 тыс. в избирательной кампании могут участвовать 16 политических партий из 39¹, зарегистрированных в Российской

Федерации. В их число, в соответствии с законодательством Российской Федерации, входят партии, получившие на предыдущих выборах места в Государственной Думе РФ по партийному списку; набравшие на них не менее 3% голосов избирателей; представленные хотя бы в одном из региональных парламентов. По итогам выборов в нижнюю палату Федерального парламента, прошедших в 2016 г., заградительный барьер был преодолен партиями «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». Плюс ко всему, по одному мандату получили представители партий «Родина» и «Гражданская платформа», победившие в одномандатных округах и не примкнувшие ни к одной из фракций. Кроме этого, в выборах без сбора подписей могут участвовать такие партии, как: «Зеленые», «Коммунисты России», «Партия Роста», «Патриоты России», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость», «Яблоко», «Коммунистическая партия социальной справедливости». Результаты голосования на выборах в региональные парламенты предоставили аналогичные возможности трем новым политическим партиям: «Новые люди», «За правду» и «Зеленая альтернатива», зарегистрированным в 2020 г.

С учетом приведенных выше общеизвестных фактов полагаем, что анализ стартовых позиций и электоральных перспектив политических партий целесообразно провести по трем укрупненным группам: 1) партии, представленные в федеральном парламенте (далее — парламентские партии); 2) партии, представленные в региональных парламентах до единого дня голосования 2020 г. (далее — непарламентские партии); 3) новые политические партии, зарегистрированные в 2020 г. и получившие представительство в региональных парламентах по итогам выборов в единый день голосования (далее — новые партии). Остальные политические партии, зарегистрированные в Российской Федерации по состоянию на момент проведения настоящего исследования, выходят за пределы нашего внимания в силу их крайне низкой активности, не позволяющей рассматривать соответствующих акторов в качестве конкурентоспособных. Выделенные нами три укрупненные группы обусловили структуру исследования.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПАРТИИ

«Единая Россия». XIX съезд партии «Единая Россия», прошедший в ноябре 2019 г., с уверенностью можно назвать первым шагом в рамках подготовки

¹ По состоянию на 12 апреля 2021 г.

к предстоящей кампании с учетом того, что его главной темой стало реформирование работы партии в соответствии с задачами предстоящего избирательного цикла, в основе которых — сохранение за партией статуса ведущей политической силы в стране. Несмотря на существенное падение текущего электорального рейтинга «Единой России» (в период с марта по декабрь 2020 г., согласно данным ВЦИОМ, балансирующего в пределах 29,9–36,1%), он значительно опережает аналогичные показатели КПРФ и ЛДПР (12,6–14,1% и 10,5–11,7% соответственно). При этом в межвыборный период коррекция рейтинговых значений вполне объяснима отсутствием повышенной степени активности политических партий в информационном пространстве. В I квартале 2021 г. согласно данным указанного выше источника рейтинг партии находился в пределах 28,7–30,9%.

Стартовые позиции «Единой России» в преддверии активной фазы кампании можно оценить как относительно устойчивые вследствие закрепления за ней имиджа «партии президента», что позволяет переносить репутационные удачи первого лица государства на оценку эффективности деятельности партии, несмотря на имеющиеся фактические расхождения в части персонального измерения формального партийного лидерства. Напротив, различного рода непопулярные решения высшей исполнительной власти (как, например, пенсионная реформа) отражаются на восприятии партийной структуры негативно за счет разделения рисков. Из-за закрепившегося за «Единой Россией» неформального статуса «партии власти» с ней ассоциируются поддерживаемый эффект стабильности и реализация социальных программ. Это позволяет формировать устойчивую электоральную базу, состоящую преимущественно из консервативно настроенной части избирателей, поддерживающих проводимый федеральным центром политический курс; сегмента, разделяющего патриотические ценности; бюджетников и пенсионеров. Лишний раз тезис об устойчивых стартовых позициях партии в преддверии выборов в Государственную Думу РФ подтверждают итоги единого дня голосования 13 сентября 2020 г., по результатам оценки которых «Единая Россия» в очередной раз доказала свое право считаться ведущей политической силой в стране.

При оценке электоральных перспектив «Единой России» на парламентских выборах 2021 г. ее лидерство представляется однозначным. В то же время дополнительную интригу вносит неясность

относительно способа, благодаря которому партии удастся сохранить большинство мест в Государственной Думе РФ. В качестве наиболее вероятного сценария нам видится формирование фракции «Единая Россия» в нижней палате парламента следующего созыва путем интеграции мандатов, полученных партией по партийным спискам с мандатами, выигранными в одномандатных округах. При этом не исключено, что эти два структурных компонента, лежащие в основе конструирования партийной фракции, по своему численному составу могут стать примерно сопоставимыми, но с количественным перевесом в пользу мандатов, полученных в одномандатных округах. Таким образом, полагаем, что именно вхождение в состав фракции депутатов, избранных в одномандатных округах, позволит обеспечить конституционное большинство «Единой России» в парламенте восьмого созыва. В качестве дополнительного способа может рассматриваться вариант коалиции с другими партиями.

Ожидаемому результату призвана способствовать стратегически обоснованная расстановка кандидатов в депутаты, баллотирующихся в одномандатных округах. Представляется рациональной ставка в предвыборной кампании на новые лица, которые будут вызывать ассоциации с преодолением пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и ее последствий. В качестве таких лиц могут выступить врачи, волонтеры, работники социальной сферы. Стоит отметить, что на очерченном поле «Единая Россия» имеет определенное преимущество за счет активной работы партийных структур в период пандемии. По всей вероятности, «Единая Россия» станет лидером по привлечению на предстоящих выборах в свой актив медийных лиц (в том числе, актеров, артистов эстрады, спортсменов и т.д.), что в целом соотносится с объективным трендом, проявляющимся в процессе шоуизации [7], как выборов, так и политики, и является эффективным инструментом расширения электоральной базы.

КПРФ. Если ориентироваться на динамику рейтинговых показателей по состоянию на момент проведения настоящего исследования, КПРФ имеет примерно сопоставимые стартовые позиции с ЛДПР, что обуславливает характер межпартийной предвыборной гонки как борьбу за второе место на парламентских выборах.

На пленуме ЦК КПРФ, прошедшем в октябре 2020 г., была анонсирована совокупность задач, выполнение которых призвано консолидировать

левые, патриотические и протестные настроения. Среди таких задач, в частности, фигурируют защита «русского мира», восстановление социальных гарантий населения и отказ от практики многодневного голосования, юридически закрепленной после ее апробации в рамках общероссийского голосования по принятию поправок в Конституцию Российской Федерации. По большому счету, традиционная электоральная база КПрФ состоит из двух сегментов, к которым относятся идеологически ориентированные сторонники партии и протестно настроенные избиратели. Здесь следует заметить, что, если количество первых (несмотря на то, что имеет тренд к снижению), относительно постоянно, то вторая (протестная) часть традиционно размывается между оппозиционными партиями, и вряд ли в условиях идейного и управленческого кризиса в партии, выраженного в отсутствии свежей предвыборной риторики и несменяемости лидера, КПрФ может рассчитывать на приток новых для нее электоральных масс. Игроков на патриотическом поле, к которому проявляет интерес КПрФ, также предостаточно, что не позволяет рассматривать данную электоральную группу в качестве адресной для партии.

Несмотря на декларирование постепенно отказа КПрФ от популистских предложений (в частности, представленных в программе «10 шагов к достойной жизни», сопровождавшей парламентскую кампанию 2016 г.), гипотетическая концентрация программных положений в части конкретных инициатив по модернизации экономики, борьбе с последствиями пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, вопросам конституционной реформы представляется мало реалистичной. Внутривнутрипартийная конфронтация, фактическое отсутствие ребрендинга, неудачный результат попыток привлечь на свою сторону молодежный электорат², неготовность к обновлению — все это значительно затрудняет дальнейшую эволюцию партии в конструктивном ключе, ставя под сомнение позитивный прогноз о пролонгации существования КПрФ как эффективной партии в обозримой перспективе. Впрочем, даже эти факторы при наличии опорного электората не помешают ее прохождению в состав Федерального парламента следующего созыва. Однако полученный процент голосов, вероятнее всего, будет

иметь отрицательную динамику по сравнению с предыдущими электоральными циклами. Кардинально перспективы партии может изменить только ее системное обновление.

ЛДПР. В условиях фактического соревнования с КПрФ за то, чтобы стать «партией номер два», ЛДПР сталкивается с похожими проблемами, выраженными в идейном и организационном кризисе. Несмотря на то что часть электората партии — это симпатизанты непосредственно В. Жириновскому, партия нуждается в новой оригинальной повестке и новых лидерах. Равно, как и КПрФ, ЛДПР традиционно притягивает к себе часть протестного электората, вернее, тот его сегмент, который не поддерживает отдельные инициативы официальной власти и не готов поддержать несистемную оппозицию. Так, не исключено, что к партии может перейти и часть избирателей КПрФ по той причине, что либерал-демократы занимали более внятную позицию в части поддержки поправок в Конституцию Российской Федерации в период их обсуждения. Негативно на положении ЛДПР сказываются имиджевые потери, в частности недавний арест экс-губернатора Хабаровского края М. Фургала — известного партийного активиста. Очевидно, что борьба за второе место между ЛДПР и КПрФ станет главной интригой кампании.

«Справедливая Россия». При относительно низком рейтинге партии «Справедливая Россия» в период с марта по декабрь 2020 г., балансирующем в пределах 5,3–6,8%, ее стартовые позиции представлялись довольно слабыми по сравнению с другими партиями-лидерами. Основные проблемы заключаются в политической пассивности партии и ее лидера; отсутствии принципиально новых идей, способных привлечь внимание потенциального электората и в кадровом голоде. Непосредственно электоральные перспективы «Справедливой России» в контексте предстоящей федеральной парламентской кампании оценивались как балансирующие на грани преодоления заградительного барьера. Однако с учетом низкого антирейтинга партии ей мог быть обеспечен незначительный приток избирателей, отдающих свои голоса за системную оппозицию, но не разделяющих одиозности, фрагментарно присутствующей в риторике КПрФ и ЛДПР. Однако слияние «Справедливой России» с такими малыми партиями, как «За правду» и «Патриоты России», ставшее символом партийного обновления, сделало ее прохождением в Государственную Думу РФ восьмого созыва более гарантированным, о чем

² Так, например, в рамках кампании 2016 г. партией эксплуатировался образ В.И. Ленина, трансформированный художником партии И. Петрыгиным-Родионовым в секс-символ.

косвенно свидетельствует динамика рейтинговых показателей. В частности, в марте 2021 г. по данным ВЦИОМ рейтинг партии, сменившей название на «Справедливая Россия-Патриоты-За Правду», достигал 8%.

«Родина». Электоральный потенциал партии по состоянию на момент проведения исследования достаточно низок в силу того, что она занимает идеологическую нишу, в которой достаточно и других игроков (в том числе, «Патриоты России», «За Правду» и т.д.). Соответственно, определить группы избирателей, готовые отдать за нее свои голоса, представляется затруднительным. Узость электоральной базы «Родины», на наш взгляд, обуславливается личностью лидера А. Журавлева, известного публичной критикой западных ценностей, нередко трансформирующейся в неоднозначные высказывания³. Имеющая один мандат в текущем созыве Государственной думы РФ, партия «Родина» гипотетически может несколько расширить свое представительство вследствие выборов 2021 г. Но если это и произойдет, то с высокой долей вероятности — за счет побед кандидатов от нее в одномандатных округах, о перспективе формирования полноценной фракции речь не идет.

В то же время нельзя исключать активизацию работы партии во время избирательной кампании, что представляется вероятным вследствие ее сближения с «православным олигархом», председателем совета директором группы компаний «Царьград» К. Малофеевым, объявившем о трансформации возглавляемой им патриотической организации «Двуглавый орел», насчитывающей более 70 региональных отделений, в сетевую структуру, представляющую интересы русского народа в медиапространстве. Согласно, задумке К. Малофеева, каждый член и сторонник «Двуглавого орла» должен стать сетевым активистом. Очевидно, эта сеть может быть использована для продвижения партии «Родина» на выборах в Государственную Думу РФ в 2021 г. По состоянию на 2 декабря 2020 г., согласно данным ВЦИОМ, электоральный рейтинг партии не превышает 1%.

«Гражданская платформа». Инициированный в 2012 г. бизнесменом М. Прохоровым проект создания партии «Гражданская платформа» потерял свое значение с исчезновением интереса к нему со

стороны его основателя. В актуальном виде партия не является политически активной, не имеет отличной от конкурентов выигрышной предвыборной платформы, а ее парламентский статус, вызванный победой в одномандатном округе лидера партии Р. Шайхутдинова, не примкнувшего ни к одной из фракций, если и сохранится, то на аналогичном основании. Электоральный потенциал партии оценивается нами как крайне низкий.

НЕПАРЛАМЕНТСКИЕ ПАРТИИ

«Зеленые». Российская экологическая партия «Зеленые» основана в 1993 г. и до сих пор ассоциируется со старейшей партией, выступающей в политической полемике исключительно с экологической повесткой. В предстоящем электоральном цикле экологическая проблематика будет присутствовать в программных положениях большого количества участников предвыборной гонки, однако в наибольшей степени она будет распространяться партией «Зеленая альтернатива», преобразовавшейся из соответствующего партийного проекта и более подробно рассматриваемой нами в следующей укрупненной группе — группе новых партий. Частные успехи партии на выборах в региональные парламенты (а именно, преодоление пятипроцентного барьера на выборах в Государственное собрание — Курултай Республики Башкортостан в 2018 г. и Парламент Кабардино-Балкарской Республики годом позднее) не дают оснований для прогнозирования возможного электорального успеха партии на федеральном уровне.

«Коммунисты России». Партия является типичной партией-спойлером, отбирающей определенный процент голосов у КПРФ с низким политическим и электоральным потенциалом, и отличающейся откровенно популистской риторикой лидера М. Сурайкина. Так, малореалистичным выглядит предложение об отмене пенсионной реформы, законопроект о которой анонсирован в случае вхождения партии в состав федерального парламента следующего созыва. По состоянию на конец 2020 г., партия имеет всего 7 мандатов в региональных парламентах. По данным опроса ВЦИОМ от 2 декабря 2020 г., на выборах в Государственную Думу РФ в 2021 г. за «Коммунистов России» готовы отдать голоса не более 1% избирателей.

«Партия Роста». Партия Роста стала первой, кто объявил о начале своей предвыборной кампании в Государственную Думу РФ. Произошло это в декабре 2018 г. во время открытия феде-

³ Так, в сентябре 2020 г. в эфире телеканала «Россия 1» депутат Государственной Думы РФ А. Журавлев заявил, что в Дании создали специальный бордель для зоофилов, в котором каждый желающий может изнасиловать черепаху.

рального штаба «Выборы-2021» в городе Миасс Челябинской области. Согласно первоначальному замыслу партия планирует делать ставку на работу в одномандатных округах, количество которых определяется в пределах 40. Таким образом, представляется очевидной ориентация на персональный фактор, являющийся неотъемлемым компонентом при формировании электорального выбора. При распределении на выборы в округах узнаваемых лиц, ассоциируемых с партией (в частности, А. Любимова, О. Дмитриевой, С. Шнурова, выбранная стратегия может оказаться удачной. Сетевой элемент в деятельности партии воплощен в функционировании коммуникационной платформы «Люди Роста». Согласно данным ВЦИОМ по состоянию на 2 декабря 2020 г. электоральный рейтинг партии не превышает 2%.

«Патриоты России». В контексте предстоящей кампании низкий самостоятельный политический и электоральный потенциал партии на федеральном уровне сформировал предпосылки для ее рассмотрения в качестве ресурса, предназначенного для усиления близких ей в рамках занимаемого идейно-политического поля партий «большой четверки». С учетом объективных тенденций такой структурой стала «Справедливая Россия», о чем говорилось выше.

«Российская партия пенсионеров за социальную справедливость». О намерении «Партии пенсионеров» участвовать в выборах в Государственную Думу РФ восьмого созыва было объявлено в декабре 2020 г. Несомненным плюсом партии является отсутствие антирейтинга, в то же время количество готовых отдать за нее свои голоса на федеральном уровне остается относительно невысоким. В ходе единого дня голосования 2020 г. партия обеспечила себе представительство в нескольких региональных парламентах, получив по 1 мандату, а в Законодательных собраниях Новосибирской и Челябинской областей — по 2 мандата.

«Яблоко». Партия объявила о начале своей подготовки к федеральной избирательной кампании в рамках XXI Съезда, состоявшегося в декабре 2019 г., на котором были избраны новый состав федерального политического комитета, бюро партии, а также председатель партии и его заместители. Согласно имеющимся данным ВЦИОМ текущий рейтинг партии не превышает 4%, однако возможное преодоление ею пятипроцентного барьера на выборах 2021 г. представляется нам малоперспективным с учетом низкого уровня востребованности пропагандируемых прозапад-

ных ценностей. Стратегической ошибкой идеологов партии является откровенное критическое восприятие сюжетов, наполняющих актуальную российскую повестку, проявляющееся на уровне партийной риторики, в том числе и в терминологическом отношении. Так, в программных публикациях идейного вдохновителя партии Г. Явлинского, представленных на официальном сайте политической партии, фигурируют характеристики российского политического режима как авторитарного, неправового, полукриминального и антисоциального; вхождение Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации вследствие референдума квалифицируется в качестве аннексии, что в целом не разделяется подавляющим большинством российского социума, уровень доверия к власти со стороны которого заметно повысился после событий Крымской весны. Впрочем, с учетом признания факта существования некоторой доли оппозиционно настроенного электората, ассоциирующего свои взгляды с прозападными ценностями, «Яблоко», вероятно, сможет получить чуть более 3% голосов избирателей.

«Коммунистическая партия социальной справедливости». По аналогии с партией «Коммунисты России», созданная политтехнологом А. Богдановым «Коммунистическая партия социальной справедливости» (сокращенно — КПСС) с целью распыления электората КПрФ, является типичным спойлером. В подтверждение этому можно привести случай, когда партия на выборах губернатора Иркутской области выставила кандидата, фамилия которого отличалась от фамилии кандидата от КПрФ всего одной буквой. Общеизвестно, что подобные технологии применяются, чтобы запутать потенциального избирателя. Представительство партии в Законодательном собрании Владимирской области, полученное ею в 2018 г. в количестве одного мандата, тем не менее предоставляет право участвовать в выборах в Государственную Думу РФ восьмого созыва без дополнительного сбора подписей.

НОВЫЕ ПАРТИИ

«Новые люди». По итогам выборов в единый день голосования 13 сентября 2020 г. партии «Новые люди» удалось получить мандаты на всех выборах в областные парламенты, где она принимала участие, однако заметим, что речь идет всего о 4 регионах (Новосибирской, Рязанской, Калужской и Костромской областях) и 11 мандатах. Партия

пропагандирует выигрышную предвыборную риторикой, которая построена на слогане «Люди важнее!» и программных предложениях, ориентированных, в том числе, на достижение эффекта сменяемости людей во власти. Значительная содержательная составляющая партийной программы сконцентрирована вокруг стратегии развития малого бизнеса и предпринимательства, что позволяет рассматривать указанные сегменты электората в качестве опорных для партии. В то же время партия «Новые люди» существенно отличается от других тем, что ее фундаментом являются сетевые сообщества. Как известно, лидер партии А. Нечаев — основатель и президент компании прямых продаж Faberlic, производящей косметику, одежду и обувь, и создатель проекта «Фонд Капитаны», владеющего сетью филиалов на базе крупных вузов. Так, характерной выглядит сопоставимость географии распространения интереса партии к выборам в регионах с присутствием в них ресурсов «Фонда Капитаны». Сетевые структуры, находящиеся в активе лидера партии, являются непосредственными площадками для формирования пула сторонников. Не оспаривая удачного электорального старта партии на региональном уровне, полагаем неоправданным экстраполировать его на выборы в Государственную Думу РФ 2021 г., а успех «Новых людей» в рамках единого дня голосования считаем правомерным рассматривать в качестве следствия грамотного применения сетевых маркетинговых технологий.

«За правду». По итогам единого дня голосования 13 сентября 2020 г. партии удалось преодолеть избирательный барьер только на выборах в Рязанскую областную Думу, на родине ее лидера — писателя З. Прилепина, бэкграунд которого, как и других представителей партии (а среди них — большое количество медийных узнаваемых персон), переносится на образ партийной структуры.

Стремясь соответствовать актуальным тенденциям коммуникативных практик, партия активно использует во взаимодействии с избирателями интернет-технологии, называя себя «самой цифровой партией». На практике это проявляется в функционировании автоматизированной информационной системы «Экосистема», предназначенной для электронного документооборота, многоуровневый доступ к которому предоставляется сторонникам, задействованным в организации и реализации мероприятий и проектов. Через единый информационный портал zpravdu.org каждый сторонник может зарегистрироваться

в «Экосистеме». Авторизованные пользователи имеют возможность предложить свой проект, а также присоединиться к уже существующему.

Идеология, декларируемая партией, построена на критике либерализма в целом и отличается наличием консервативной основы и апелляцией к патриотическим ценностям. В то же время, несмотря на утверждения заместителя председателя партии А. Казакова о недопустимости социального расслоения, отдельные программные установки «За правду» (как, например, возвращение городу Волгограду названия Сталинград) в большей степени направлены на углубление социального раскола и гипотетический отток части электоральной массы. В качестве опорного электората партии можно рассматривать часть его патриотически настроенного сегмента, не готовую отдать голоса за какую-либо из партий, представленных в федеральном парламенте текущего созыва (в том числе, и партию — лидера «Единую Россию»).

Полагаем, «За правду» может успешно выступить на выборах в одномандатных округах в случае удачного распределения по ним кандидатов. Впрочем, в этом случае электоральный выбор, вероятнее всего, будет производиться, исходя из личностей кандидатов, а не из ассоциаций с выдвинувшей их партией. Апеллируя к изложенному выше, заметим, что такие ресурсы в распоряжении «За правду» в действительности имеются. Попытки внесения в деятельность партии во время предвыборной кампании элементов хайпа (в частности, 26 ноября 2020 г., во Всемирный день информации, ЦК партии было принято решение о награждении медалью «За Правду» бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США Э. Сноудена) могут быть неоднозначно восприняты электоральными массами.

Тем не менее участие лиц партии в федеральных выборах в составе упомянутой ранее объединенной партии «Справедливая Россия-Патриоты-За Правду» заметно улучшает шансы на получение последней парламентского представительства.

«Зеленая альтернатива». Партия «Зеленая альтернатива» основана бывшим координатором проекта «Экологическая экспедиция» МОДЭП «Местные» Р. Хвостовым и позиционируется в качестве российской экологической партии. 13 сентября 2020 г. партия получила в общей сложности два мандата, преодолев избирательный барьер на выборах в Законодательное собрание Челябинской области и в Государственный Совет Республики Коми. Больше ни в каких избирательных

кампаниях в рамках единого дня голосования — 2020 партия участия не принимала. Характерной представляется апелляция партии к популистской риторике и перформативным практикам. Так, например, партия предложила установить памятник экоактивистке Г. Тунберг в Гайд-парке в Сокольниках, а на этапе существования «Зеленой альтернативы» как партийно-политического проекта активисты движения занимались блокировкой елочных базаров в канун наступления 2020 г. Несмотря на повышение значимости экологической проблематики в общественном дискурсе, политические перспективы «Зеленой альтернативы» на федеральном уровне близки к нулевым по причине узости электоральной базы. Однако отдельные возможные кандидаты от партии способны успешно выступить в одномандатных округах за счет своей медийности. Так, нельзя исключать активную поддержку «Зеленой альтернативой» кандидатуры известного стилиста, «короля гламура» С. Зверева, заявившего о намерении баллотироваться в депутаты Государственной Думы РФ от Республики Бурятия, особенно в контексте того, что подобное предложение шоумену со стороны партии поступало. В последнее время С. Зверев привлекает внимание общественности к проблемам экологии, в частности в 2019 г. он провел одиночный пикет у стен Кремля с требованием остановить строительство завода на берегу Байкала, за что был привлечен к административной ответственности в виде штрафа в размере 15 тыс. руб.

ВЫВОДЫ

На основании анализа стартовых позиций политических партий накануне парламентских выборов 2021 г. и оценки их электоральных перспектив можно сделать следующие выводы. Проектируемая партийная конфигурация Государственной Думы РФ восьмого созыва в своей основе будет соответствовать привычному формату (отвечающему требованиям эффективности функционирования представительного органа представительной власти в условиях необходимости его взаимодействия с другими ветвями власти), который предпола-

гает наличие пропрезидентского большинства и ситуативно примыкающей к нему системной оппозиции. Фактическое формирование пропрезидентского большинства, с учетом сравнительно невысоких (по сравнению с предыдущими годами) рейтинговых показателей «Единой России» как партии-лидера, актуализирует перспективу переноса приоритетов в предвыборной борьбе в одномандатные округа, за счет побед в которых, с высокой долей вероятности, удастся как минимум сохранить количественный состав самой многочисленной фракции.

В качестве лейтмотивов кампании следует рассматривать борьбу за второе место между КПрФ и ЛДПР и усилия по сохранению за «Справедливой Россией» статуса парламентской партии. Результаты соответствующих процессов создадут предпосылки для формирования суждений о потенциальных векторах эволюции российской партийной системы в будущем. Нельзя исключать использование ресурсов малых (в том числе, и новых) партий для сохранения своих позиций в парламенте с учетом объективного социального запроса на системное обновление традиционных акторов партийной системы. Электоральные перспективы собственно малых партий по состоянию на данный момент представляются невысокими, за исключением случаев возможных побед кандидатов от них в одномандатных округах на фоне отсутствия конкурентоспособных кандидатов от партий-лидеров.

В целях привлечения потенциальных избирателей политическими партиями преимущественно в одномандатных округах будет сделана ставка на новые лица. В том числе, это будет выражаться в выдвижении кандидатами в депутаты широко известных медийных персон, слабо ассоциирующихся в массовом сознании с политической сферой жизнедеятельности общества. В целом, такая перспектива соответствует общему тренду шоуизации выборов, но не гарантирует высокой степени эффективности законотворческого процесса в случае формирования состава парламента, исходя из указанного фактора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заславский С.Е. Партийная система России: современное состояние и динамика развития. *Вопросы политологии*. 2020;(8):2524–2541. DOI: 10.35775/PSI.2020.60.8.016
2. Вилков А.А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2017;(1):62–69. DOI: 10.18500/1818–9601–2017–17–1–62–69

3. Турищева Н.Ю. Правовое регулирование участия партий в выборах. *Государство и право*. 2016;(8):29–39.
4. Болховитина Т.С. Политическое участие внепарламентских партий в избирательной кампании 2016: сравнительный расклад. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2016;(3):3–9.
5. Пырма Р.В. Социальные сети и электоральное участие: возможности активации голосования. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020;(3):9–32.
6. Алексеев Р.А. Избирательные кампании парламентских выборов (1993–2016 гг.) и особенности электорального поведения. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2018;(3):195–206. DOI: 10.18384/2310–676X-2018–3–195–206
7. Ежов Д.А. Выборы в условиях шоуизации: технологии и социальные последствия. *Вестник Института социологии*. 2018;(2):130–144. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.515

REFERENCES

1. Zaslavsky S.E. Russian party system: current state and dynamics of development. *Voprosy politologii = Political Sciences Issues*. 2020;(8):2524–2541. (In Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2020.60.8.016
2. Vilkov A.A. Evolution of the Russian multiparty system after the 2016 elections. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotziologiya. Politologiya = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2017;(1):62–69. (In Russ.). DOI: 10.18500/1818–9601–2017–17–1–62–69
3. Turischeva N. Yu. Legal regulation of participation of parties in elections. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2016;(8):29–39. (In Russ.).
4. Bolkhovitina T. S. Political participation of non-parliamentary parties in the election campaign 2016: a comparative analysis. *Izvestiya Tulsckogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2016;(3):3–9. (In Russ.).
5. Pyrma R. V. Social networks and electoral participation: voting activation opportunities. *Grazhdanin. Vybory. Vlast = Citizen. State. Authority*. 2020;(3):9–32. (In Russ.).
6. Alekseev R. A. The election campaigns of the parliamentary elections (1993–2016) and features of electoral behaviour. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. = Bulletin MSRU. Serie "History and Political Science"*. 2018;(3):195–206. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310–676X-2018–3–195–206
7. Ezhov D. A. Show-oriented elections: the technologies and social consequences. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018;(2):130–144. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.515

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Александрович Ежов — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
 president@lenta.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy A. Ezhov — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
 president@lenta.ru

Статья поступила 20.05.2021; принята к публикации 10.06.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.05.2021; accepted for publication on 10.06.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-92-101
УДК 32(045)

Ролевое позиционирование и политическая функция российских СМИ*

Цуй Чжэн^а, Фань Вэньцзинь^б

^{а, б}Ляонинский университет, Ляонин, Китай

АННОТАЦИЯ

Новостные СМИ – рупор политики, экономики и дипломатии страны. Являясь особым символом социальной культуры, они фиксируют социальные реформы и отражают контекст национального развития. В процессе распространения информации российское правительство создает основные СМИ, устанавливая контроль над ними и интегрируя национальные ресурсы, а также используя взаимное влияние политики и СМИ, поддерживает политическое правление власть имущих. Российские новостные СМИ играют все более значительную роль в политической жизни России, реализуя свою функцию социального контроля путем формирования общественного мнения, определения повестки дня и наблюдения за деятельностью правительства.

Ключевые слова: основные СМИ; распространение информации; политическая функция

Для цитирования: Цуй Чжэн, Фань Вэньцзинь. Ролевое позиционирование и политическая функция российских СМИ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):92-101. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-92-101

ORIGINAL PAPER

The Role Positioning and Political Function of Russian News Media**

Cui Zheng^а, Fan Wenjin^б

^{а, б}Liaoning University, Liaoning Province, China

ABSTRACT

News media is an essential mouthpiece of a country's politics, economy and diplomacy, which, as a special symbol of social culture, records social reforms and grasps the context of national development. In the process of information dissemination, the Russian government builds the mainstream media by strengthening media control and integrating national resources and maintains the political rule of those in power by making use of the mutual shaping of politics and news media. The Russian news media plays an increasingly significant role in Russian political life, realising its social control function through public opinion guidance, agenda-setting and supervision towards the government.

Keywords: mainstream media; information dissemination; political function

For citation: Cui Zheng, Fan Wenjin. The role positioning and political function of Russian news media. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):92-101. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-92-101

* Статья написана по результатам проекта «Тенденция развития России при четвертом сроке Путина в контексте глубокой корректировки международной политической и экономической картины» (проект № : ЛЖС 202037), научно-исследовательского проекта, финансируемого Департаментом образования провинции Ляонин в 2020 г. (Foundation Class).

** This paper is the periodic achievement of the Development Trend of Russia under Putin's Fourth Term in the Context of the Profound Adjustment of International Political and Economic Pattern (project No.: ЛЖС 202037), a scientific research project funded by Liaoning Provincial Department of Education in 2020 (Foundation Class).

News media is the product of social and historical development, and it is a kind of communication tool gradually produced and developed to meet people's increasing demand for material and cultural exchanges. News media plays an active role in the historical development of modern society and has a profound influence on the politics, economy, society and culture in the process of social-historical development. Due to its public domain nature, the mass media can produce important political influence [1]. After a series of reforms and development, the Russian news media has gradually formed a political media model with Russian characteristics under the "national vertical rights" and vigorously developed the international mainstream media through the integration of national resources under the leadership of the Putin government, making it unique and professional in the process of communication, and giving better play to its political function.

1. THE ROLE POSITIONING OF RUSSIAN NEWS MEDIA

1.1. The development of Russian news media

In the early 18th century, Tsar Peter I founded Russia's first official newspaper, "Izvestia", the country's earliest news media carrier. In order to promote the development of the printing business, the monarchs strengthened the state control over the printing production, making printing journalism a special institution of the state at that time [2]. In the 1920s, with the publication of a large number of newspapers and the rise of radio stations in Russia, the era of Russian news media really came. In the Soviet era, the news media was completely subject to the administrative instructions of government departments, and it was part of the entire national administrative system, which was "strictly ideological and hierarchical" [3]. In the later period of Gorbachev's reform, the state loosened its monitoring of the news media, gave them more autonomy in personnel matters and reduced restrictions on foreign media. Even since 1987, residents of the Soviet Union had listened freely to Western radio stations such as BBC and "Voice of America". Although the news media in this period was still a tool of the government and was under the government's leadership, the freedom and independence granted by the loose political

environment endowed the news media with the function of "the fourth power" in the West.

Upon the disintegration of the Soviet Union, Russia entered a period of comprehensive transformation, and Russian news media was obviously characterised by "Westernisation" development. Although he was often criticised and attacked by the media during Yeltsin's first term in power, he basically adopted a tolerant and restrained attitude towards the news media [4]. After system transformation and conceptual changes, Russian news media actively moved towards the Western model and adopted a comprehensive privatisation policy, which created the conditions for the financial oligarchs to acquire the mass media and control the state power. It can be seen that the news media during Yeltsin's first term was characterised by marketisation and liberalisation [4].

The nature of Russian news media began to change in 1996. The media oligarchs gave Yeltsin's campaign a tremendous build-up through the use of their control of radio, television and newspapers, including the country's three main television stations of OPT, PTP, and HTB. On Yeltsin's re-election, the media oligarchs entered the country's political field, and at that time, the political characteristics of the news media were obvious. During this period, the media turned into a tool for the government to manipulate public opinion, and the financial oligarchs began to intervene in national politics. They began to wantonly purchase media organisations and expand their scale. At that time, 70% of the media in Russia were under the manipulation of the two major media forces Berezovsky and Gusinsky [4]. Several "media empires" sprang up, and the mass media entered a period of oligopoly. As Yeltsin put it, the news media of the day was: "Berezovsky and Gusinsky invested all their money in creating a powerful television conglomerate, a printing holding company, which, in essence, was an attempt to monopolise the mass media".

In the Russian presidential election in 1999, Putin finally became the president of Russia in the new century with a support rate of 52.9 per cent. Mr Putin realised that to end the country's chaos, and he had to control the public opinion orientation of the media and let the media escort the realisation of the dream of building a "powerful Russia". In the event of the sinking of the Kursk nuclear submarine on August 12, 2000, the slander

of some media strengthened Putin's determination to crack down on the media oligarchs, eliminate their interference in politics, strengthen the state's supervision over news media, and implement the operation license system for the media. Putin gradually established a media system composed of three management modes: state-owned enterprises and private operations. According to statistics, as of July 2010, the mainstream mass media in Russia, including most TV stations, had been almost directly or indirectly in the hands of the state [5]. At that time, if the media published news that was out of sync with the government policy, it would attract various kinds of legal investigation and punishment in terms of economy and laws, or sometimes it was just the unavailability of the information from relevant government departments. However, this "punishment" alone would make media agencies unbearable because the government was one of the key sources of information. Most of the news was routinely scheduled events planned by the government. Under such circumstances, the Russian media could only take orders from the administrative authorities and play the role of political rule [6].

Therefore, the government-controlled the mainstream news media in Russia, and the media began to serve the national policy, which was in line with Putin's concept that news media nationalisation was higher than liberalisation. Many scholars believe that under the control of the Putin government, a new social institution, the media-political system, has emerged in Russia. It is a new power institution that uses symbolic means to persuade the audience. The media information resources of Russia and the Russian authorities are linked together to form a special symbiosis of administrative resources of public opinion [7]. In fact, Putin's control over the state media is to incorporate the press into its political and economic fields, thus turning it into a lobbying tool. The acquisition of the media is not based on commercial profits but purely for political purposes to gain strong leverage to influence public opinion and affect the political decision-making process of the country [8].

1.2. The uniqueness of Russian news media

Under the influence of different countries, regions, cultures, development and other factors, news media presents different characteristics. In the process of Russia's transformation, the news media

has gradually formed a political media model with Russian characteristics under the "national vertical rights".

During his 20 years in office, Putin, proceeding from the actual situation of Russia, absorbs the achievements of Western news media while respecting the cultural traditions of his own nation, which enables the Russian news media to embark on a path with Russian characteristics. On the one hand, as the founder and owner of the news media, the Russian government has never left the media stage and has been controlling the development of media institutions. On the other hand, the role of the government in the news media is not only to provide financial support but also to exercise other powers, including politics. The government of the Russian Federation nowadays has the strongest voice in the news media, which indicates that the mainstream Russian news media is under the thumb of the government.

In recent years, the Russian government has gradually cultivated international mainstream news media. RIA Novosti, one of the most authoritative and largest news agencies in Russia, is a traditional news agency and a huge global information service provider. In December 2013, however, the Kremlin suddenly announced that Putin would replace RIA Novosti with Russia Today (RT). Later, Ivanov, the head of the Kremlin, explained to the press that the reorganisation of RIA Novosti was to "make better use of public funds".¹ Dmitry Kiselyov, who was appointed head of Russia Today at the time, said his task was to restore the world's fair attitude towards Russia. A year later, Russia's News Agency "Satellite" was established. It was an Internet-based new media to fade out the official colour of RT's external publicity, achieve seamless connection with RT in publicity, and improve the quality of communication. Obviously, it aimed to integrate national resources, improve the communication system, expand the influence of the international public opinion struggle, and make it better serve the publicity of national positions and policies.

Information influence is an effective tool for political and economic governance, and all information has become subordinated to political goals. The concentration of purposeful information ensures the accomplishment of ideological and

¹ РИА Новости стало вторым Russia Today. URL: <https://www.sostav.ru/publication/ria-novosti-stalo-vtorym-russia-today-7260.html>.

other tasks, especially military tasks. At present, this trend will continue to increase [9]. Putin intends to build a unified brand, enhance Russian media's overseas influence, and transform the mainstream media from a weak defensive tool to an offensive tool. The mainstream media concentrates purposeful information to "restore the world's just attitude towards Russia" and disseminate the truth about its domestic and foreign policies. The discourse behind these news media reflects the basic ideas of Russian public diplomacy and plays a complementary role in many international political issues. In the current deteriorating international situation, Russia needs a platform for effective interaction with the foreign public. RT channel is such a platform, and its role is not confined to pure strategic communication. Meanwhile, it supports the foreign policy of the Russian Federation, protects Russian interests in the energy sector, promotes a positive image of Russia, and acts as a tool for information warfare when necessary. These have made the news media a mature tool of Russian politics and foreign policies [10].

In the process of information dissemination, the news media can easily arouse public emotions through a large amount of information bombardment and the stimulation of videos and photos. When the Russian public sees pictures of terrorist brutality, scenes of Crimean compatriots' strong desire to return under the Ukrainian crisis situation, the daily new date of patients under the ravage of COVID-19, and even the so-called "Putin Palace" video released by Alexei Navalny, etc., these will arouse the emotions of the audience. These impulses may lead to the breakdown of diplomatic relations, the criticism of the international public opinion, or the demonstrations of the Russian people, forcing the Russian government to take corresponding countermeasures. That is why the Putin government has focused on building international media and striving for "its own endorsement". From the standpoint of international communication, the national mainstream news media and the government share the same frequency. Therefore, the Russian government not only strengthens the financial support for the publicity mainstream media but also gives "important" and exclusive information at critical moments, in an effort to attract more attention and public opinion, strengthen the soft power struggle with the United States and other Western countries, and better play its political functions.

2. POLITICAL FUNCTION OF RUSSIAN MEDIA

Based on giving full play to its communication function, the news media can also give better play to its political function, seize the high ground of public opinion, and lay a solid foundation for national ideological security and political stability [11]. At the same time, it plays an active role in the development of modern society and history. It has a profound impact on the politics, economy, society and culture in the development of modern society and history, indicating important impacts, especially in terms of politics [12]. It is manifested in aspects such as fact cognition, public opinion guidance, agenda-setting and supervision towards the government.

2.1. Cognitive Function

For the news media, reports should be timely, objective and accurate to protect the public's right to learn the truth. Only when there is a clear understanding of the truth can it actively and accurately play its social function to guide public opinion, shape public values, strengthen social consensus and form a political attitude. For the government, disseminating information by the media to the entire society helps eliminate barriers and build consensus and assists citizens in obtaining information about the current political situation and providing an information basis for their political participation.

However, when people get information from news media and communication, they will inevitably induce the public with false rumours. Therefore, the public hopes to get accurate information from the government through the media. After COVID-19 swept the globe, the Scientific Research Department of the Russian Higher School of Economics conducted an online survey on the epidemic: What do Russians think of the epidemic? It was shocking that 41.1 per cent of the respondents believed that the epidemic did not exist at all. Maybe, people with interests fabricated it. Even 74.22 per cent felt that the self-isolation system was unnecessary. The main reason people did not pay attention to it lies in difficulty getting accurate knowledge from the complicated news and understanding the truth and severity of the epidemic.

In addition, it is inevitable that some public opinions and rumours are not conducive to the stability and development of the country. The

Financial Times, for example, made a wild assertion with the epidemic that “as the number of confirmed cases imported from Russia increases, so does China’s anger. It is likely to reinforce China’s long-standing sense of superiority towards Russia and the anti-Russian sentiment. In Russia, the virus may aggravate the deep-rooted Sino-phobia.” The newspaper even predicted that the epidemic crisis would affect Sino-Russian relations, which is exactly the reflection of the use of the media by Western countries to provoke Sino-Russian relations in an attempt to pull Russia into the anti-China camp. In fact, the news media is to report “what is happening”. Due to the suddenness and threat of COVID-19, the news media should timely release correct information in a calm and neutral manner to stabilise popular sentiments, prevent political turbulence caused by public opinion rumours and even the destruction of relations between countries.

Therefore, when reporting COVID-19, the news media should make the public aware of the facts of the epidemic and give full consideration to the political attribute, scope, and consequences of the incident and report it with a prudent and rational attitude. At the same time, the media shall obtain and ensure the credibility of the source of communication and therefore help the government deal with the crisis. Otherwise, it will seriously affect the resolution of the epidemic and even lead to the escalation of the consequences of the epidemic.

2.2. Function in public opinion guidance

German sociologist Landz Huth once said that public opinion was the only recognised basis for the legitimacy of political governance. Modern countries regard people’s sovereignty as the premise of their own existence, and this kind of sovereignty is public opinion. Suppose there is no such premise, or public opinion is not regarded as the origin of the decision-making power that all power can have binding force on everyone. In that case, the modern democracy will lack the basis for its existence.² The most basic function of news media is public opinion guidance. Many scholars hold that the influence of media on citizen behaviour is realised through the establishment of certain public opinion, and the media has the ability to control or even manipulate public opinion [13]. The news

media is directly involved in the generation and dissemination of public opinion. That is to say; it does not express but create public opinion; it does not reflect people’s ideas about the world but forms these ideas themselves, thus forming people’s views on the world [14]. Therefore, the role of the news media is to constantly convey the decision-making information and guide the public opinion to develop in the direction of national interests.

Public opinion is the social attitude generated and held by the public in the face of social problems, which is a kind of appeal and expression of the public’s demand for their own interests. In the information age, the ability to respond to public opinion has become an important part of the modernisation of government governance ability. As a global public health emergency, since the occurrence of COVID-19, all kinds of public opinions have been overwhelming. Russian politician Cherdiev once used the media network to call on the public not to believe in the “world conspiracy” but to find out the “truth”. He accused the government and hospitals of conspiring to make profits. The spread of rumours swayed some people who did not believe in the official news of COVID-19, and eventually launched a gathering named “Do not believe in COVID-19” in North Ossetia, triggering the reprocessing and ferment of the deep-seated native events under the influence of the epidemic, which was also related to the overall epidemic prevention and social stability in Russia.

In fact, negative messages that undermine trust are more likely to be concerned than positive messages that enhance trust. In the process of epidemic prevention and control, the negative guidance of public opinion often makes the public judge the speech and policies of the government, and at the same time, the trust of the government is inevitably lost. As a result, the news media should reform radically, correct the behavioural choices of the public, and actively guide the public opinion to a direction that is favourable to the government. Therefore, Russia has established an official COVID-19 news website that updates relevant news such as related data, epidemic prevention measures, government support, vaccine research and development, and international cooperation in real-time to guide public opinion and stabilise public sentiments. As the mass media permeates modern society, political propaganda has become ubiquitous and even necessary for survival. The

² Habermas, *Structural Transformation of the Public Sphere*. Xuelin Publishing House; 1999.

news media, through their influence, guides public opinion to play a key role in the political development stage.

2.3. Function in political socialisation

The dissemination of news media includes the transmission and popularisation of political information, which affects the formation of people's political cognition, political emotion and political attitude, the dissemination and convergence of political culture, and the formation of social consensus. The existence of a society as a unified whole requires its members to have a "consensus" on the society. Only on this basis can people's judgments and actions have a common basis, and social life can be coordinated. The provision of this kind of consensus is an important function of social communication, which in traditional societies was undertaken by education and religion, while in modern society, it has become a major task of news media.⁵ In other words, in many cases, the news media determines the "facts" seen by the public and guides the public to form a certain political culture and political consensus. In the transmission of information by the news media, public opinion guidance is its most basic function to reach political consensus, concentrate public opinion guidance, avoid greater disasters or crises, and make society more united and stable, which is the biggest responsibility of news media.

The direct result of the Ukraine crisis in 2014 was Crimea's withdrawal from Ukraine and its entry into Russia. However, it has to be mentioned that the Russian news media played an important role in the process of Crimea's change of ownership, which stimulated the national unity consensus and political attitude of Russia and Crimea residents through the information pressure and public opinion manipulation of the media. Since the Ukraine crisis, the Russian government has made great efforts to build momentum using the media and expounded its historical and emotional views. Putin regarded Crimea's return to Russia as a way to protect its residents from the invasion of Ukrainian nationalists and a way for Russia to correct historical wrongs, which laid the emotional groundwork for the Crimean referendum. The Russian media has proved to provide a key platform for the implementation of government policies

in promoting the emotional consensus between the Russian and Crimean people. During the 2018 presidential election in Russia, the date of the presidential election was specifically set as the date of the return of Crimea. According to a survey conducted by the All-Russian Public Opinion Center, the Russian public generally hoped that Putin would continue to serve as president, and the Russian public's support rate for Putin had hit a record high. Therefore, one of the most important political purposes of the news media in the process of information transmission and public opinion guidance is to achieve social consensus. Once a unified consensus is reached, it will be conducive to the realisation of social coordination, and the news media can better serve the authorities and the public.

While the dissemination of news media promotes a unified political culture and social consensus, it cannot be ignored that its audience covers all social classes, and the needs of different classes of the public for information are also multi-level. Therefore, the media should improve the structure and quality of reports. In the process of information transmission by the media, the audiences of different ages, occupations and cultural backgrounds have different degrees and ways of reaction, and their demands on the media also present more particularity in a certain general sense. Only when each media consciously matches the needs of the audience within its scope of responsibility can the entire news media most appropriately undertake the political mission.

2.4. Agenda-setting function

News media often cannot determine the specific opinions of the people on a certain event or opinion, but it can effectively control the facts that people pay attention to and the order of discussion through the provision of information and arrangement of related issues. It is the agenda-setting function of news media; although it cannot determine how people think, it can affect what people think.

Russia is one of the major powers in the world. Western countries have always been viewed in terms of domestic politics, economy, military, society, or national leaders since the image of a country is its culture and traditions and the leaders who represent the country on the world stage. It is no exaggeration to say that Russian President Vladimir Putin is one of the most discussed political figures in the domestic and international media.

⁵ Social consensus encyclopedia knowledge website. URL: <https://baike.baidu.com/item/>.

The frequency of reports from Western media on Putin's remarks is no less than that on Russia. Daily Mirror, a Western media, reported in 2008 that Putin, a tough ex KGB man, was ruthless in the pursuit of the interests of his country; In 2013, the BBC reported that under the influence of Putin's KGB experience and authoritarianism, he made no secret of his nostalgia for the Soviet Union [15]. In addition, Putin has also been demonised into a "new tsar", and a "dictator" by the Western media, and Russia under his leadership has also been regarded as "a real threat to world stability and peace". In the Ukraine crisis in 2014, there were 361 reports by the Washington Post on Russia's position and the image of the Russian president in just 59 days from February to March, of which the negative reports on Russian President Vladimir Putin and Russia under his rule account for a considerable proportion [16]. According to the Washington Post, "Putin regime" is a corrupt system and a non-representative regime; It emphasises Putin's background as a former KGB senior officer; The report points out that Putin is an autocratic totalitarian tyrant who suppresses the development of domestic democracy for his own benefit, an unpredictable dictator and a bellicose revanchist leader; Putin holds the attitude of Cold War thinking and implements the foreign policy of nationalism [16]. In the Ukraine crisis, the U.S. mainstream media, "The Washington Post", mainly attacked Russia's foreign policy. They demonised Putin, calling for a strong response from all walks of life in the United States and Europe to Russia's diplomacy. The West tried to damage Russia's international reputation, further isolate Russia in the international community, put pressure on Putin's regime, and force Russia to embark on the road of complete Westernisation [17]. In the minds of many people in Western countries, Russia is still a dictatorial country. It is a deliberate attempt by Western countries to discredit the image of Russia and its president and to use media to imply that Russia is the "enemy" of their own people, thereby weakening Russia's strength and winning domestic public opinion support for achieving their own political goals in the international community [18].

Russia was unwilling to admit itself has outdone. It used the national mainstream media to change its stereotype during the Soviet era, spread its own culture and image of great power, and at the same time, it created the image of a "soft and tough man" leader through the media. After years of political planning and media shaping, Mr Putin's political

image of being "tough, resolute, firm and persistent, and macho" has gained huge popularity at home and abroad. According to sociological research, Putin had always enjoyed strong approval ratings and maintained "charismatic" among the domestic public. In the list of "Global Powers" published by Forbes, Putin had always been among the top and even surpassed Obama to rank first in 2013. Putin plays an active role in the political arena with his high popularity. Of course, a highly skilled team is only a part of success, and it takes careful agenda-setting to create a comprehensive and three-dimensional leader image. Putin's appearance is mostly the product of careful planning, which aims not only to create news, attract media coverage and fight back against the "demonisation and weakening" of the West but more importantly, to take the initiative to set the theme and tone of the reports and guide the public opinion in a favourable direction.

Traditionally, the most important factors in international relations are the country's economic and political structure, military potential and geopolitical status. However, it is worth noting that national image has recently become an equally important feature. One of the most important components of the national image is the image of the country's top leader [10]. Therefore, one of the agenda-setting functions of Russian news media is to influence people's concerns, shape the positive image of national leaders, and promote Russia to win more discourse on the world political arena. News media with the ability to influence public opinion can, to some extent, contribute to enhancing Russia's political influence in the post-Soviet era and even on the entire international arena.

2.5. The function of supervising the government

The function of news media to supervise the government is to guide public opinion to supervise some undesirable phenomena or behaviours of political parties and individuals, such as breaking the law and discipline, exposing, disclosing, and attacking them through media reports to achieve the purpose of the restriction. Supervision by public opinion is an important means for the development and operation of modern politics, economy and society. "Supervision by the news and public opinion" is a kind of supervision by public opinion that reveals the problems existing in real life and urges them to be solved through the

news media. It is a kind of supervision by public opinion that all walks of life express their views and opinions through the news media and form public opinion, thereby supervising and restricting the official behaviour of the state, social groups and individuals.⁴ According to this definition, one of the key functions of the media is its direct influence on the power structure of the government. News media create a variable picture of political life, set up the “agenda”, arouse people’s attention to the activities of various political actors, and form the value attitude of citizens and affect the political activities of various social groups and individuals [19].

News media can independently generate political information, influence the political process and form public opinion. That’s why the authorities must try to control the activities of the media. In Russia, the government has even greater influence in the generation and dissemination of information, and this phenomenon has become highly natural. In this case, is the Russian mass media able to express the interests of the authorities and the interests of the majority of the people? While abiding by the existing laws and safeguarding the interests of the country and the entire society, news media should also protect the rights and freedom of citizens. In short, it should provide opportunities for representatives of social and political forces to communicate with each other on the power structure of major social issues [2].

In the development of the entire society, Russian people have been using the news media to monitor the behaviour of the government. During every presidential election in Russia, the candidates use news media organisations for propaganda. In fact, this also strengthens the Russian people’s attention and supervision of the country’s presidential election, thus ensuring the fairness and democracy of the election. In addition, Russian President Vladimir Putin uses media organisations to maintain dialogue and communication with the public every year. He is subject to the supervision of the entire Russian public to ensure the effective implementation of national policies.

On the other hand, the public will also confirm, evaluate and disseminate various information and decisions through their own exchanges with the president, and eventually form strong public

opinion pressure to supervise and criticise the government’s decisions and measures and supervise the reporting behaviour of the media. In 2011, Putin had more than four hours of direct dialogue with the television viewers, promising the introduction of a series of reforms to strengthen public supervision and access to the media and greater oversight over the government. The state of the union message in 2012 emphasised that “ensuring equal access to the news media for all political parties, and making our political system more just, open, and competitive”. These measures expanded the rights of citizens to freedom of association and political participation, to some extent satisfied the wishes of the opposition and voters with protest sentiments in the 2012 presidential election [20]. It also expanded people’s use of the media to supervise the work of the government and the behaviour of the government and public servants, expressed social emotions through the media, improved voters’ trust in Putin and the ruling party, and urged the authorities to take necessary measures to regulate and stabilise the social situation.

3. CONCLUSION

By combing the development process and positioning of Russian news media, it can be seen that the relationship between Russian media and the authorities has changed many times. In the early days of the development of news media, the media enjoyed considerable independence and was an uncontrollable force that participated in the power struggle between liberal governments. Under President Yeltsin, the large-scale privatisation of the media lost its independence and turned into a tool for commercial organisations to exert pressure on the authorities. After Putin took office, the media has been under the pressure of strengthening the vertical system of power and has become a tool to legitimise the exercise of state power [8]. In fact, as a superstructure, news media in any society serves certain political power or capital. However, in Russia, the news is more visible and more prominent in maintaining the rule of those in power [6].

Nowadays, the Putin government is attempting to deal with the challenges and threats of the modern world and vigorously develop the international mainstream news media to demonstrate its viability in the face of the struggle among the world’s major powers over the current and future use and distribution of world resources,

⁴ News supervision encyclopedia knowledge website. URL: <https://baike.baidu.com/item/>.

and defend Russia's interests and values on the international stage. The successful practice of "Russia Today" and other international mainstream media has proved that the role and importance of information resources, including news media, will increase significantly. To some extent, news media is also a means to control social consciousness and a necessary tool for the dissemination of national policies and the competition for international discourse power, which means that the influence of the state on news media activities will survive.

The main activity of the news media is to attract the attention of the audience to political events through news reports and public opinion rendering to transmit certain political ideas, political attitudes and political emotions to support the modern political system. Therefore, the political

influence of news media in aspects such as fact cognition, public opinion guidance, agenda-setting and government supervision cannot be ignored. However, recognising the influence of mass media on modern politics, we cannot say in exaggeration that mass media can solve all problems [1]. The speed of information dissemination in today's society is very fast. The relevant remarks and videos published by Russian opposition Alexei Navalny on independent media have made Navaline's attention soar, even higher than the number of viewers on Russian state television. The attention and supervision of the public have affected the changes of the political situation in Russia. Therefore, at present, the Russian government will not indulge the freedom of the press, and the political functions of news media will turn to be increasingly abundant.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Liu Wenke. On the Political Influence of Mass Media [J]. *Political Studies*. 2012;(02):37–38.
2. Марков Е. А. Государственное влияние в российских СМИ. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2012;(04):91–94
Markov E. A. State influence in the Russian media. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2012;(04):91–94. (In Russ.).
3. Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: Медиамир; 2013.
Vartanova E. L. Post-Soviet transformations of Russian media and journalism. Moscow: Mediamir; 2013. (In Russ.).
4. Lu Nanquan, Li Yajun. *Tortuous Course (Russian Political Volume)*. Oriental Press; 2015.
5. Su Yu. Fake News Makes Russia a Headache. *Global Times*. June 13, 2006.
6. Jin Huixin. The Role of Mass Media in Russian Political Life. *Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2013;(06):27–28.
7. Квицинский М. Ю. Социально-политическая ответственность. *Вестник Военного университета*. 2007;(04):53–58.
Kvitsinsky M. Yu. Socio-political responsibility. *Vestnik Voyennogo universiteta = Military University Bulletin*. 2007;(04):53–58. (In Russ.).
8. Россошанский А. В. Эволюция политической функциональности российских СМИ. *Известия Саратовского университета. Социология и политология*. 2012;(12):87–90.
Rossoshanskiy A. V. Evolution of the political functionality of the Russian media. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of the Saratov University. Sociology and Political Science*. 2012;(12):87–90. (In Russ.).
9. Кихтан В. В., Мамиева Б. Ю. К вопросу о манипулировании в современных СМИ. *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2018;(02):237–241.
Kikhtan V. V., Mamiyeva B. Yu. On the issue of manipulation in modern media. *Vestnik Volzhskogo universiteta = Bulletin of the Volga University*. 2018;(02):237–241. (In Russ.).
10. Аралов И. А., Ощепкова В. М., Корнев М. С. Телеканал "Russia Today" как инструмент внешней политики Российской Федерации. *Инновации, наука, образование*. 2020;(18):512–517.
Aralov I. A., Oshchepkova V. M., Kornev M. S. TV channel "Russia Today" as an instrument of the foreign policy of the Russian Federation. *Innovatsii, nauka, obrazovaniye = Innovation, science, education*. 2020;(18):512–517. (In Russ.).
11. Meng Lingmei. On the Political Socialization Function of Political Academic Journals on the Internet plus Era. *Research in Political Science*. 2018;(02):116–124.
12. Liu Wenke. On the Political Influence of Mass Media. *Political Studies*. 2012;(02):44–45.

13. Кузьмен О.В. Социология общественного мнения. Новосибирск: СибАГС; 1996.
Kuzmen O.V. Sociology of public opinion. Novosibirsk: SibAGS; 1996. (In Russ.).
14. Паулов С.В. Медиатизация политики и место СМИ в системе политической коммуникации. *Вестник ЧумГУ*. 2008(06):26–30.
Paulov S.V. Mediatization of politics and the place of the media in the system of political communication. *Vestnik ChitGU = Bulletin of ChitGU*. 2008;(06):26–30. (In Russ.).
15. Ермоленко Г.М. Медиаобраз В.В. Путина в текстах англоязычных СМИ. *Вестник Волжского университета им В.Н. Татищева*. 2013;(08):121–123.
Ermolenko G.M. Media image V.V. Putin in the texts of the English-language media. *Vestnik Volzhskogo universiteta = Bulletin of the Volga University*. 2013;(08):121–123. (In Russ.).
16. Ma Hongxi. U. S. Mainstream Media Report on Ukraine Crisis. *Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 2015;(02):20–22.
17. Jiang Li, Li Jingya. Interference and anti-interference between the West and Russia. *Modern International Relations*. 2020;(10):15–16.
18. Xu Hua. How Putin Shape the Image of a Leader. *International Perspective*. 2015;(03):73–75.
19. Харламова Ю.О. СМИ как инструмент реализации государственной политики. *Власть*. 2012;(08):41–45.
Kharlamova Yu. O. Mass media as a tool for implementing state policy. *Vlast' = Power*. 2012;(08):41–45. (In Russ.).
20. Wang Xianju. Characteristics of Russia's domestic situation and foreign relations in 2012. *Russian Studies*. 2012;(06):13–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цуй Чжэн — кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой, Ляонинский университет, Ляонин, Китай
cz197897@sina.com

Фань Вэньцин — магистр, Школа международной экономики и политики, Ляонинский университет, Ляонин, Китай

ABOUT THE AUTHORS

Cui Zheng — Deputy Director and Associate Professor of economic and political research centre of transitional countries of Liaoning University, Liaoning Province, China
cz197897@sina.com

Fan Wenjin — Master of Art, School of International Economics and Politics, Liaoning University, Liaoning Province, China

Статья поступила 20.03.2021; принята к публикации 15.04.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.03.2021; accepted for publication on 15.04.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-102-110
УДК 37.013.73(045)

Перспективы гуманитарного образования: от субъектной к системной рациональности*

А.В. Деникин^а, З.Д. Деникина^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-2466-0703>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3119-1546>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются актуальные вопросы редуцирования многовекторности современного гуманитарного образования при сохранении ключевых моделей образовательной практики. Рассматривается эволюция отечественного гуманитарного образования в связи с внутренней и внешней логикой развития, связанной с трансформацией геополитических условий. Анализируются существующие и возможные траектории изменения гуманитарного образования. Проводится сравнительный анализ неклассического и постнеклассического гуманитарного образования, определяются их специфические параметры. Обосновываются новые подходы к конституированию базовых моделей гуманитаристики. Исследование базируется на философско-научном парадигмальном подходе. Моделируются ситуации автономного и дополнительного сосуществования образовательных парадигм.

Ключевые слова: субъектная образовательная рациональность; системная образовательная рациональность; неклассическое гуманитарное образование; постнеклассическое гуманитарное образование; субъект гуманитарного знания; мезопарадигма; метапарадигма; образовательная рефлексия

Для цитирования: Деникин А.В., Деникина З.Д. Перспективы гуманитарного образования: от субъектной к системной рациональности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):102-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-102-110

ORIGINAL PAPER

Prospects of Humanitarian Education: From Subject to System Rationality**

A.V. Denikin^a, Z.D. Denikina^b

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-2466-0703>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-3119-1546>

ABSTRACT

The article examines the current issues of reducing the multi-vector nature of modern humanities education while maintaining the key models of educational practice. The article deals with the evolution of Russian humanities education in connection with the internal and external logic of development associated with the transformation of geopolitical conditions. The existing and possible trajectories of changes in humanities education are analyzed. A comparative analysis of non-classical and post-non-classical humanities education is carried out, and their specific parameters are determined. New approaches to the constitution of basic models of humanitarianism are justified. The research is based on the philosophical and scientific paradigm approach. Situations of autonomous and additional coexistence of educational paradigms are modelled.

Keywords: subject of educational rationality; system of educational rationality; non-classical humanitarian education; post-non-classical humanitarian education; subject of humanitarian knowledge; mesoparadigma; metaparadigma; educational reflection

For citation: Denikin A.V., Denikina Z.D. Prospects of humanitarian education: From subject to system rationality. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):102-110. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-102-110

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета. НИР «Стратегия».

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of the Scientific Fund of the Financial University for the research "Strategy".

В Российской Федерации вопросы гуманитаристики актуализируются в контексте общеобразовательных тенденций и перспектив. В настоящее время обнаруживается потребность в приоритетном внимании к гуманитарной составляющей образования, определению ее статуса в широко понимаемых образовательных, социально-экономических и геополитических рамках. Российская система образования призвана решать двуединую задачу интеграции в мировые образовательные процессы и сохранения и развития суверенного ментального ресурса.

Контуры перспектив гуманитарного образования очерчиваются в профессиональных эпистемологических, социально-философских, социологических исследованиях, в дискуссиях о педагогических новациях и технологиях [1–6]. Проблема образовательного прогнозирования имеет многоуровневую природу, истоки которой обнаруживаются в методологической, философско-антропологической и аксиологической проекциях.

Специфической чертой современной российской высшей школы является ее многовекторность, один из признаков которой выражается в плюрализме моделей гуманитарного образования. Без определения моделей и практик гуманитарного образования невозможно прогнозировать траектории и перспективы развития современной высшей школы. Любая модель предполагает определенный круг онтологических представлений, методологических и методических действий, наличие ценностно-оценочных критериев. При переходе от одной модели к другой они разнятся существенным образом. В зависимости от характера применяемых образовательных парадигм результаты учебного процесса выглядят взаимодополнительно или альтернативно. В результате изучаемые вопросы в ряде случаев не могут идентифицироваться одинаково.

Важнейшей траекторией развития гуманитарного образования является усиление эксплицитных возможностей философско-научной парадигмальной методологии. Данная функция потенциально встроена в структуру учебного процесса, однако на практике реализуется недостаточно. В методологических образовательных затруднениях можно вычленить несколько аспектов. Во-первых,

с помощью философии и философии науки определяется масштаб рассмотрения соответствующего вопроса из РПД. Вопросы из РПД могут освещаться с точки зрения конкретного научного или философского направления, с позиции более общей исследовательской программы, дисциплины в целом. Во-вторых, самодостаточность гуманитарного образования проявляется в способности видеть перспективу дисциплинарной многопарадигмальности, господствующую сейчас в образовании. Качественная гуманитарная подготовка позволит упорядочить парадигмальный плюрализм, наладить внутридисциплинарный диалог, уточнить специфику дисциплинарной рефлексии.

Следующий шаг предполагает поиск способов согласования этих подходов. С помощью гуманитарного знания, в том числе и философского, очерчиваются рамки легитимности научно-исследовательских программ и дисциплинарных парадигм, формируется компетенция адекватного применения метапарадигм, задающих ориентиры объяснения анализа школ, направлений, исследовательских программ и дисциплинарных мезопарадигм. К метапарадигмам относятся классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности, признаки которых определены В. Степиным [7, с. 377]. Мезопарадигма представляет собой господствующий в данной дисциплине способ рассмотрения проблем. Главный результат применения мезопарадигмы — однозначное решение образовательной задачи. Главный результат обращения к метапарадигме — достижение объемного, комплексного знания об искомом объекте. Необоснованный выход за указанные границы существенно снижает уровень преподавания. Учебные вопросы не находят полноценного объяснения и лишь трансформируются в своем содержании.

В нашем случае ключевое определение рациональности коррелируется с историческим характером рефлексии над соотношением образовательных целей, средств и результатов образовательной деятельности. В этом соотношении выявляются доминантность определенного компонента, полнота и эффективность реализации образовательной деятельности и ее смысловая наполненность. Проблема рациональности имеет чрезвычайное значение

для определения специфики гуманитарного образования.

Выдвинем гипотезу о том, что перспективы развития гуманитарного образования во многом зависят от формирования субъектной образовательной рациональности (неклассическое гуманитарное образование) и системной образовательной рациональности (постнеклассическое гуманитарное образование). Маркером неклассического типа образования служит субъектная рациональность, согласно которой соотношение целей и результатов, постановка задач, процедуры объяснения базируются на потребностях и интересах обучающегося индивида. Предполагается, что он автономен в своих образовательных ориентациях, и эта автономность сохраняется на всех этапах учебного процесса. Все образовательные технологии направлены на поддержание индивидуальной идентичности, на учет личностных мотиваций и способностей. Для самого обучающегося образование может выступать в качестве востребованного продукта и услуги. В этом случае основой субъектно-субъектных взаимодействий в учебной практике является индивидуальная рациональность, не претерпевающая коренной трансформации. В ходе обучения индивид наращивает рефлексию и саморефлексию, «расширяя» свое «Я», поэтому аксиологические и идеологические «интервенции» извне малоперспективны. В определенном смысле индивидуальная рациональность смыкается с функциональной рациональностью. Речь идет о сугубо профессиональных компетенциях, которые ускоряют социализацию и способствуют карьерному росту.

В современном мире субъектная образовательная рациональность помимо индивидуальной проекции представлена также социокультурными, национально-культурными, этническими общностями монистического толка. Образовательные усилия направляются, прежде всего, на сохранение групповой идентичности. В неклассическом гуманитарном образовании выражается атрибутивность субъектного присутствия, его качественное разнообразие и уникальность. Образовательные задачи обладают цивилизационной континуальностью в ее политическом, правовом, религиозном, морально-нравственном выражении. Погружаясь в неклассическое мышление, студенты научаются социально-гуманитарному прин-

ципу отнесения к ценностям. Обучающиеся анализируют связь истины со смыслами человеческого бытия. Соответственно, в каждой дисциплинарной теме субъект присутствует «внутри» ситуации, принадлежит локальной культуре. Преподаватель доносит до внимания студентов мысль о зависимости теоретической и практической деятельности от состояния данной культуры, ее ценностных и мировоззренческих ориентаций и от концептуально-методологического обеспечения.

Такая субъектная рациональность покоится на локальных ценностных основаниях, соответственно, в учебном процессе транслируются особенные ментальные смыслы. Ценностные образовательные потоки содержат в себе и нерациональные компоненты, зачастую невостребованные и неотрефлексированные в узкотехнологической модели образования. Недооценка субъектной образовательной рациональности оборачивается ростом социальной напряженности. Во-первых, индивид не видит перспектив профессионального развития, во-вторых, он утрачивает возможности расширения личностного опыта. Невнимание к социокультурному многообразию образовательных практик является одной из причин социального отчуждения и протестного поведения.

Позитивная сторона субъектной образовательной рациональности заключается в максимизации профессионально компетентных и ценностных оснований. Функционально неклассическое образование позволяет индивиду утвердиться в собственной самооценке. Пределы ценностных устремлений задают ментальные смыслы общности или социальной группы, к которой принадлежит индивид. Понятие объекта изучения малопригодно в алгоритмах субъектной образовательной рациональности. Субъектом обучения является становящийся индивид, а эталонным результатом учебного процесса — достижение понимания и приемлемой интерпретации личностного и коллективного опыта. Примечательно, что обучающийся и преподаватель «погружены» в состояние субъектной истинности. Первый, в качестве носителя индивидуальной специфики, является основанием истины и смыслов, а от второго зависит способ постановки и решения образовательных задач. В диалоговом общении преподавателя и студента расширяются горизонты понимания и знания.

На первый взгляд, оптимальные параметры гуманитарного образования укладываются в рамки субъектной рациональности. Действительно, для гуманитарных наук атрибутивно наличие антропологического фактора, играющего системообразующую роль. Тем не менее эволюция гуманитарного образования определяется не только внутренней логикой развития его неотъемлемого антропологического компонента. Неклассический индивид обучается в специфической внешней матрице: относительно устойчивые глобализационные процессы, ослабление национально-государственных детерминант, усиление значимости религиозно-этнических характеристик, доверие к функционально-институциональным международным взаимосвязям.

Вопрос о специфике гуманитарного знания обостряется в XIX и XX столетиях. В. Дильтей погружает гуманитарное знание в область истории, решая задачу формирования индивидуального мира в качестве части познаваемой реальности. Х.-Г. Гадамер размышляет о гуманитарной традиции как условии существования гуманитарных наук. Гуманитарная традиция раскрывается через образование человека, его непрерывное становление. Гадамер использует специфические гуманитарные понятия: «здоровый смысл», «способность суждения», «вкус» для того, чтобы объяснить принадлежность человека к культурной традиции [8, с. 78]. В любом случае герменевтика предоставляет методолого-гносеологическое решение проблемы гуманитаристики.

Усилиями Франкфуртской школы в лице Ю. Хабермаса обнаруживаются предельные возможности неклассического гуманитарного образования [9, с. 268]. Диспозиция «Я — жизненный мир» очерчивает круг онтологических и ценностных оснований, которые остаются в интервале «средних» социальных значений. Даже коммуникативная практика, предложенная Хабермасом, каждый раз предполагает пролонгацию достигнутых результатов в соответствующих социальных областях. Индивид уходит от собственной автономной экзистенции, но не доходит до признания «большого» социально-природного бытия, оставаясь в мире конвенциональных норм и правил.

Сегодня образовательная рациональность сталкивается с новыми вызовами. Необходимо эксплицировать ответ на следующий вопрос:

«Что представляет собой феномен гуманитарного образования в социальной системе с режимом устойчивого развития и отрефлексированной самоидентификации, в социальной системе с режимом неустойчивого развития и поиска самоидентификации, в рамках сверхсложного глобального мира, в котором могут быть обесценены общечеловеческие ценностно-нормативные стандарты?»

Переосмысление гуманитарной стратегии связано с новой онтологией «Я», новым пониманием отношения «Я» и «Другого», отношения «Я» и государства, «Я» и природы [10–13]. Маркером постнеклассического гуманитарного образования становится системная образовательная рациональность. В социальном знании широкая панорама системной рациональности была представлена в работах Н. Лумана [14]. Луман обошелся без понятия субъектного целеполагания и субъективных социальных действий. Система и ее структура сами по себе оказались носителями социальной самоорганизации. Будем исходить из того, что терминологическое сходство не исключает разной типологии рациональности.

Системная рациональность характеризует трансформацию гуманитарного образования на современном этапе. В самом широком смысле такая образовательная рациональность выражает меру соответствия мышления образовательного субъекта и порядка связи компонентов социально-природного мира. Другими словами, системная рациональность задает нормативность и универсальность ценностно-целевым устремлениям разнообразных субъектов учебного процесса. Этот индикатор указывает на максимальную инкорпорацию гуманитарного бытия в социальность.

В постнеклассическом гуманитарном образовании предельной социальной общностью для рассмотрения гуманитарных целей является суверенное национальное государство. По меньшей мере два фактора определяют смысловые интенции. Во-первых, субъект обучения по-прежнему локализуется в социокультурных и этнических общностях «среднего» уровня. Во-вторых, системная доминантность государства возрастает в условиях сильной геополитической и экономической неравновесности, и задачи гуманитарного образования соотносятся с общегосударственной стратегией развития. С другой стороны, государственная идентифи-

кация не отменяет общечеловеческой унификации по некоторым вопросам планетарного масштаба. Межкультурная и транскультурная этика и мораль по-прежнему базируются на международном понимании и признании общечеловеческих ценностей.

Системная модель образования как одна из возможных образовательных стратегий, помимо решений традиционных образовательных задач, способна решать комплексные проблемы становления изучаемого предмета в личностной и коллективной рефлексии. Одновременно с вызреванием объектно-субъектного предметного поля осваиваются разные типы научной рациональности. Образовательный процесс выступает как организованная деятельность по консолидации и пониманию смыслов. Согласно Г. П. Щедровицкому, — это «вся та система связей и отнесений, которая связывает текст сообщения со всеми другими элементами ситуации, ...соотносит все эти элементы ситуации друг с другом, создает целостность, систему самой ситуации» [15].

В стратегии системного гуманитарного образования снимается противопоставление гуманитарного и гуманитарно-научного знания. Утверждение рефлексивной природы гуманитарных дисциплин предполагает все виды рефлексий — от объективистски научной до личностно-экзистенциальной. В ином случае человек и социальность оказываются по разную сторону онтологических «баррикад», а ценностные значения сжимаются в «тисках» номинализма единичной предметности. Сциентистская ориентация узкотехнологической модели и антисциентистская направленность узкогуманитарной модели не имеют ничего общего с будущими тенденциями образования, определением иных идеалов научности.

В неклассической науке XX столетия актуализируется проблема презентации изучаемой реальности с помощью различных инструментальных и концептуальных средств. Соответственно, понимание и объяснение в качестве способов познания включается в матрицы моделирования. В современной науке обнаруживается иная эпистемологическая ситуация, влекущая за собой и иные образовательные действия. Понимание и объяснение выступают способами личностной и системной рефлексии. Системно-аналитическое, каузальное объяснение имплицитно современному гуманитарному

знанию, ориентированному в конечном счете на поддержание «нормальности» личностного, общественного и природного бытия.

По мнению В. С. Степина, «постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными социальными ценностями и целями» [7, с. 377].

Самоидентификация гуманитарного знания является внутридисциплинарным фактором, влияющим на все параметры гуманитаристики. С конца 80-х гг. XX столетия в отечественной науке превалировала точка зрения, различающая культурцентристскую и натуралистическую исследовательские программы. Первоначально обе программы выступали в качестве альтернативных методологий исследования общества и относились к социальным наукам. В высших учебных заведениях сложились две версии преподавания социологии, политологии, истории. По сути дела, произошло размежевание классических и неклассических взглядов на природу общественной жизни.

В настоящее время в системной образовательной рациональности исчезает дихотомия социального и гуманитарного знания. При объяснении любого вопроса преподаватель вправе предложить натуралистический и культурцентристский способы объяснения. В системном видении снимается противопоставление природы и культуры. Деятельность человека, его ценности и цели не могут быть элиминированы из сугубо онтологических проблем. Гуманитарное знание выходит далеко за пределы антропологии, привнося субъектный компонент в любую область преподавания.

Следует обратить внимание на достаточно распространенную точку зрения о необходимости фрагментации, децентрализации, персонализации гуманитарного образования. На деле из разряда методической дискуссии данный вопрос переходит в русло образовательной предметности. Речь идет о той самой системной детерминации, согласно которой система отвечает за человека, но и у человека есть чувство системной ответственности. Холистская составляющая гуманитарного образования не должна быть утрачена, иначе проявится его

превращенная рыночная сторона, когда образовательные услуги вытекают исключительно из личностных потребностей и задач. Такого рода образование неминуемо становится односторонним, в лучшем случае оно будет гуманитарным, но не социо-гуманитарным.

Ценностное знание способствует необходимой рефлексии, преломляющей личностное бытие в коллективном существовании. «Мы движемся в сторону дуализма «технический прогресс (high tech) — душевный комфорт (high touch)», когда каждая новая технология сопровождается компенсаторной гуманитарной реакцией», — полагает Дж. Нейсбит [16, с. 8]. В системной модели образования по-новому осмысливается такое социально-экономическое явление, как человеческий капитал. Человеческий капитал выражает состояние ценностного и профессионального знания и сознания. Уровень знания является практическим ресурсом, востребованным в социально-экономической деятельности, и его достаточность определяется прагматическим критерием эффективности. Состояние ценностного и профессионального сознания служит системным ресурсом, от которого в значительной степени зависят устойчивое развитие и системная самоорганизация в момент кризиса. Человеческий капитал указывает на нормальную системность: государственную, корпоративную, институциональную, этническую, конфессиональную, семейную и др.

В этом смысле гуманитарное образование — это не только овладение знаниями о человеке и обществе, это еще и формирование качества человеческого капитала. В любом обществе есть свой тип системной детерминации. Человеческий капитал несет на себе системные характеристики, которые выражают его функциональные способности. Если вузовское образование решает рыночные задачи, то в этом случае доминирует профессиональная компетентность работников. Еще Э. Фромм считал непродуктивной такую модель образования: «Личность с рыночной ориентацией должна быть свободна и еще раз свободна от всяких индивидуальных способностей» [17, с. 95].

Функция системной модели гуманитарного образования такова, что ценностное знание и сознание должны выходить за пределы рыночных показателей. Ценностные особенности гуманитарности, с одной стороны, прорыва-

ют брешь односторонности технологического стиля образования, а с другой — устанавливают связь единично-личностного и мезообщего, вплоть до глобально общего. Две стороны гуманитарного образования опосредуют друг друга. Компетентный выпускник вуза, безусловно, необходим эффективной экономике. В свою очередь, ценностные компетенции усиливают обратную связь между компонентами и системой, образуют потенциальное пространство будущих системных операций.

В системной рациональности образования, помимо системной детерминации, существует субстанциональная детерминация, по типу аристотелевской энтелехии. Иначе говоря, в постнеклассическом гуманитарном образовании не исчезает эссенциалистский статус самого образовательного субъекта. В своей личностной рефлексии обучающийся должен быть достаточен для самого себя. Ф. Фукуяма полагает, что «чувство собственного достоинства и собственной ценности... связано с убеждением человека, что он в некотором смысле действует по моральным убеждениям и способен на реальный выбор...» [18, с. 263]. Системные компетенции соответствуют запросам личности, общества и государства. Задолго до того, как человек постигает себя в акте рефлексии, он постигает себя в качестве члена семьи, общества и государства: «самосознание индивида есть лишь вспышка в замкнутой цепи исторической жизни», — писал Г. Гадамер [8, с. 329].

Сохранение социально-технологического контекста образования необходимо для адекватного системного самонаблюдения. Включение гуманитарных стандартов в технократическое знание способствует второму уровню системной и личностной рефлексии — уровню смыслов и значений. Выпускник вуза воспринимает себя в качестве рефлектирующего субъекта действия и компонента различных холистских форм, способного к интерактивным взаимодействиям. Перефразируя В. Н. Сагатовского, можно сказать, что гуманитарное знание понимается как системное знание, ориентированное на человеческие проблемы [19, с. 5].

Индивидуализирующий метод гуманитарных наук и генерализирующий метод социальных наук дополняют друг друга в системной образовательной рациональности. С расширением предметного поля экософии гуманитарность знания соотносится также с постижением

ценностных оснований Универсума. Традиционно предметные области естественного и технического знания включаются в «мега-текст», который понимает и объясняет человек. Универсум становится первичной реальностью для гуманитарных и негуманитарных дисциплин, в которых корректируются причинные онтологические представления. Символический, ценностный мир перекликается с бытием природы, социума и человека.

С переходом к постнеклассическому гуманитарному образованию трансформируется содержание текста как основного объекта изучения в гуманитарном знании. На повестку дня приходят новые предметные области и методы. Мир культуры, человеческих отношений и человеческой деятельности презентуется в качестве текста, особого смыслового поля. Соответственно, нужны иные познавательные процедуры: диалог, эмпатия, герменевтическая интерпретация. Специфика гуманитарного знания обнаруживается в неформализуемости личностных смыслов и субъектных ценностей. Мировоззренческая установка гуманиария — выстраивание диалоговой процедуры, интерсубъективного понимания.

Бесконечная возможность интерпретации делает предметную область инфинитной. Так, согласно А. Лосеву, значения символов обладают семантической текучестью. Такое гуманитарное знание слабо проецируется на общественную жизнь, вот почему Ю. Хабермас вынужден был обратиться к коммуникативной рациональности, претендующей на общезначимые смыслы. «Культурные ценности, сросшиеся и воплощенные в тотальностях жизненных форм и жизненных историй, пронизывают ткань повседневной коммуникативной практики, в которой выражается экзистенция и обеспечивается тождественность действующих субъектов и от которой они не могут дистанцироваться таким же образом, как и от институциональных порядков их социального мира» [9, с. 268].

При субъектной образовательной рациональности гуманитарное преподавание имеет культурно-антропологическую почву и лишь косвенно связано с социальными науками. Утверждение М. Бахтина о том, что «текст есть первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [20, с. 292], можно отнести к ключевой позиции

неклассического гуманитарного образования, для которой текст является фактом культуры.

Утрата гуманитарности с точки зрения субъектной рациональности связана с кризисом культуры, о чем и свидетельствуют интеллектуальные дискуссии XX столетия. С позиций системной образовательной рациональности потеря гуманитарности указывает на кризис всеобщих онтологических оснований. В искаженной социальности и деформированной природности человек утрачивает человеческое, и гуманитарное знание лишается реального жизненного значения. Таким образом, образование призвано гармонизировать внутренний мир личности с социальным и природным порядком, а не редуцировать человеческое к социальным или природным феноменам.

Системная образовательная рациональность предпочтительна по многим обстоятельствам. Постнеклассическое гуманитарное образование перестает восприниматься как автономная сфера, самостоятельная социокультурная система, не испытывающая существенного влияния внешней среды. Общественная жизнь выглядит как системное целое, в котором переплетаются экономические, социально-политические, духовные линии взаимодействия. В образовательном процессе снимается противопоставление социального и гуманитарного знания, их чисто академические функции переводятся в прагматическую плоскость. Гуманитарное знание становится индикатором качества социальной системы, а социальное знание считается эффективным в случае учета ценностных идеалов и норм. Зреет понимание того, что отсутствие гуманитарной экспертизы образовательных программ может привести к резонансным последствиям. Человек и человеческое не исчезают из образовательной практики, равно как и устойчивое развитие социально-экономической системы зависит от личностной гуманитарной компетентности ее субъектных компонентов. Ответственность человека за собственные проекты действий — это не только этический уровень, но и параметр самоорганизации общества.

При системной образовательной рациональности в центре внимания оказывается целенаправленная подготовка специалиста, способного к личностной рефлексии, интерактивным действиям, гуманитарной экспертизе

собственной профессиональной деятельности. В целостном мышлении субъекта обучения сочетаются абстрактно-трансцендентальное знание, экзистенциально антропологические компоненты, социально-ментальные смыслы и общечеловеческие значения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Akhmedova M. G., Sokolova I. V., Chankova E. V. Communicative competence of the personality as socio-historical phenomenon: system analysis. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015;6(5S 3):347–355.
2. Bondarenko N. G., Lukyanov G. I., Makhamatov T. M., Egorova L. I., Avdeeva T. I., Belyanova E. N. Education and information technology: blended learning and inquiry-based learning innovative solutions. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. 2020;12(S 1):386–393.
3. Деникин А. В., Деникина З. Д. Образовательное доверие как феномен коммуникативной рациональности. *Мир образования — образование в мире*. 2019;2(74):31–36.
4. Иоселиани А. Д. Глобальное цифровое общество и социальная адаптация к онлайн-повседневности. *Век глобализации*. 2020;2(34):62–71.
5. Orekhovskaya N. A., Galushkin A. A., Maleko E. V., Bezenkova T. A., Plugina N. A. Globalization and youth: philosophical analysis of challenges and ways to overcome them. *XLinguae*. 2018;11(2):256–264.
6. Osipov G. V., Ponkratov V. V., Ivlev V. Ju., Ivleva M. I., Karepova S. G. Factors in managing publication productivity in russian universities. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2020;8(5):102–120.
7. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция; 2003.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс; 1988.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. Скляднева Д. В., ред. СПб.: Наука; 2001.
10. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая.
11. Изд. 4, стереотип. М.: URSS; 2019.
12. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС; 1995.
13. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2009.
14. Попов А. А. Открытое образование: философия и технология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2012.
15. Луман Н. Общество общества. I. Общество как социальная система. Пер. с нем. М.: Логос; 2004.
16. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. В 3 кн. Кн. 1. Структура знака: смысл: 14 лекций. М.: Вост. лит.; 2005.
17. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность. М.: АСТ, Транзи Книга; 2005.
18. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: СТ; 2008.
19. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, Изд-во «Ермак»; 2007.
20. Сагатовский В. Н. Ценностные основания гуманитарной экспертизы. Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы. Новосибирск: Наука; 1992.
21. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство; 1979.

REFERENCES

1. Akhmedova M. G., Sokolova I. V., Chankova E. V. Communicative competence of the personality as a socio-historical phenomenon: system analysis. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015;6(5S 3):347–355.
2. Bondarenko N. G., Lukyanov G. I., Makhamatov T. M., Egorova L. I., Avdeeva T. I., Belyanova E. N. Education and information technology: blended learning and inquiry-based learning innovative solutions. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. 2020;12(S 1):386–393.
3. Denikin A. V., Denikina Z. D. Educational trust as a phenomenon of communicative rationality. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire*. 2019;(2):31–36. (In Russ.).
4. Ioseliani A. D. Global digital society and social adaptation to online everyday life. *Vek globalizatsii*. 2020;(2):62–71. (In Russ.).
5. Orekhovskaya N. A., Galushkin A. A., Maleko E. V., Bezenkova T. A., Plugina N. A. Globalization and youth: a philosophical analysis of challenges and ways to overcome them. *XLinguae*. 2018;11(2):256–264.
6. Osipov G. V., Ponkratov V. V., Ivlev V. Ju., Ivleva M. I., Karepova S. G. Factors in managing publication productivity in Russian universities. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2020;8(5):102–120.

7. Stepin V. S. Theoretical knowledge: structure, historical evolution. Moscow: Progress-Tradition; 2003. (In Russ.).
8. Gadamer H.-G. Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow: Progress; 1988. (In Russ.).
9. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. Translated from German. D. V. Sklyadnev, ed. St. Petersburg: Nauka; 2001. (In Russ.).
10. Lektorsky V. A. Epistemology classical and non-classical. 4th ed., stereotype. Moscow; 2019. (In Russ.).
11. Moiseev N. N. Modern rationalism. Moscow; 1995. (In Russ.).
12. Budanov V. G. Methodology of synergetics in post-non-classical science and education. Moscow: Book House "LIBROCOM"; 2009. (In Russ.).
13. Попов А. А. Open education: philosophy and technology. Moscow: Book House "LIBROCOM"; 2012. (In Russ.).
14. Luhman N. Society of society. I. Society as a social system. Moscow: Logos: 2004. (In Russ.).
15. Shchedrovitskij G. P. Sign and activity. In 3 vols. Vol. 1. The structure of the sign meaning: 14 lectures. 1971. G. A. Davydova, editor. Moscow: East Literature; 2005. (In Russ.).
16. Naisbit J. High technology, deep humanity. Moscow: AST, Transi Book; 2005. (In Russ.).
17. Fromm E. The man for himself. Moscow: ST; 2008. (In Russ.).
18. Fukuyama F. The end of History and the last man. Moscow: AST, Ermak Publishing House: 2007. (In Russ.).
19. Sagatovskij V. N. Value bases of humanitarian expertise. Novosibirsk; 1992. (In Russ.).
20. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow; 1979. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анатолий Васильевич Деникин — доктор философских наук, профессор Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

AVDenikin@fa.ru

Зоя Дмитриевна Деникина — доктор философских наук, профессор Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

ZDDenikina@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anatoly V. Denikin — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

AVDenikin@fa.ru

Zoya D. Denikina — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

ZDDenikina@fa.ru

Статья поступила 30.03.2021; принята к публикации 15.04.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.03.2021; accepted for publication on 15.04.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-111-116

УДК 378(045)

Конфликтогенность в сфере высшего образования: факторы появления и роста*

Е.И. Замараева

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам конфликтогенности в сфере высшего образования, анализу факторов их появления и роста. Дается определение социальной конфликтогенности и объясняется ее отличие от конфликта. Анализируется контент современной российской научной литературы, посвященной данной проблематике, позволяющий определить наиболее значимые факторы возникновения конфликтогенности. Важнейшим фактором называются социально-политические и экономические потрясения российского общества, вызванные перестройкой, развалом СССР, сломом всех устоявшихся систем социума, многочисленные реформы образования. Отмечается высокая степень психологической напряженности педагогической среды и дискомфорта, вызванного большой степенью ответственности, возрастающими нагрузками аудиторной и научно-исследовательской работы, возложенной на преподавателей, эмоциональное выгорание преподавателей, что формирует условия высокой степени готовности к деконструктивному поведению. Констатируется поляризация ценностно-смысловых ориентиров участников образовательного процесса, коммерциализация образования, позиционирование его как услуги, увеличивающееся социальное расслоение, тенденция к нарастанию элитизации высшего образования, которые порождают не только факторы конфликтогенности, но и определяют дифференциацию спроса на образование. Делается вывод о том, что факторы конфликтогенности могут перерасти в социальные конфликты, если в ближайшей перспективе не будут разрешены накопившиеся противоречия.

Ключевые слова: конфликт; конфликтогенность; высшее образование; педагогическая среда

Для цитирования: Замараева Е.И. Конфликтогенность в сфере высшего образования: факторы появления и роста. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):111-116. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-111-116

ORIGINAL PAPER

Conflict Potential in Higher Education: Factors of Emergence and Growth**

E. I. Zamaraeva

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

ABSTRACT

In this article, the author discusses the problems of conflicts in the field of higher education the analysis of the factors of their emergence and growth. The definition of social conflict potential and its difference from conflict are given. The content of modern Russian scientific literature devoted to this issue is analysed, making it possible to determine the most significant factors in the emergence of conflict potential. The most important factor is called the socio-political and economic upheavals of Russian society caused by perestroika, the collapse of the USSR, the breakdown of all established systems of society, and numerous educational reforms. There is a high degree of psychological tension in the teaching environment and discomfort caused by a high degree of responsibility, increasing loads of classroom and research work assigned to teachers, emotional burnout of teachers, which creates conditions for a high degree of readiness for deconstructive behaviour. The author states the polarisation of the value-semantic guidelines of the participants in the educational process, the commercialisation of education, its positioning as a service, the increasing social stratification, the tendency towards an increase in the elitisation of higher education, which not only generate conflict factors, but also determine the differentiation of demand for education. It is concluded that the factors of conflict can develop into social conflicts if the accumulated contradictions are not resolved in the future.

Keywords: conflict; conflict potential; higher education; pedagogical environment

For citation: Zamaraeva E. I. Conflict potential in higher education: Factors of emergence and growth. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):111-116. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-111-116

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

Под социальной конфликтогенностью, в том числе и в сфере высшего образования, большинство специалистов понимает комплекс социального, ментального и психологического напряжения, который, если не принять меры, может привести к серьезным проблемам в обществе [1–3]. Если сложившийся конфликт — это обозначенный момент, обнаживший противоречия, то конфликтогенность — это весь объем напряжения, который при определенных условиях может сформироваться в конфликт. «Конфликтогенность — это не противоречия, а рассогласования, неудовлетворенные ожидания, напряженности» [1]. Безусловно, конфликт легче предупредить, чем разрешить, поэтому процесс управления конфликтогенностью включает выявление факторов конфликтогенности, прогнозирование, профилактику, регулирование, т. е. снижение социальной напряженности. Невозможно добиться бесконфликтного течения процессов в образовании, поэтому эффективнее направить усилия на управление механизмами конфликтов.

Анализ современной российской научной литературы, посвященной данной проблеме, позволяет выявить следующие наиболее значимые факторы появления и роста конфликтогенности в высшей школе.

Прежде всего, социально-политические и экономические потрясения российского общества, вызванные перестройкой, развалом СССР, сломом всех устоявшихся систем социума, многочисленные реформы образования, порождающие снижение стабильности и появление тревожности, — это одна из важнейших причин повышения конфликтогенности не только в стране, но и в сфере образования, в том числе и высшего. Стремительность и глобальность политических, идеологических, социально-экономических преобразований определяют появление и рост конфликтогенности в обществе [2–4]. Инновационные стратегические цели, модернизация высшего образования, стремление быть конкурентоспособным, выйти в мировые лидеры в области науки и образования — эти преобразования влекут за собой быструю смену кадрового состава, сокращение кафедр, реструктуризацию вузов, сокращение ППС, а значит, неуверенность в завтрашнем дне, тревожность, скрытую агрессию, повышение конфликтогенности.

Кроме того, высшая школа создает высокую степень психологической напряженности педа-

гогической среды, осознаваемого дискомфорта, вызванного большой степенью ответственности, возрастающими нагрузками аудиторной и научно-исследовательской работы, возложенной на преподавателей в связи с реформами образования, что формирует условия высокой степени готовности к деконструктивному, конфликтному поведению. Самую высокую напряженность, по оценкам исследователей, в педагогической среде формирует коммуникационная активность участников взаимодействия (41%) [2]. Интенсивность коммуникаций, а также совмещение научно-исследовательской, научно-педагогической и менеджерской деятельности преподавателей способствуют росту конфликтогенности [2, 5, 6].

Характеризуя состояние высшего образования в России в первые десятилетия XXI в., можно определенно говорить о признаках системного кризиса, в основе которого лежит поляризация ценностно-смысловых ориентиров участников образовательного процесса (причем, как среди студентов, их родителей и преподавателей, так и между преподавателями и администрацией вузов), неопределенность целей и задач образовательного процесса, обострение противоречий между интересами и возможностями субъектов образовательного процесса, несогласованность личных целей и целей управляющей системы, а также рассогласованность ожиданий преподавателей, студентов и администрации вузов. У современных студентов отмечается отчетливо выраженный консюмеризм, инструментальные ценности, сиюминутные цели, приспособленческие модели краткосрочных и долгосрочных жизненных стратегий. Межличностные конфликты между преподавателем и студентом, между преподавателем и администрацией, определяемые рассогласованностью ценностно-смысловой структуры сознания, а также морально-нравственными и деятельностными характеристиками субъектов образовательного процесса все чаще определяют напряженность психологической атмосферы вузов [2–4, 9, 10].

Коммерциализация образования, позиционирование его как услуги для получения определенного набора компетенций и выдачи документа об оказании данной услуги делают его пригодным лишь для краткосрочных целей, служат формированию дискретности процессов и результатов образования, но не выстраиванию жизненных стратегий. Креденциализм и образовательная инфляция, которые повышают требования к фор-

мальным образовательным квалификациям, неизбежно ведут к девальвации этих квалификаций, а значит, к созданию социальных рисков, неопределенности будущего, социальных фобий, проблемам с социализацией и самоидентификацией студентов, их удовлетворенностью учебной и внеучебной деятельностью, что, в свою очередь, ведет к росту конфликтогенности как в студенческой, так и в преподавательской среде [3, 4].

Усложняющаяся структура современного российского общества и увеличивающееся социальное расслоение порождают серьезные изменения общества, определяют различия в потребностях и дифференциацию спроса на образование. Общество и государство декларируют равный доступ к образованию, при этом одновременно выступают как ограничители социальной мобильности, распределяя общественные потоки, прежде всего по горизонтали. Тенденция к нарастанию элитизации высшего образования, доступности качественного образования лишь привилегированным слоям населения ведет к тому, что образование эволюционирует как механизм социальной дифференциации и селекции. Образование уже не представляет собой тот социальный лифт, которым оно было в годы советской власти. Стратегии высшего образования при этом приобретают рыночный характер, в результате чего замедляются темпы социокультурной динамики, сужаются каналы социальной мобильности, а образованные таким образом профессиональные группы отличаются отчужденностью и замкнутостью, что неизбежно ведет к повышению конфликтогенности в сфере высшей школы [2, 3]. Исследователями отмечается также, что сам запрос на социальную справедливость в нашем обществе является конфликтогенным фактором [9].

Одной из причин конфликтогенности в среде высшего образования исследователи указывают неподготовленность студентов, особенно первых курсов, к системе обучения в высшей школе, их слабую мотивацию к учебной деятельности, низкий уровень общего развития, слабую адаптацию к образовательной среде, социальную инфантильность. Высокий уровень притязаний, завышенная самооценка при невысоком качестве базовой подготовки являются не только причинами конфликтогенности, но и порождают сами конфликты [7, 11].

Многими исследователями одним из важнейших факторов появления и нарастания конфликтогенности называется эмоциональное выгора-

ние преподавателей, и это относится не только к школьным учителям, но и к преподавателям высшей школы. Высокий уровень ответственности, повышенная интеллектуальная, психологическая и коммуникативная нагрузка, а также дисбаланс между энергетическими затратами и морально-материальным вознаграждением приводит к истощению физических, психологических и интеллектуальных сил. Выгорание, как отмечают исследователи, включает в себя эмоциональную истощенность, проявляющуюся в постоянной усталости, раздражительности, опустошенности, неудовлетворенности собой и окружающими, деперсонализацию, формирующую циничное отношение к окружающему, редукцию личных и профессиональных достижений, которая ведет к снижению продуктивности и личностно-профессиональному обесцениванию. Преподаватель не чувствует своей значимости, компетентности, не ощущает уважения к себе не только со стороны студентов, но и со стороны администрации, однако чувствует неуспех в профессиональной сфере, что приводит к снижению самооценки и повышению конфликтогенности [3, 5, 6].

Капитализация знаний, по оценкам исследователей, — еще один фактор конфликтогенности в сфере высшего образования [12]. Она предполагает получение за свой труд адекватного материального вознаграждения: гонораров, выплат и т.д. И самое главное — зарплата преподавателей вузов в регионах не соответствует стандартам, заложенным в постановлениях правительства. Советской системой высшего образования были заложены высокие стандарты качества образования, которые современная российская система по инерции поддерживает и в силу академических традиций, и в силу кадрового потенциала. Однако университетское образование откровенно стало полем битвы интересов «эффективных менеджеров», стремящихся получить наибольшую прибыль от науки и образования, и носителями традиционных академических ценностей, ориентированных на получение знаний, которые не всегда связаны с экономической выгодой.

Многие исследователи отмечают также, что реформы высшей школы привели к изменению кадрового состава ППС и его возрастной поляризации. Ригидность профессионального поведения в усложняющихся условиях организационной и технологической динамичности образовательного процесса также является условием повышения конфликтогенности в университетской среде [2–4].

Одним из факторов повышения конфликтности в последний год стала стремительная цифровизация высшего образования [13, 14]. И это касается не только возрастных преподавателей, которые не могут встроиться в современную систему цифрового образования. Глобальная цифровизация ведет к потере рабочих мест во всех отраслях хозяйства, это касается и системы образования. Перспектива потери рабочих мест, а значит, средств к существованию, безусловно, является дополнительным фактором повышения нервозности и конфликтности.

Госпрограмма «Развитие образования на 2013–2020 годы» содержит федеральный проект «Современная образовательная цифровая среда в Российской Федерации», который предполагает широкую цифровизацию образования с выстраиванием индивидуальной траектории обучения каждого обучающегося. Однако все отчетливее проявляется тенденция того, что гаджеты становятся частью жизни, прежде всего, малообеспеченных граждан, и дистанционное образование — это их удел. Высокообеспеченные слои населения предпочитают живое общение и обучение офлайн. Цифровизация образования может привести к еще большему расслоению общества по признаку доступности к классическому образованию в режиме офлайн.

Еще один фактор конфликтности называют Л. А. Ясюкова и О. В. Белавина [15, 16]. На основе лонгитюдного исследования ими было выявлено, что современная российская система школьного образования не формирует у школьников, а значит, у будущих студентов, так называемого понятийного мышления и социального интеллекта, которые предполагают умение мыслить, т. е. выделять главное, существенное, выстраивать объективные причинно-следственные связи, обобщать, систематизировать. «Если понятийные структуры не сформировались, то человек не замечает ошибок, нелогичности теоретических построений, затрудняется с проверкой или обоснованием собственных выводов, принимает решения, которые не приводят к желаемому практическому результату» [15]. В результате не

формируется так называемый эмоциональный и социальный интеллект, т. е. система адаптационных навыков и способностей, позволяющих человеку быть социально успешным, что включает и способность понимать мотивы действий другого человека, и анализировать свои собственные действия, а также действовать адекватно в различных ситуациях, это успех в межличностном взаимодействии, это социальная зрелость, умение брать на себя ответственность и нести ее [17]. Отсутствие таких навыков у молодых поколений повышает конфликтность.

Кроме того, конфликтность в сфере образования имеет причиной и чисто медицинский фактор: повышенная тревожность, неуверенность в завтрашнем дне, нестабильность способствуют увеличению количества психических расстройств и пограничных состояний психики. Пандемия коронавирусной инфекции, переход на дистанционное обучение, тотальная цифровизация всех сфер нашей жизни ведут к формированию асоциальной личности с пограничными расстройствами психики. Исследование «Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», проведенное под руководством В. Р. Кучмы, члена-корреспондента РАМН, научного руководителя Института комплексных проблем гигиены, заведующего кафедрой гигиены детей и подростков Института общественного здоровья имени Ф. Ф. Эрисмана, показало, что у 83,8% исследуемых отмечены неблагоприятные психические реакции пограничного уровня [18].

Таким образом, можно сделать вывод, что перенасыщенный объем факторов конфликтности в высшей школе с большой долей вероятности может стать причиной реальных конфликтов не только в среде высшего образования, но и в обществе в целом. Анализ данных факторов должен способствовать формированию целостной и внятной политики пересмотра идеологических и социальных основ и университетского образования, и всей системы образования в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Перов Е. В. Теория и анализ социальной конфликтности общества. *Вопросы безопасности*. 2013;(5):67–141.
2. Агапов В. С., Белая О. П., Плугина М. П., Кулешова Л. Н. Факторы конфликтности современной педагогической среды высшей школы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-konfliktogennosti-sovremennoy-pedagogicheskoy-sredy-vysshey-shkoly/viewer>.

3. Гржебина Л. М. Конфликтогенность образования как социокультурный фактор трансформации современного российского общества. Дис. ...канд. социол. наук. М.; 2006. 192 с.
4. Грязнова Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1239/gryaznova2011_3.pdf.
5. Бурлакова И. И. Эмоциональное выгорание педагога: проблемы и пути решения. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2019.
6. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер; 2005.
7. Сучилина А. А. Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):95–99. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–1–95–99
8. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтогенности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;27(4):26–32.
9. Головин Ю. А. Социальная справедливость как конфликтогенный фактор. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2019.
10. Иванова А. О. Конфликты в студенческой среде. Конфликты в современной России: исследование и регулирование. Материалы Всерос. научн.-практ. конф. М.; 2017.
11. Ореховская Н. А. Об общей культуре первокурсника технического вуза. *Высшее образование в России*. 2014;(3):135–139.
12. Сенюшкина Т. А. Капитализация знаний как конфликтогенный фактор университетского образования. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2019.
13. Сунами А. Н., Павлова Е. В. Цифровизация образования: риски и конфликты. Материалы III Санкт-Петербургского конгресса конфликтологов. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2019.
14. Тюриков А. Г., Большунов А. Я. Информационные технологии как социальный вызов XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(2):6–11.
15. Ясюкова Л. А. Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. СПб.: ИМАТОН; 2005.
16. Ясюкова Л. А., Белавина О. В. Социальный интеллект детей и подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; 2017. 181 с.
17. Максимова О. И. О некоторых аспектах эмоционального интеллекта и его использования в вузе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):114–119. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–114–119
18. Кучма В. Р., Седова А. С., Степанова М. И., Рапопорт И. К., Поленова М. А., Соколова С. Б., Александрова И. Э., Чубаровский В. В. Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья* 2020;(2):4–24.

REFERENCES

1. Perov E. V. Theory and analysis of the social conflict potential of society. *Voprosy bezopasnosti*. 2013;(5):67–141. (In Russ.).
2. Agapov V. S., Belaya O. P., Plugina M. P., Kuleshova L. N. Conflict factors of the modern pedagogical environment of higher education. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-konfliktogennosti-sovremennoy-pedagogicheskoy-sredy-vysshey-shkoly/viewer>. (In Russ.).
3. Grzhebina L. M. Conflict nature of education as a socio-cultural factor in the transformation of modern Russian society. Abstract of the dissertation. Moscow; 2006. 192 p. (In Russ.).
4. Gryaznova Yu. G. Conflict potential of intergenerational interaction in the culture of modern Russian society. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1239/gryaznova2011_3.pdf. (In Russ.).

5. Burlakova I.I. Emotional burnout of a teacher: problems and solutions. Conflictology of the XXI century. Ways and Means of Strengthening Peace: Materials of the Third St. Petersburg International Congress of Conflict Experts. St. Petersburg, November 15–16, 2019. St. Petersburg: Conflict Development Fund; 2019. (In Russ.).
6. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg: Peter; 2005. (In Russ.).
7. Suchilina A.A. Contradictions in the formation of the historical consciousness of modern Russian youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):95–99. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–1–95–99.
8. Shatilov A.B. Generational gaps as a factor in the growth of conflict potential in modern Russian society. *Vlast*. 2019;27(4):26–32. (In Russ.).
9. Golovin Yu.A. Social justice as a conflict-generating factor. Conflictology of the XXI century. Ways and Means of Strengthening Peace: Materials of the Third St. Petersburg International Congress of Conflict Experts. St. Petersburg, November 15–16, 2019. St. Petersburg: Conflict Development Fund; 2019. (In Russ.).
10. Ivanova A.O. Conflicts in the student environment. Conflicts in modern Russia: research and regulation. Materials of the All-Russian scientific conference. Moscow; 2017. (In Russ.).
11. Orekhovskaya N.A. On the general culture of a freshman at a technical university. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 2014;(3):135–139. (In Russ.).
12. Senyushkina T.A. Knowledge capitalisation as a conflict-generating factor in university Education. Conflictology of the XXI century. Ways and Means of Strengthening Peace: Proceedings of the Third St. Petersburg International Congress of Conflict Experts. St. Petersburg, November 15–16, 2019. St. Petersburg: Conflict Development Fund; 2019. (In Russ.).
13. Sunami A.N., Pavlova E.V. Digitalization of education: risks and conflicts. Materials of the III Saint-Petersburg Congress of Conflictologists. St. Petersburg: Foundation for the Development of Conflict Studies; 2019. (In Russ.).
14. Tyurikov A.G., Bolshunov A. Ya. Information technologies as a social challenge of the XXI century. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(2):6–11. (In Russ.).
15. Yasyukova L.A. Patterns of development of conceptual thinking and its role in learning. St. Petersburg: IMATON; 2005. (In Russ.).
16. Yasyukova L.A., Belavina O.V. Social intelligence of children and adolescents. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2017. 181 p. (In Russ.).
17. Maksimova O.I. On some aspects of emotional intelligence and its use in the university. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):114–119. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–114–119.
18. Kuchma V.R., Sedova A.S., Stepanova M.I., Rapoport I.K., Polenova M.A., Sokolova S.B., Aleksandrova I.E., Chubarovsky V.V. Features of the life and well-being of children and adolescents who study remotely during the epidemic of a new coronavirus infection (COVID-19). *Voprosy shkol'noy i universitetskoy meditsiny i zdorov'ya*. 2020;(2):4–24. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Ивановна Замараева — кандидат философских наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
zamaraeva_e@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Zamaraeva — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
zamaraeva_e@mail.ru

*Статья поступила 20.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article received on 20.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-117-124
УДК 1(045)

Рефлексия образовательных проектов современных студентов

М.В. Клементьева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>

АННОТАЦИЯ

Осознание своего «Я» в образовательном проекте связано со снижением отчуждения и тревоги у обучающихся, но основа этого рефлексивного механизма остается неизвестной. Гипотезой стало предположение о том, что биографическая рефлексия является предиктором жизненных целей и осмысленности образовательных проектов обучающихся высшей школы. Выборка состояла из 250 обучающихся по гуманитарным направлениям бакалавриата, магистратуры и аспирантуры в возрасте от 17 до 35 лет. Измерены показатели биографической рефлексии, цели в жизни и качества образовательных проектов. Биографическая рефлексия оценена с помощью авторской методики «Оценка уровня развития биографической рефлексии». Жизненная цель оценена с помощью теста смысложизненных ориентаций. Качество образовательных проектов оценено через «Анализ личных проектов (ППА)» В.Р. Литтл, адаптированный к российским условиям. Выявлено, что с возрастом снижается зависимость образовательных проектов от социальных ожиданий и повышается самостоятельность студентов. Полученные материалы повышают теоретическую обоснованность стратегий сопровождения проектной деятельности студентов.

Ключевые слова: биографическая рефлексия; образовательный проект; жизненная цель; обучающиеся; взрослые студенты; высшая школа; образование, развитие

Для цитирования: Клементьева М.В. Рефлексия образовательных проектов современных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):117-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-117-124

ORIGINAL PAPER

Contemporary Students' Reflection of Educational Projects

M.V. Klementyeva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>

ABSTRACT

The consciousness of self in the educational project is associated with a substantially reduced dramatic sense of alienation and emptiness in adult students. Still, the basis of this reflective mechanism remains unknown. The author tested the hypothesis that biographical reflection increases the positive effects of purpose and project education in students. This sample of convenience consisted of 250 participants at each of the ages of 17–35 years. The study focused on three aspects, which were measured: biographical reflection, and purpose in life, and educational projects. Biographical reflection was assessed via the author's "Biographical-Reflection Test". Purpose in life was assessed via the "Purpose-in-Life Test" adapted to the Russian context. A life project was assessed via "Personal Projects Analysis (PPA)" of B.R. Little adapted to the Russian context. A higher level of biographical reflection increases the meaningfulness of educational projects and clear purpose in adult students. It reduces the effect of projects' dependence on social expectations when people do not think educational projects have much personal meaning. These results increase the theoretical validity of support for students' project activities.

Keywords: biographical reflection; educational project; purpose in life; learners; adult students; high school; education; development

For citation: Klementyeva M.V. Contemporary students' reflection of educational projects. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):117-124. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-117-124

ВВЕДЕНИЕ

Доступность высшего образования в современной России является критическим фактором повышения образованности и профессионализма молодых россиян, а в конечном счете — конкурентоспособности России в мире. В России, как и в других странах мира, достигших высокого уровня постиндустриального развития, высшее образование получают в первую очередь люди в возрасте от 17 до 35 лет, что значительно изменяет ставшие уже классическими представления о возрастных закономерностях самоопределения и развития во взрослости. Длительное образование отодвигает реальную вовлеченность современных взрослых студентов во взрослую профессиональную и социальную жизнь за границы окончания университета, подчеркивая переходный характер периода обучения, его *противоречивость*: при наличии возможностей быть взрослым (социально, психологически, хронологически, физиологически и пр.) у многих студентов отсутствует желание и готовность включаться в системы социального и профессионального воспроизводства. Современные студенты сознательно отказываются от таких важнейших социально-психологических аспектов взрослой жизни, как: вступление в брак, рождение детей и забота о них, непрерывный труд, карьерный рост, сохранение близких межличностных связей, финансовая независимость от родителей, в пользу реализации образовательных проектов.

«Жизнь и работа» — характеристика полноценно функционирующего взрослого человека, тонко подмеченная венским психоаналитиком З. Фрейдом и подтвержденная многочисленными исследованиями в области психологии и социологии развития личности в XX в., в реалиях XXI в. теряет свою актуальность в отношении взрослых людей, обучающихся в высшей школе. «Любовь, подработка и стипендия» — так выглядят приоритеты современных взрослых студентов, с которыми они связывают свою «квазивзрослость» [1], когнитивно, эмоционально и поведенчески откладывая обретение полноценного статуса взрослого.

Центральным психологическим новообразованием личности в период 18–35 лет является «*смысл жизни*», представляющий «знание порядка, последовательности и цели своей жизни, стремление и достижение достойных целей, а также сопутствующее этому чувство удовлетворения» [2, р. 41]. С этим новообразованием связаны основные личностные характеристики, присущие многим современным взрослым студентам: утверждение аутентичности, защита собственного достоинства, самовыражение,

биографическое экспериментирование, целеустремленность, оптимизм в отношении своего будущего, инициативность, стремление к свободному жизненному выбору [3]. Во многом перечисленные характеристики совпадают с перечнем черт зрелой личности [4].

Таким образом, с одной стороны, высшее образование выступает своего рода «инфантилизирующим» фактором, затрудняющим обретение полноценной «взрослости» студентами высшей школы, а с другой стороны, высшее образование имеет значительный развивающий эффект: образование является «зоной ближайшего развития» [5], и это актуально для современных студентов.

Данное противоречие может быть снято, на наш взгляд, при понимании сферы высшего образования как области жизнедеятельности, в которой взрослые обучающиеся находят возможности для создания и реализации своих инициативных *образовательных проектов* — прогнозируемых целей в области получения образования, которые помогают достичь желаемого уровня прогресса или успеха в жизни, как мы определяем в рамках интеграции положений социально-экологической модели личности [6] и культурно-исторической теории развития личности [5].

Образование как образовательный проект взрослых студентов приобретает черты *биографического хроптопа*, в рамках которого можно достичь самоопределения и личностной зрелости. Инициативные образовательные проекты становятся источником жизненных целей, средством преодоления противоречий развития и минимизации рисков, условием принятия ответственности за свершенные жизненные выборы.

Однако инициатива, автономия и ответственность взрослых студентов в рамках реализации образовательных проектов отнюдь не означают безусловную успешность и удовлетворенность результатом: проекты могут быть удачными или неудачными, способствовать самореализации личности или породить отчаяние. Реализация образовательного проекта часто требует значительного количества ресурсов, а его результат — отсрочен во времени, обладает высокой долей неопределенности и вызывает тревогу и беспокойство. В связи с этим *проблема личностных ресурсов*, способствующих сознательному контролю качества образовательных проектов современных взрослых студентов, становится особенно актуальной.

Одним из таких ресурсов является *биографическая рефлексия*, направленная на анализ событий жизни, когда жизненные изменения осмысливаются

личностью как источник контроля качества жизненного пути [7]. Проявляется биографическая рефлексия как анализ смысла жизни, автобиографических знаний, биографических концептов и хронотопов, культурных сценариев биографии и жизненных историй как собственной жизни («рефлексия своей жизни»), так и жизни другого («рефлексия жизни другого»). Биографическая рефлексия устанавливает психобиографическое единство индивидуальной жизни и культурной концепции биографии — последовательности нормативно важных событий жизни типичного представителя эпохи, поколения.

Объектами биографической рефлексии являются события жизни, связанные с важными изменениями личности. Выбор высшего образования и получение квалификации — нормативно важные события жизни, которые маркируют начало и завершение образовательного проекта, ограничивая возможности самоопределения в профессии, и шире — на жизненном пути.

Эти же события маркируют начало и завершение образовательного проекта личности. Становясь объектом биографической рефлексии, образовательный проект подвергается трансформации: эпизоды жизни, связанные с созданием и реализацией образовательного проекта, отражаются в самосознании личности как интерпретируемые автобиографические факты и биографические хронотопы. Благодаря тому, что биографическая рефлексия образовательного проекта переводит процессы в режим саморегуляции и самоконтроля, обеспечивается самодетерминация проектной деятельности, снижается тревога и беспокойство в отношении неопределенного результата.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что методологическим решением *проблемы настоящего исследования* — противоречия между значимостью научного знания о рефлексивных механизмах снижения отчуждения и тревоги у взрослых студентов в рамках реализации образовательных проектов и дефицитом данной информации в современной науке — является интеграция культурно-исторического, субъектно-деятельностного и социально-экологического подходов к исследованию образовательных проектов личности, которая базируется на принципах активности, развития и системности.

Гипотезой настоящего эмпирического исследования выступило предположение о том, что уровень развития биографической рефлексии является предиктором жизненных целей и осмысленности образовательных проектов обучающихся высшей школы.

Цель исследования — изучить динамику влияния биографической рефлексии на жизненные цели и образовательные проекты студентов.

МЕТОДЫ

Выборка. В исследовании приняли участие 250 человек. Из них: обучающихся по программам бакалавриата — 100 (возраст 17–23 года), магистратуры — 100 (22–32 года), аспирантуры — 50 (26–35 лет).

Использованы методики: ОБР (оценка уровня развития биографической рефлексии) [7], СЖО (тест смысловых ориентаций) [8], «Анализ личных проектов (PPA)» В.Р. Little [9], работа Е.Ю. Рязанцевой [10].

Статистические методы анализа данных. Использован пакет статистических программ SPSS v.21 с модулем AMOS. Выявление связей между показателями осуществлено с использованием корреляционного анализа (r_s — коэффициент Спирмена), множественной линейной регрессии (методом наименьших квадратов — МНК) и моделирования структурными уравнениями (методом максимального правдоподобия). Качество регрессионной модели оценено на основании статистики критерия Фишера (F). Для анализа степени влияния предикторов использован коэффициент детерминации (R^2); доля совокупной дисперсии, описываемой регрессионной моделью, достаточна при значении $R^2 \geq 0,50$, что характеризует тесноту связи между зависимой переменной и предикторами. Пригодность путевой модели оценена по критериям согласия: χ^2 (хи-квадрат) при $p > 0,05$; χ^2/df (соотношение хи-квадрата и степени свободы) $\leq 2,0$, RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации) $\leq 0,05$, CFI (Comparative Fit Index — сравнительный индекс соответствия Бентлера) $\geq 0,90$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Контент-анализ показал, что образовательные проекты взрослых студентов отличает *обобщенный* характер, связь с *инструментальными ценностями* и *социальными ожиданиями*. Например, «обучение в университете по направлению...», «успешная защита диплома», «сдача сессии на отлично», «получение диплома магистра», «изучение профессионального английского языка», «совмещение учебы и работы» и пр.

В результате корреляционного анализа показателей с хронологическим возрастом обучающихся было обнаружено незначительное *снижение с возрастом* биографической рефлексии ($r_s = -0,14$;

Рис. / Fig. Путевая модель ($n = 250$; $\chi^2 = 5,03$; $df = 4$; $p = 0,06$; $\chi^2/df = 1,23$; $RMSEA = 0,03$; $CFI = 0,90$) / Track model ($n = 250$; $\chi^2 = 5,03$; $df = 4$; $p = 0,06$; $\chi^2/df = 1,23$; $RMSEA = 0,03$; $CFI = 0,90$)

Источник / Source: составлено автором / the author.

$p < 0,05$), а также шкалы оценки осмысленности образовательных проектов, таких как: трудность реализации образовательного проекта ($r_s = -0,22$; $p < 0,01$), ответственность за реализацию образовательного проекта ($r_s = -0,14$; $p < 0,05$), взгляд других или степень важности проекта с точки зрения других людей ($r_s = -0,19$; $p < 0,01$), соответствие образовательного проекта значимым ценностям личности ($r_s = -0,16$; $p < 0,05$) и увеличение вовлеченности личности в реализацию образовательного проекта ($r_s = +0,15$; $p < 0,05$). Влияние хронологического возраста существует, но оно мало.

Значимых корреляций хронологического возраста со шкалой цели в жизни не обнаружено.

В целом положительные значимые корреляции (табл. 1) указывают на то, что студенты с высоким уровнем биографической рефлексии, имеющие ясные жизненные цели, демонстрируют высокий уровень осмысленности образовательного проекта.

Высокорелексивные студенты обладают способностью контролировать качество образовательного проекта, адекватно оценивая временные ресурсы и собственные возможности в его успешной реализации. Представляя ясно свои жизненные цели, с которыми соотносится образовательный проект, взрослые студенты ориентированы в первую очередь на отслеживание самоизменений и самооценку промежуточных результатов, а не на внеш-

нюю оценку и контроль, но учитывают социальные экспектации в отношении своего будущего, они более корректны в прогнозах успешности реализации проекта, соотносят образовательный проект с возможностью самореализации индивидуально-психологических особенностей.

Данные регрессионного анализа (табл. 2), демонстрируют пригодность моделей для анализа эмпирических данных. Представлены статистически значимые регрессионные модели.

Обнаружено, что показатели биографической рефлексии («рефлексия своей жизни» и «рефлексия жизни другого») вносят значительный вклад в показатели ясности жизненных целей и такие характеристики осмысленности образовательных проектов обучающихся, как: важность, адекватность времени, вероятность успеха и автономия.

Полученные данные обобщены в виде структурной модели с использованием путевого анализа. В основу модели были положены данные о связях (корреляционных и регрессионных) между изучаемыми параметрами. Полученная путевая модель представлена на рисунке.

Путевая модель демонстрирует пригодность в интерпретации эмпирических данных. Исходя из полученных данных, биографическая рефлексия является предиктором показателей осмысленности образовательных проектов (степени их важности для личности, уровня контроля качества проектов,

Таблица 1 / Table 1

Корреляционный анализ ($n = 250$) / Correlation analysis ($n = 250$)

Показатель / Indicator	Показатель / Indicator	
	Биографическая рефлексия / Biographical reflection	Цели в жизни / Purpose in life
Важность образовательного проекта для самой личности	+0,10	+0,12
Трудность реализации образовательного проекта	+0,10	-0,03
Видимость результата реализации образовательного проекта другим людям	+0,04	-0,14*
Контроль качества реализации образовательного проекта	+0,14*	-0,05
Ответственность за реализацию образовательного проекта	-0,01	+0,02
Адекватность времени, затраченного на реализацию образовательного проекта	+0,15*	-0,01
Вероятность успеха образовательного проекта	-0,07	+0,18*
Самоидентификация или типичность образовательного проекта для личности	+0,17*	+0,14*
Взгляд других (степень важности проекта с точки зрения других людей)	+0,05	+0,20*
Соответствие образовательного проекта значимым ценностям личности	-0,03	+0,08
Вовлеченность личности в реализацию образовательного проекта	-0,02	+0,01
Компетентность личности в реализации образовательного проекта	-0,11	-0,02
Автономия реализации образовательного проекта	+0,21*	-0,12

Примечание: * – значимость показателя при $p < 0,05$.

Источник / Source: составлено автором / the author.

адекватной оценки времени, затраченного на их реализацию, а также самостоятельности) и ясности жизненных целей студентов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Материалы исследования рефлексии образовательных проектов обучающихся высшей школы согласуются с положениями современной психологии о закономерностях развития взрослых студентов в условиях непрерывного образования, подчеркивают детерминирующую роль рефлексии в процессах саморазвития и самообучения на этапе получения высшего профессионального образования.

Результаты исследования убедительно доказывают ведущую роль биографической рефлексии в наращивании способности личности инициировать и успешно воплощать в жизнь траектории саморазвития и самообучения в формате образовательных проектов. Высокий уровень развития

биографической рефлексии способствует самостоятельности в определении целей, выборе стратегий, установлении границ самоконтроля, самопринятии. Более рефлексивные взрослые студенты готовы максимально вкладывать свои ресурсы в реализацию образовательных проектов, адекватно оценивая свои возможности и ограничения, в отличие от студентов с низким уровнем биографической рефлексии. Используя биографическую рефлексия как ресурс управления образовательными проектами, студенты становятся более инициативными и самостоятельными в своей профессиональной жизни, а их образовательные проекты — более успешными.

Самостоятельно определяя цели в области получения высшего профессионального образования, современные взрослые студенты осмысленно выбирают пути и средства их достижения, принимают на себя ответственность за успешность реализации проектов, соотносят результаты с желаемым обра-

Показатели регрессионных моделей (n = 250) / Regression Model Metrics (n = 250)

Зависимая переменная / Dependent variable	Предиктор / Predictor	Показатель / Indicator		
		β	t	Качество модели / Model quality
Цели в жизни	Рефлексия своей жизни	-0,72	-3,46**	F = 4,68 при p = 0,01; R ² = 0,51
	Рефлексия жизни другого	0,69	2,82*	
Важность образовательного проекта	Рефлексия своей жизни	-0,64	-2,73*	F = 4,19 при p = 0,01; R ² = 0,52
	Рефлексия жизни другого	0,41	1,93	
Адекватность времени, затраченного на реализацию образовательного проекта	Рефлексия своей жизни	0,77	3,10**	F = 4,42 при p = 0,006; R ² = 0,56
	Рефлексия жизни другого	-0,75	-3,24**	
Вероятность успеха образовательного проекта	Рефлексия своей жизни	0,59	2,47*	F = 3,12 при p = 0,05; R ² = 0,38
	Рефлексия жизни другого	-0,56	-2,36*	
Автономия реализации образовательного проекта	Рефлексия своей жизни	0,61	2,62**	F = 4,65 при p = 0,01; R ² = 0,54
	Рефлексия жизни другого	-0,72	-3,05**	

Прим.: * значимость показателя при p < 0,05; ** значимость показателя при p < 0,01.

Источник / Source: составлено автором / the author.

зом будущего. Образовательные проекты, с одной стороны, погружены в психобиографическую сферу личности, подчеркивая аутентичность опыта и индивидуализацию жизненного пути, а с другой стороны, имеют связь с важным социально-культурным институтом образования, который выступает внешним ресурсом поддержки развития личности. Тем самым биографическая рефлексия образовательного проекта разрешает внутреннее противоречие между возможностями и желаниями взрослых студентов вести взрослый образ жизни. В рамках рефлексивной реализации образовательных проектов, потенциально соотносимых со сферой будущей профессиональной деятельности и жизненным путем в целом, взрослые студенты демонстрируют готовность включаться в системы социального и профессионального воспроизводства, рассматривают высшее образование как первый необходимый этап профессионализации личности.

Интерпретируя данные, отметим, что ресурсная функция биографической рефлексии образовательного проекта связана с обретением позиции

рефлексирующего субъекта, как по отношению к конкретному образовательному проекту, так и шире — по отношению к себе и своему жизненному пути в целом. Будучи автобиографическими субъектами, рефлексирующими образовательные проекты, взрослые студенты осознают ценностно-смысловые основания своей деятельности, обретают самостоятельность. Образовательный проект как объект биографической рефлексии личности обретает качества, соотносимые с базовыми личностными структурами (ведущими мотивами, ценностями, смыслами жизни) и значимой общественной деятельностью.

Позитивное влияние рефлексии образовательного проекта на его качественные характеристики отражают связи с возрастом. Так, возрастное снижение рефлексии сопряжено со снижением субъективной оценки трудности реализации образовательного проекта, ответственности за результативность, межличностной релятивности в оценке проекта, связности с ведущими ценностными ориентациями личности. Что демонстрирует растущую способность

личности обобщать накопленный опыт, использовать сформированную компетентность в решении трудных задач, задействовать внешние ресурсы в реализации инициативных проектов (например, помощь и содействие других людей), относительную независимость и гибкость в оценках и действиях. Повышение с возрастом вовлеченности в процессы осуществления образовательных проектов подчеркивает субъективную убежденность взрослых студентов в том, что именно образовательный проект — есть возможность самоассертивности, обретения подлинного «Я», осуществления чего-то интересного в жизни. Незначительное влияние возраста на биографическую рефлексию и качества образовательного проекта (трудность, ответственность, взгляд других, ценности, вовлеченность) связано с условностью показателя хронологического возраста для анализа психических механизмов и закономерностей. Являясь «удобным» показателем в описании и прогнозе развития личности, возраст лишь выражает накопительный эффект влияния многих детерминант на развитие.

Рефлексивный механизм осмысления образовательных проектов взрослыми студентами, на наш взгляд, может быть интерпретирован как «зона ближайшего развития» [5] профессиональной жизни, которая задает ценностно-смысловое пространство между актуальным и возможным психобиографическим развитием и определяется с помощью задач, решаемых совместно с более опытным субъектом. В этом пространстве взрослые студенты осознают противоречия между желаемым и действительным, разрешение которого связано с успешной реализацией образовательного проекта. Будучи важным для личности, образовательный проект, в осуществлении которого личность проявляет целеустремленность и самостоятельность,

адекватно оценивая потенциалы и ограничения реализации, является пространством самоосуществления, испытания своих возможностей и обретения статуса «взрослости». Здесь, на наш взгляд, образовательный проект «перерастает» область своего зарождения — образование — и обретает качества проекта жизненного пути, сопряженного с сознательным и целенаправленным изменением своей жизни в целом или сознательным сохранением в ее неизменности относительно исходного замысла.

Из вышесказанного следует, что пролонгированный положительный эффект от стимуляции биографической рефлексии образовательных проектов возможен в учебно-профессиональных ситуациях, связанных с преодолением препятствий и необходимостью выбора, когда студентам надо оценить свои действия и осуществить коррекцию стратегии реализации образовательного проекта.

ВЫВОДЫ

Биографическая рефлексия образовательных проектов является для взрослых студентов ресурсом самостоятельности, инициативности, осмысленности учебной и профессиональной сфер жизни. Рефлексия как средство управления образовательными проектами повышает самоэффективность студентов, стимулирует свободу выбора, критичность в оценках результатов, доверие собственным решениям, ясность целевого содержания проектов, формируя «зону ближайшего развития» постоянной трудовой жизни.

С возрастом (17–35 лет) у взрослых студентов наблюдается снижение зависимости образовательных проектов от социальных ожиданий, они вкладывают больше собственного жизненного опыта в процессы, связанные с формированием, реализацией и оценкой образовательных проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Клементьева М.В. «Подлинное Я» как предиктор формирующейся взрослости студентов. *Психологическая наука и образование*. 2020;25(3):64–74. DOI: 10.17759/pse.2020250306
2. Reker G.T. Theoretical Perspective Dimensions and Measurement of Existential Meaning. In: Reker G.T., Chamberlain K., eds. *Exploring Existential Meaning: Optimizing Human Development across the Life Span*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 2000.
3. Landberg M., Lee B., Noack P. What Alters the Experience of Emerging Adulthood? How the Experience of Emerging Adulthood Differs According to Socioeconomic Status and Critical Life Events. *Emerging Adulthood*. 2019;7(3):208–222. DOI: 10.1177/2167696819831793
4. Обухова Л.Ф., Шаповаленко И.В., Одинцова М.А., ред. *Горизонты зрелости. Сборник научных статей*. М.: ГБОУ ВПО МППУ; 2015. 246 с.
5. Выготский Л.С. *Психология развития человека*. М.: Смысл; Эксмо; 2004. 1136 с.
6. Cervone D., Little B.R. Personality architecture and dynamics: The new agenda and what's new. *Personality and Individual Differences*. 2019;136(16):12–23. DOI: 10.1016/j.paid.2017.07.001

7. Клементьева М.В. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс личностного развития взрослого человека. Тула: Изд-во ТулГУ; 2016. 518 с.
8. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл; 2000. 18 с.
9. Little B.R., Gee T.L. The methodology of personal projects analysis: four modules and a funnel. In: Little B.R., Salmela-Aro K., Phillips S.D. eds. *Personal Project Pursuit: Goals, Action, and Human Flourishing*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 2007. DOI: 10.4324/9781315089928-2
10. Рязанцева Е.Ю. Психометрические характеристики методики оценки личностных проектов. *Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters)*. URL: <http://emissia.org/offline/2019/2803.htm>.

REFERENCES

1. Klementeva M.V. The “Authentic Self” as a Predictor of Emerging Adulthood in Students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye = Psychological Science and Education*. 2020;25(3):64–74. (In Russ.). DOI: 10.17759/pse.2020250306
2. Reker G.T. Theoretical Perspective Dimensions and Measurement of Existential Meaning. In: Reker G.T., Chamberlain K. eds. *Exploring Existential Meaning: Optimizing Human Development Across the Life Span*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 2000.
3. Landberg M., Lee B., Noack P. What Alters the Experience of Emerging Adulthood? How the Experience of Emerging Adulthood Differs According to Socioeconomic Status and Critical Life Events. *Emerging Adulthood*. 2019;7(3):208–222. DOI: 10.1177/2167696819831793
4. Obukhova L.F., Shapovalenko I.V., Odintsova M.A., eds. *The horizons of maturity*. Moscow: GBOU VPO MGPPU; 2015. 246 p. (In Russ.).
5. Vygotskii L.S. *Psychology of development of the person*. Moscow: Smysl; Eksmo; 2004. 1136 p. (In Russ.).
6. Cervone D., Little B.R. Personality architecture and dynamics: The new agenda and what’s new. *Personality and Individual Differences*. 2019;136(16):12–23. DOI: 10.1016/j.paid.2017.07.001
7. Klementeva M.V. The biographical reflection as a resource for the personal development in adults. Tula: Tula State University; 2016. 518 p. (In Russ.).
8. Leontev D.A. *Purpose-in-Life Test*. Moscow: Smysl; 2003. 487 p. (In Russ.).
9. Little B.R., Gee T.L. The methodology of personal projects analysis: four modules and a funnel. In: Little B.R., Salmela-Aro K., Phillips S.D., eds. *Personal Project Pursuit: Goals, Action, and Human Flourishing*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 2007. DOI: 10.4324/9781315089928-2
10. Rjazanceva E. Yu. Psychometric characteristics of the methodology for evaluating personal projects. *The Emissia. Offline Letters*. 2019;12:2803. URL: <http://emissia.org/offline/2019/2803.htm>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Владимировна Клементьева — доктор психологических наук, доцент, профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
MVKlementeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Klementyeva — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia
MVKlementeva@fa.ru

Статья поступила 28.12.2020; принята к публикации 15.04.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 28.12.2020; accepted for publication on 15.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-125-132

УДК 378.1(045)

Социальные сети как феномен виртуального обучения в условиях информационного общества

Н.А. Гаража^а, И.Г. Рзун^б, Г.Э. Ирицын^с

Финансовый университет, Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-4246-7699>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-1962-6316>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-4421-1689>

АННОТАЦИЯ

В работе представлены в краткой форме основные стратегии развития образования в условиях информационного общества, дан рефлексивный обзор литературы и практики по оценке влияния информационно-коммуникационных технологий на систему образования. Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих данную, совсем еще молодую сферу образования, демонстрирует активное институциональное участие в интеграции новых технологий во все сферы жизнедеятельности общества. В статье описываются концептуально-методологические основы культуры информационного общества, предлагаемые для интерпретации и всестороннего оценивания процессов обучения, в частности формирование цифровых компетенций через технологии социальных сетей. Отмечается, что устойчивое развитие современного социума невозможно без активного задействования образовательного ресурса социальных сетей. При этом отмечается гуманистическое значение информационного общества, его демократический потенциал в процессе социализации личности каждого человека и гражданина. Сделаны выводы о том, что, несмотря на все проблемы и затруднения, необходима дальнейшая работа в этом важном и перспективном направлении в условиях динамично развивающегося информационного общества. **Ключевые слова:** информация; социальные сети; цифровые компетенции; бизнес-аналитика; большие данные; информационная культура; информационное общество; образование

Для цитирования: Гаража Н.А., Рзун И.Г., Ирицын Г.Э. Социальные сети как феномен виртуального обучения в условиях информационного общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):125-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-125-132

ORIGINAL PAPER

Social Networks as a Phenomenon of Virtual Learning in the Information Society

N.A. Garazha^a, I.G. Rzun^b, G.E. Iritsyan^c

Financial University, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0003-4246-7699>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-1962-6316>;

^c <https://orcid.org/0000-0003-4421-1689>

ABSTRACT

The paper presents in a brief form the main strategies for the development of education in the information society, gives a reflexive review of literature and practice to assess the impact of information and communication technologies on the education system. An analysis of the normative legal acts governing this still very young sphere of education demonstrates active institutional participation in integrating new technologies into all spheres of society. The paper describes the conceptual and methodological foundations of the culture of the information society, proposed for the interpretation and comprehensive assessment of learning processes, particularly the formation of digital competencies through the technology of social networks. The author noted that the sustainable development of modern society is impossible without the active involvement of the educational resource of social networks. At the same time, the humanistic significance of the information society is noted, its democratic potential in the process of socialization of the personality of each person and citizen is noted. The author concluded that, despite all the problems and difficulties, further work is needed in this important and promising direction in the context of a dynamically developing information society.

Keywords: information; business informatics; business intelligence; big data; information culture; information society; education

For citation: Garazha N.A., Rzun I.G., Iritsyan G.E. Social networks as a phenomenon of virtual learning in the information society. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):125-132. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-125-132

ВВЕДЕНИЕ

В 70-е гг. XX в. футуролог Э. Тоффлер прогнозировал скорое наступление информационной стадии в развитии общества, что звучало фантастично. Речь шла о третьей техногенной волне и культурном шоке ближайшего будущего. Но уже через 20 лет после этого создается интернет, — сначала как локальная, а затем как глобальная информационная сеть, соединившая множество компьютеров. В XXI в. человечество вступило уже с полной уверенностью в безграничных возможностях новых технологий, к тому же эти технологии стали общедоступными и демократичными. Количество информации стало быстро возрастать, а цифровые технологии, мобильные устройства и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей во всем мире.

На начало текущего года население Земли составляло 7,83 млрд чел. Из них мобильными устройствами пользуются 5,22 млрд чел., что составляет 66,6% мирового населения. Интернет используют 4,66 млрд чел. Сейчас в мире насчитывается 4,2 млрд пользователей социальных сетей. За последний год эта цифра выросла на 490 млн (более чем на 13%). Социальные сети в 2021 г. используют 53,6% населения Земли¹. В России сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) вошел в число лидеров экономики по динамике валовой добавленной стоимости (ВДС) по итогам 2020 г., увеличившись на 2,8% по сравнению с предыдущим годом².

В исследовательской среде продолжается дискуссия по поводу сущности и происхождения информационных технологий, а также дальнейших путей их развития, специфики влияния на все стороны развития и жизнедеятельности общества, в том числе в такой важной плоскости, как образование [1]. Интенсивная информатизация системы образования вносит свои коррективы во все аспекты процесса, выводя в приоритетные новые образовательные программы, модули и дисциплины, углубляя процессы междисциплинарности и практико-ориентированности. В процесс образования активно включаются дистанционные технологии, социальные коммуникативные площадки. Хотя виртуальные социальные сети

набирают наивысшую популярность в XXI в., как средство общения они существуют давно и служат предметом изучения социологов, философов, антропологов и культурологов [2]. В связи с активным вовлечением системы образования в сферу цифровизации необходим взвешанный подход к оценке изменений, происходящих в ней, с адекватным пониманием качества новаторских изменений.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Как верно выстроить свою профессиональную карьеру в ситуации глобальных перемен, в условиях развития информационного общества, не сломав ее еще на старте? Этот вопрос волнует многих при выборе профессии, так как стремительная эволюция общества в эпоху IT-технологий требует формирования новых направлений и специальностей. Многих априори пугает выбор информационных направлений. Предполагается, что придется изучать сложные математические и информационные дисциплины. Но данная специализация изучает современные средства сбора и обработки информации, а современная жизнедеятельность человека немыслима без анализа данных.

Самые востребованные на данный момент направления: бизнес-анализ, искусственный интеллект, робототехника, анализ больших данных. Эти специалисты необходимы во всех сферах, где используются данные, например IT, ритейл, финансы, здравоохранение, игровая индустрия, киберспорт, телеком, маркетинг и т.д. Именно от грамотной работы аналитика зависит будущее компании: оптимизированные расходы, прибыль, отлаженные процессы, основанные не на голословных догадках, а на данных. И, более того, цифровые компетенции также выступают важнейшим элементом «цифровой зрелости» профессионала во всех областях деятельности [3, с. 50].

Важная роль информатизации в достижении целей в области устойчивого развития неоднократно подчеркивалась сообществом ИКТ, международными организациями. Необходимое понятийное и регулятивное пространство распространения информационных технологий в обществе, их активную интеграцию во все сферы его жизнедеятельности, в том числе в сферу образования, формируют международные и на-

¹ Отчет о состоянии цифровой сферы Global Digital 2021. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>.

² Сектор ИКТ вошел в группу лидеров по динамике экономического роста за 2020 год. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10788669>

циональные нормативно-правовые источники. Например, «Концепция ООН об обеспечении международной информационной безопасности»³ была выработана с целью усиления координации и укрепления сотрудничества между государствами в борьбе с преступным использованием информационных технологий. Здесь важна роль Организации Объединенных Наций и других международных и региональных организаций в сфере соблюдения международного законодательства, сохранения прав человека в условиях развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). ООН посредством данного документа подчеркивает важность безопасного, непрерывного и стабильного функционирования интернета и необходимость защиты его и других информационно-коммуникационных сетей от возможного неблагоприятного воздействия и угроз. В этой деятельности существенным фактором является именно общее понимание вопросов безопасности интернета и дальнейшего сотрудничества на национальном и международном уровнях.

Одну из ведущих ролей международного партнерства играет статистическое измерение ИКТ с целью развития. Перечень измеряемых ООН показателей охватывает такие области, как: инфраструктура ИКТ и доступ к ним, доступ к ИКТ и их использование домашними хозяйствами и отдельными лицами, использование ИКТ предприятиями, сектор ИКТ, торговля товарами и услугами в области ИКТ, ИКТ в сфере образования, электронные отходы и электронное правительство⁴. Поскольку глобальные процессы интенсивности распространения ИКТ неуклонно росли в течение последнего десятилетия и достигли значительного уровня, актуален вопрос о получении консолидированных данных в поддержку линейной прогрессии влияния интенсивности развития и распространения информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества. Необходимо выяснить, как используют и трансформируют влияние ИКТ организации, общество в целом и индивидуаль-

ные способности и поведение человека. Все это делает проблему эндогенности ИКТ более острой [4]. Существенную роль в раскрытии потенциала сильной культуры высокотехнологичного предпринимательства занимает создание условий для высокого уровня подготовки и образования [5].

Движущей силой технологических и социальных изменений выступают компьютерные инженеры и технические специалисты, которые разрабатывают новое оборудование и программное обеспечение, а также гражданское общество и обычные пользователи ИКТ, которые в восходящем процессе определяют, что лучше для общества. Это альтернативное видение информационного общества достаточно хорошо резюмирует основные аргументы стран — членов ЮНЕСКО и экспертов в пользу межправительственного консенсуса, позволяющего бесплатный и равный доступ к информации об экономических показателях или технологической инфраструктуре. Это путь создания справедливого и инклюзивного общества, в котором многие люди будут влиять на информационную среду, совместно создавать информацию и ценности и в конечном итоге работать во имя лучшего и более равноправного общества. Децентрализованный характер сложной технологической системы имеет то преимущество, что контроль и изменение возможны не только сверху, но и снизу [6, с. 385].

Для такой чувствительной сферы, как образование, тем более важны четкость, системность и правовая и этическая однозначность в вопросе интеграции ИКТ в образовательное пространство. Рекомендации ЮНЕСКО о многоязычии и всеобщем доступе в киберпространство обосновывают не только максимально положительные эффекты цифровизации (доступность миллионам учащихся полного среднего образования, обеспечение дополнительных 3,3 млн рабочих мест, помощь в решении проблем, связанных с распространением и последствиями пандемии COVID-19), но и напоминают о рисках и вызовах, обусловленных злонамеренным использованием технологий, а также углубляющимся неравенством между странами⁵.

Подготовка человека к жизни в информационном обществе, согласно мнению ЮНЕСКО

³ Концепция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция 2011). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document112/> (дата обращения: 16.03.2021).

⁴ Доклад Партнерства для статистического измерения информационно-коммуникационных технологий в целях развития Экономического и Социального Совета ООН. 16.12.2019. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/51st-session/documents/2020-23-ICT-R.pdf>.

⁵ Безопасное и этическое киберпространство, цифровые активы и риск: как оценить неосознаваемые последствия этого растущего явления? URL: <https://ru.unesco.org/events/bezopasnoe-i-eticheskoe-kiberprostranstvo-cifrovye-aktivyi-i-risk-kak-ocenit-neosyazaemye>.

и ИФЛА (Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений), является объектом трансдисциплинарных исследований, предполагающих поиск решений на международном и национальном уровнях, объединение усилий разных социальных сил: политиков, ученых, просветителей, общественных движений, традиционных и новых СМИ, формирующих общественное сознание [7, с. 259].

Политические полномочия по связанным с ИКТ вопросам государственной политики являются суверенным правом государств. В Российской Федерации вопросы отношений, возникающих при создании и использовании информационных технологий, организации и обеспечении защиты информации и т.д. регламентирует Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶, Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»⁷ и Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁸. Генеральной целью стратегии является построение «общества знаний», в котором «преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов РФ».

В этом смысле важным представляется преодоление неоднозначности трактовки понятий «информация» и «знание», что крайне важно как для современной системы образования, так и для дальнейшего нормативно-правового и организационного обеспечения процессов информатизации. «Вся информация в обычном смысле слова — это знание, хотя не все знания можно назвать информацией» или «информация — это выражение воздействия внешнего на внутрен-

нее, а знание — часть ментального внутреннего человека и общества?» [8]. При том, что знания в форме информации чрезвычайно подвижны, постоянно возникают по мере появления новых требований пересмотра в новых контекстах. Таким образом, современное знание находится в состоянии постоянной готовности к изменениям, и это подвижное состояние информации провоцирует ее новаторство [9, с. 458]. Динамичная современная информационная компьютерная эра дает человеку уникальный шанс: при помощи современных технологий осуществить социальные преобразования, делая акцент на возможностях творческой самореализации человека, расширяя значение гуманизма как социальной практики в новых технологических реалиях. Средством вхождения человека в иное информационное пространство, инструментом его социализации является информационная культура [10, с. 15] — совокупность знаний и умений безопасно действовать в виртуальном пространстве для достижения своих целей без ущерба другим участникам виртуального пространства [11, с. 13].

Информационная культура может сформироваться исключительно в рамках образовательного процесса, причем важна не только технологическая сторона ИКТ, но социальная ответственность, которую развивают, поддерживают и понимают все члены общества. Так, уже есть примеры использования социальных медиа в качестве образовательных платформ для подготовки оппозиционеров [12, с. 7].

В высшем образовании социальные сети становятся необходимыми для взаимодействия с участниками образовательного процесса [13].

Предметная задействованность социальных сетей в образовательном процессе многообразна, в том числе в этически сложных дисциплинах, например сексуальном образовании [14] или направлениях подготовки в области хирургии [15].

Тем не менее, осознавая стимулирующий эффект развития технологий и COVID-19 на расширение спектра интеграции ИКТ в образовательное пространство, необходимо понимать, что социальные сети, как и иные цифровые ресурсы, кардинально не влияют на эффективность студента в усвоении изучаемого предмета, его мотивацию [16, с. 8]. Социальные сети могут быть эффективными только в улучшении процесса обучения при соблюдении определенных условий.

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

⁷ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002>.

Говоря об активном использовании социальных сетей в образовании, необходимо указать на такие проблемы, как: отсутствие универсального и унифицированного программного обеспечения для администрирования информации в социальных сетях; отсутствие единого стандарта, позволяющего педагогу использовать социальную сеть для трансляции знаний и получения обратной связи; цифровая компетентность педагогов; отсутствие финансовой мотивации педагогов при использовании информационных технологий [17, с. 429].

В целом, система образования легко перешла на платформы соцсетей, которые представлены наиболее простыми сервисами и встроенными технологиями, в отличие от сайтов.

Многие образовательные учреждения в настоящее время не только используют технологии в качестве дополнения к обучению, но требуют от учащихся владения ими за рамками учебного процесса. Для создания образовательного проекта необходимо выявить различные формы онлайн-преподавания и обучения; изучить мнение учителей и студентов об онлайн-обучении; изучить проблемы, с которыми сталкиваются учителя и ученики при адаптации к процессу онлайн-преподавания и обучения.

Темпы использования социальных сетей растут по экспоненте: ежегодный темп прироста пользователей составляет около 10%. По рейтинговым исследованиям, за 2020 г. было зарегистрировано более 1,3 млн новых аккаунтов, что составляет примерно 15,5 новых пользователей в секунду.

Выделяют несколько типов социальных сетей: профессиональные, личные блоги, сайты для общения и знакомств, соцсети для поиска обществ или конкретных людей.

Для процесса обучения наиболее интересны типы сетей, где можно реализовать или приобрести профессиональные компетенции. При обилии социальных сетей необходимо выбрать максимально комфортную для поставленных образовательных целей и задач, а также определить стратегию краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного роста [18, с. 4].

Американской социальной сетью Facebook пользуются около 800 млн чел. Она позволяет преподавателям университетов создавать курсы для студентов, организациям — создать закрытую корпоративную сеть сотрудников на платформе Facebook. Работники одной компании могут

находиться на постоянной связи с коллегами из разных филиалов, публиковать новости своей организации и т.д. Примерно по тому же принципу работает MySpace. Специалисты компаний Adobe и Cisco считают, что социальные сети очень удобны для участников конференций.

Также замечено, что людям нравится изучать иностранные языки, используя интернет. На данный момент существуют несколько социальных сетей, предназначенных для изучения иностранных языков (Italki, My language exchange и др.). Регистрирующийся на этих сайтах пользователь изучает иностранный язык, взаимодействуя с другим пользователем — носителем этого языка, в ответ обучая его своему родному языку.

Применение в виртуальных учебных группах технологий форумов и вики позволяет всем участникам самостоятельно или совместно создавать сетевой учебный контент, что стимулирует познавательную деятельность. Возможность совмещения индивидуальных и групповых форм работы способствует лучшему пониманию и усвоению материала, а также выстраиванию индивидуальных образовательных траекторий. Общее для всех участников учебного процесса коммуникативное пространство дает возможность коллективно оценивать процесс и результат работы.

Понятные большей части интернет-аудитории идеология и интерфейс социальных сетей позволяют сэкономить время, минуя этап адаптации учащихся к новому коммуникативному пространству. Мультимедийность коммуникативного пространства предельно облегчает загрузку и просмотр в виртуальной учебной группе видео- и аудиоматериалов, интерактивных приложений.

Если тренд сохранится, то в 2021 г. все пользователи в мире проведут в соцсетях в общей сложности 3,7 трлн часов, что эквивалентно более 420 млн лет совокупного человеческого существования. Российские пользователи проводят в соцсетях в среднем около 3 часов в день, что приближается к общемировым показателям. В целом, средний пользователь со всех устройств проводит в интернете почти 7 часов в день. Более 90% используют более двух социальных сетей. Возрастная категория — без ограничений, что не всегда является нравственно и морально приемлемым.

Социологи выделяют самые популярные причины использования социальных сетей (см. таблицу).

Анализ мотиваций использования социальных сетей / Analysis of motivations for using social networks

Образовательный ресурс социальных медиа остается недостаточно оцененным и освоенным пользователями. А ведь такой подход представляет собой трансформационный сдвиг (по крайней мере, в высшем образовании): от восприятия цифровых компетенций как учебного навыка — к признанию их роли в гражданском обществе [19]. При этом необходимо учитывать платформенные различия, влияние культуры на специфические черты в использовании социальных сетей в разных странах [20].

ВЫВОДЫ

Как видно из результатов исследования, обучение через социальные сети пока еще не до конца освоено и требует сформированных профессиональных компетенций. Современные педагоги в достаточной степени не владеют цифровыми компетенциями и не способны донести знания с помощью существующих технологий. Но реалии настоящего и требования ближайшего будущего предполагают активную работу в данном направлении.

Есть возможность расширить это исследование, изучив вопрос о том, как институциональная поддержка может обеспечить преодоление барьеров, с которыми сталкивается профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений в выстраивании своего профессионального вектора развития с акцентом на цифровые компетенции.

Более того, этические вопросы, связанные с конфиденциальностью, интеллектуальным анализом данных и последующим использованием информации, собранной с сайтов социальных сетей, требуют дальнейшего внимания исследователей. Существует возможность предоставить подробные инструкции для преподавателей и, по сути, всех пользователей социальных сетей, что-

Повод для использования соцсети	Показатель, в %
Новости и события	36,5
Развлечения/смешной контент	35
Убить свободное время	34,4
Любознательство, следить за друзьями	33
Делиться фото и видео	27,9
Поиск товаров и услуг	27,5
Общение	26,8
Быть «как все», потому что друзья в сети	25,1
Делиться мнением	23,4
Знакомство	21,3
Профессиональное общение	20,3
Светские новости	17,6
Делиться информацией о своей жизни	16,3

Источник / Source: Интернет и соцсети в России в 2021 году – вся статистика. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> / Internet and social networks in Russia in 2021 – all statistics. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/>.

бы гарантировать, что люди правильно информированы и осведомлены о том, как они могут взять на себя ответственность за использование информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Никитин М. Н. Информационное общество и виртуальное (дистанционное) образование. *Педагогика: история, перспективы*. 2020;3(4):25–35.
Nikitin M. N. Information society and virtual (distance) education. *Pedagogika: istoriya, perspektivy*. 2020;3(4):25–35. (In Russ.).
2. Руденко Ю. Ю. Виртуальные социальные сети и возможности их использования в социокультурной коммуникации в условиях информационного общества. *Общество: философия, история, культура*. 2020;7(75):105–108.
Rudenko Yu. Yu. Virtual social networks and the possibilities of their use in socio-cultural communication in the information society. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2020;7(75):105–108. (In Russ.).
3. Можаяева Г. В. Цифровые компетенции в модели актуальных компетенций управленческих кадров. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;6(10):49–55. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–6–49–55

- Mozhaeva G. V. Digital competencies in the model of actual competencies of management personnel. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Financial University Bulletin*. 2020;6(10):49–55. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–6–49–55
4. Misuraca G. From Practice to Theory and back to Practice: Reflexivity in Measurement and Evaluation for Evidence-based Policy Making in the Information Society. *Government Information Quarterly*. 2013;(30):68–82. DOI: 10.1016/j.giq.2012.07.011
 5. Falch M. Digital Denmark: from the information society to network society. *Telecommunications Policy*. 2000;(24):377–394.
 6. Pohle J. UNESCO and INFOethics: Seeking global ethical values in the Information Society. *Telematics and Informatics*. 2015;(32):381–390. DOI: 10.1016/j.tele.2014.05.006
 7. Пономарев В. Д., Шунков А. В., ред. Культура России, основанная на знаниях: традиции и инновации подготовки кадров в сфере культуры и искусства. Кемерово: КемГИК; 2019. 312 с.
Ponomarev V. D., Shunkov A. V., eds. Russian culture based on knowledge: traditions and innovations of personnel training in the field of culture and art. Kemerovo: KemGIK; 2019. 312 p. (In Russ.).
 8. Karpov A. O. The problem of separating the notions of “knowledge” and “information” in the knowledge society and its education. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017;(237):804–810. DOI: 10.1016/j.sbspro.2017.02.152
 9. Pogukaeva N. Cognitive management in the information society context. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015;(166):456–459. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.553
 10. Кorableва Е. В. Информационная культура как фактор идентификации человека в цифровом пространстве. *Цивилизация – Общество – Человек*. 2018;(6–7):15–16.
Korableva E. V. Information culture as a factor in human identification in the digital space. *Tsivilizatsiya – Obshchestvo – Chelovek*. 2018;(6–7):15–16. (In Russ.).
 11. Муромцев В. В. Информационная культура в виртуальном пространстве. *Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика*. 2018;(1):11–19.
Muromtsev V. V. Information culture in the virtual space. *Vestnik RGGU. Seriya: Informatika. Informatsionnaya bezopasnost'. Matematika*. 2018;(1):11–19. (In Russ.).
 12. Сургуладзе В. Ш. Социальные медиа — инструменты социально-политической дестабилизации общества: уроки, тенденции, перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;1(10):6–13. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–1–6–13
Surguladze V. Sh. Social media are instruments of socio-political destabilization of society: lessons, trends, prospects. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Financial University Bulletin*. 2020;1(10):6–13. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–1–6–13
 13. Tudjman M. Culture and information society: the Japanese way. *Information Processing & Management*. 1991;21(213):229–243.
 14. Todaro E. Are Social Media a problem or a tool? New strategies for sexual education. *Sexologies*. 2018;(27):67–70. DOI: 10.1016/j.sexol.2018.05.006
 15. Cabrera L. F. Impact of social media on the continuous education of the general surgeon, a new experience, @ Cirbosque: A Latin American example. *Surgery*. 2020;(167):890–894. DOI: doi.org/10.1016/j.surg.2020.03.008
 16. Lacka E. Can digital technologies improve students’ efficiency? Exploring the role of Virtual Learning Environment and Social Media use in Higher Education. *Computers & Education*. 2021;(163):1–11. DOI: 10.1016/j.compedu.2020.104099
 17. Stathopoulou A. A multi-stakeholder view of social media as a supporting tool in higher education: An educatore-student perspective. *European Management Journal*. 2019;(37):421–431. DOI: 10.1016/j.emj.2019.01.008
 18. L’opez-Carril S. Social media in sport management education: Introducing LinkedIn. *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*. 2020;(27):1–6. DOI: 10.1016/j.jhlste.2020.100262
 19. Tagg C. Context design and critical language/media awareness: Implications for a social, digital literacies education. *Linguistics and Education*. 2021;(62):1–9. DOI: 10.1016/j.linged.2019.100776
 20. Manca S. Snapping, pinning, liking or texting: Investigating social media in higher education beyond Facebook. *The Internet and Higher Education*. 2020;(44):1–13. DOI: 10.1016/j.iheduc.2019.100707

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Алексеевна Гаража — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
nagarazha@fa.ru

Ирина Геннадьевна Рзун — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
IGRzun@fa.ru

Гурген Эдмондович Ирицян — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Новороссийский филиал Финансового университета, Новороссийск, Россия
Girits@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Garazha — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Informatics, Mathematics, and General Humanities, Novorossiysk Branch, Financial University, Novorossiysk, Russia
nagarazha@fa.ru

Irina G. Rzun — Cand. Sci. (Physical and Mathematical Sciences), Associate Professor, Department of Informatics, Mathematics, and General Humanities, Novorossiysk Branch, Financial University, Novorossiysk, Russia
IGRzun@fa.ru

Gurgen E. Iritsyen — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Informatics, Mathematics, and General Humanities, Novorossiysk Branch, Financial University, Novorossiysk, Russia
Girits@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. А. Гаража — разработка общей концепции, теоретико-обзорная часть исследования.

И. Г. Рзун — практически-аналитическая часть исследования.

Г. Э. Ирицян — экспертная оценка исследования.

Authors' declared contributions:

N. A. Garazha — development of a general concept, theoretical, and overview part of the study.

I. G. Rzun — a practical-analytical part of the study.

G. E. Iritsyen — expert assessment of the study.

Статья поступила 15.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.04.2021; accepted for publication on 12.05.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-133-138

УДК 37.013(045)

Цифровая трансформация иноязычного образования в оптике ключевых изменений и перспектив развития в современном обществе

Н.Г. Кондрахина^а, Н.Е. Южакова^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-3299-2617>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3683-7166>

АННОТАЦИЯ

В рамках данной статьи рассматривается проблематика трансформации иноязычного образования из-за распространения трендов цифровизации, что повлияло на системы традиционного иноязычного образования, в частности на требования к подготовке и результаты обучения будущих специалистов. Подчеркивается, что цифровизация диктует необходимость оптимизации профессионально ориентированной подготовки студентов и требует пересмотра базовых аспектов обучения иностранным языкам. Особый акцент делается на специфике деятельности преподавателей в ходе иноязычного образования, а также на формировании специальной компетенции. Обращается внимание на сущность цифровизации применительно к иноязычному образованию, а также на такие его аспекты, как решение профессиональных задач на иностранном языке, развитие профессионального мышления и овладение иноязычным профессиональным дискурсом. Авторы отмечают, что нынешняя иноязычная подготовка даже в вузе уделяет недостаточно внимания активизации и развитию творческого потенциала обучающихся. В работе рассмотрена технология кейс-стади как эффективный метод, который можно использовать в рамках иноязычного образования в вузе.

Ключевые слова: дистанционное обучение; дискурс; иноязычное обучение; профессиональное мышление

Для цитирования: Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Цифровая трансформация иноязычного образования в оптике ключевых изменений и перспектив развития в современном обществе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):133-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-133-138

ORIGINAL PAPER

Digital Transformation of Foreign Language Education in Modern Society in Terms of Key Changes and Development Prospects

N.G. Kondrakhina^а, N.E. Yuzhakova^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-3299-2617>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3683-7166>

ABSTRACT

Within the framework of this article, the authors considered the problems of the transformation of foreign language education due to the spread of digitalisation trends, which influenced the systems of traditional foreign language education, especially the requirements for training and the learning outcomes of future specialists. It is emphasised that digitalisation dictates the need to optimise the professionally-oriented training of students and requires a revision of the basic aspects of teaching foreign languages. The particular emphasis we placed on the specifics of the activities of teachers in the course of foreign language education and the formation of special competence. Attention is drawn to the essence of digitalisation in relation to foreign language education and to such aspects as solving professional problems in a foreign language, developing professional thinking, and mastering a foreign language professional discourse. The authors note that the current foreign language training, even at the university, pays insufficient attention to students' creative potential activation and development. The paper considers the case study technology as an effective method that can be used in the framework of foreign language education at a university.

Keywords: distance learning; discourse; foreign language teaching; professional thinking

For citation: Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E. Digital transformation of foreign language education in modern society in terms of key changes and development prospects. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):133-138. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-133-138

Обучению иностранным языкам всегда уделялось большое внимание. И если ранее на ориентированную иноязычную подготовку будущих специалистов обращалось внимание только на высшей ступени образования, сейчас она распространяется на все ступени, включая и старшие классы профильной школы.

Такой поворот событий, повлекший за собой изменения в традиционной системе образования, сложился за счет быстрого развития общества, а также изменений в требованиях к подготовке будущих специалистов [1–3]. Одним из важных элементов стало такое обучение иностранному языку, которое способствует формированию профессиональной компетенции [4].

Согласно Е. И. Пассову, процесс иноязычного обучения в качестве иноязычного образования обладает большим потенциалом, так как сочетает в себе четыре аспекта: познавательный (познание культуры и языка), развивающий (развитие различных способностей и речемышля), воспитательный (воспитание нравственных качеств) и учебный (овладение иноязычной коммуникативной компетенцией) [5]. Такой процесс подталкивает обучающихся к взаимодействию с объектами неродной культуры, которые осваиваются в результате изучения иностранного языка [6].

Приоритетное направление образования в развитии иноязычной профессионально ориентированной подготовки учеников и студентов требует пересмотра базовых аспектов обучения иностранным языкам. Необходимо уделять огромное внимание развитию профессионального мышления обучающегося в рамках не только профессиональной сферы деятельности, но и деловой, а также — научной. Однако возникает проблема: одного лишь преподавания дисциплин на иностранном языке недостаточно для того, чтобы сломать языковой барьер обучающихся в процессе межкультурной коммуникации, поскольку студенты зачастую занимаются пассивным чтением и переводом профессионально ориентированных текстов без возможности общения и правильного выражения мыслей посредством письма [7–9].

Н. Д. Гальскова рассматривает иностранный язык в контексте формирования профессиональной направленности и отмечает, что как раз при изучении иноязычного профессиональ-

но ориентированного материала обучающийся добывается двусторонней связи между приобретением специальных знаний и успешным овладением иностранным языком [10].

По мнению автора, иностранный язык является эффективным средством для ориентирования как в социальной, так и профессиональной неязыковой среде. И для того чтобы реализовать потенциал данного предмета, должен быть соблюден ряд условий, таких как: четкая формулировка цели иноязычной речевой деятельности; конкретная профессиональная и социальная направленность иноязычной речевой деятельности; удовлетворенность обучаемых при решении поставленных и проблемных задач; формирование и развитие креативных и творческих навыков учащихся, а также благоприятный психологический климат в учебной среде [11].

Процесс иноязычного профессионально ориентированного обучения включает в себя развитие не только образовательной, но и профессионально направленной деятельности будущего специалиста. И в целях эффективного процесса такого обучения необходимо создавать оптимальные условия для формирования специальной компетенции. Для развития иноязычного образования и его внедрения в профессиональную деятельность в учебный план был введен специальный предмет.

Решение профессиональных задач на иностранном языке может быть осуществлено только в процессе профессионально ориентированного иноязычного общения. Поэтому задачи современной профильной школы, приведенные выше, полностью соответствуют задачам подготовки учеников с целью овладения ими навыков начального иноязычного профессионально ориентированного общения.

Термин «общение» можно понимать как обмен информацией, ее передача, хранение, переработка и воспроизведение. Также данный термин можно определить как процесс взаимодействия людей, социальных групп, профессиональных сообществ, при котором происходит обмен информацией, опытом и результатами деятельности [8, 12].

Иноязычное общение на неродном языке между коммуникантами уже будет включать в себя не только процесс передачи, хранения и воспроизведения информации, но и обмен языком, отражающим культуру народа, а также личность говорящего.

Согласно Л. В. Макара, профессионально ориентированное общение — это такое общение, которое выступает в качестве главного условия для развития и существования международного профессионального сообщества. Профессионально ориентированное общение характеризуется обменом, хранением и воспроизведением важной информации в сфере профессиональной деятельности [13]. Именно в процессе профессионально ориентированного общения осуществляется контакт между членами профессионального сообщества.

Рассматривая такое общение с психологической точки зрения, А. А. Леонтьев добавляет, что при нем развиваются умения четко строить речь и выражать свои мысли, находить выходы в проблемных жизненных ситуациях, а также ставить новые цели. Также происходит резвый процесс социализации, и общение становится на первое место [8].

С. С. Кунабаева под иноязычным профессионально ориентированным общением понимает «общение, которое обязательно для овладения в условиях компетентностного подхода типа иноязычной профессиональной компетенции студентов, будущая работа которых связана с отраслевыми международными взаимодействиями в основных областях жизнедеятельности стран-партнеров» [11].

Говоря об иноязычном профессиональном общении, мы имеем в виду профессионально ориентированную коммуникацию на иностранном языке, вслед за которой следует формирование иноязычной профессионально ориентированной коммуникативной компетенции учащихся. Прежде чем рассмотреть термин «иноязычная профессионально ориентированная коммуникативная компетенция», обратим внимание на важность некоторых аспектов.

Изучив методику преподавания иностранного языка в рамках программы иноязычной профилизации будущих специалистов, мы можем отметить, что нынешняя иноязычная подготовка даже в вузе уделяет недостаточно внимания активизации и развитию творческого потенциала обучающихся.

Программа обучения так же, как и раньше, предлагает студентам изучение правил и чтение профессионально ориентированных текстов и их перевод, что в корне не совпадает с тем, что высказывают Е. С. Полат и Л. И. Гурье [5].

По мнению авторов, формирование иноязычной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции будущих специалистов происходит за счет стимулирования речемыслительной активности через моделирование ситуативного профессионального общения [2]. Поэтому важную и неотъемлемую роль в изучении иностранных языков играет применение активных методов обучения. Сами авторы предлагают применение игровой технологии, но согласно теме нашего исследования, мы больше склоняемся к использованию кейс-стади технологии.

Процесс иноязычного профессионально ориентированного обучения включает в себя развитие не только образовательной, но и профессионально направленной деятельности будущего специалиста. И в целях эффективного процесса такого обучения необходимо создавать оптимальные условия для формирования специальной компетенции.

Кейс-стади, по определению Е. С. Полата, М. Ю. Бухаркиной, Ю. П. Сурмина и А. Н. Щукина, — интерактивный метод обучения, применяемый для решения проблемных образовательных задач. Сущность данного метода заключается в осмыслении, критическом анализе и решении конкретных практико ориентированных проблем (кейсов) с целью формирования у учащихся определенного уровня профессиональной иноязычной подготовки [2, 6, 14].

Преимущества кейс-метода заключаются в том, что он позволяет учитывать индивидуальные способности и интересы студентов, а также их профессиональную подготовку на любом уровне; вырабатывает у них собственный стиль мышления и поведения, что играет немаловажную роль в будущей профессиональ-

Рис. / Fig. Результаты опроса среди преподавателей иностранного языка, методистов и педагогов узконаправленных дисциплин / Results of a survey among foreign language teachers, methodologists and teachers of narrowly focused disciplines

Источник / Source: авторы / the authors.

ной деятельности. Отличительными чертами кейс-метода являются:

- проблемный характер: ставится проблема, затем следует ее решение;
- работа в команде: проблемный вопрос решается вместе;
- стимулирование учащихся не только на получение знаний, но и на осмысление теоретических концепций по заданной проблеме.

Кейс-метод очень гибок в решении проблемы, другими словами, не так жесток по отношению к условиям или способам решения проблемы [8, 15]. Изучив и проанализировав отечественную и зарубежную литературу, касающуюся применения кейс-метода на занятиях в иноязычной профильной среде, можно заключить, что данный метод способствует улучшению профессиональной подготовки учащихся посредством пополнения их профессионального лексикона; развитию когнитивных способностей (например, критического и аналитического мышления), синергетических способностей (работа в команде, умение общаться, выражение мыслей, самостоятельность и ответственность за принятие решений) [8, 11, 12, 14, 16].

На практике по теме данного исследования был проведен опрос среди преподавателей иностранного языка, методистов и педагогов узконаправленных дисциплин. Он касался проблемы эффективности применения кейс-стади — как на занятиях по изучению иностранного языка, так и на занятиях есте-

ственнаучного цикла, преподаваемых на иностранном языке [16].

Были заданы следующие вопросы:

- Считаете ли вы кейс-стади (ситуативную) технологию одним из эффективных методов обучения иностранному языку?
- Используете ли вы кейс-стади метод?

Если да, то какими преимуществами обладает данный метод обучения? Если нет, что является, по вашему мнению, основной причиной, по которой кейс-стади метод не используется.

- Как вы считаете, какие навыки при изучении иностранного языка могут развиваться у студентов при использовании метода решения проблемной ситуации (кейс-стади)?
- Считаете ли вы, что метод кейс-стади эффективен?
- Как вы думаете, возможно ли при помощи кейс-стади технологии формировать иноязычную профессионально ориентированную коммуникативную компетенцию?

Результаты опроса показали, что эффективность применения кейс-стади в процессе обучения очень высокая:

- «Считаю кейс-стади эффективной технологией. Данный метод комплексный и содержит все виды речевой деятельности».
- «Применение данной технологии действительно способствует формированию ключевых компетенций при условии высокого качества кейса».
- «Кейс-стади оптимально сочетает теорию и практику, развивает навыки работы

с разными источниками информации, способствует сотрудничеству» и т.д.

Однако итоговая статистика опроса показала различие в результатах между оценкой эффективности применения кейс-стади и его реальным использованием (см. рисунок). Согласно ответам опрашиваемых, причины нечастого применения данной технологии на уроках обуславливаются отсутствием достаточного количества учебного времени для того, чтобы дать возможность учащимся полностью вжиться в определенную ситуацию. В данном случае некоторые преподаватели предпочитают применение технологии не на уроках, а в качестве проектной работы. Также, по мнению некоторых респондентов,

кейс-стади требует высокого уровня владения иностранным языком, поэтому они не применяют его на своих уроках. Но из рисунка видно, что большинство преподавателей охотно применяет данный метод на своих уроках, поскольку считают, что благодаря данной технологии развиваются навыки критического мышления, умение работать в команде, слушать и слышать, дискутировать, принимать решения и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в большей степени метод кейс-стади является эффективной технологией для применения в иноязычно-профессиональном обучении для профессионально-ориентированного общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Абдрахманова А. Ж., Алипкалиева Г. Б. Цифровизация образования. URL: <http://www.zkoipk.kz/ru/smartconf2019/2-section/5075-conf.html>.
Abdrakhmanova A. Zh., Alipkaliyeva G. B. Digitalization of education. URL: <http://www.zkoipk.kz/ru/smartconf2019/2-section/5075-conf.html>. (In Russ.).
2. Баяндин Д. В. Виртуальная среда обучения: состав и функции. *Высшее образование в России*. 2011;(7):113–118.
Bayandin D. V. Virtual learning environment: composition and functions. *Higher education in Russia*. 2011;(7):113–118. (In Russ.).
3. Kennedy K. Intellectual property in the digital age. *Technology & Learning*. 2001;(2).
4. Grand-clement S. Education and skills in the digital age. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/1d3e/17b6f2814a959a6ac10b526672d992e956f6.pdf>.
5. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Курсы; 2010. 568 с.
Passov E. I., Kuzovleva N. E. Fundamentals of communication theory and technology of foreign language education: method. Manual for teachers of Russian as a foreign language. Moscow: Kursy; 2010. 568 p. (In Russ.).
6. Carr N. The shallows: what the internet is doing to our brains. New York and London: W. W. Norton & Company; 2011. 280 p.
7. Аветисян Д. Д. Мотивация и коммуникация в дистанционном обучении иностранным языкам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/motivatsiya-i-kommunikatsiya-v-distantsionnom-obuchenii-inostrannym-yazykam>.
Avetisyan D. D. Motivation and communication in distance learning foreign languages. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/motivatsiya-i-kommunikatsiya-v-distantsionnom-obuchenii-inostrannym-yazykam>. (In Russ.).
8. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл; 1999. 356 с.
Leontiev A. A. Psychology of communication. Moscow: Smysl; 1999. 356 p. (In Russ.).
9. Bloch J. Abdullah's Blogging: A Generation 1.5 student enters the blogosphere. *Language Learning and Technology*. 2007;(2):25–37.
10. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. М.: Аркти-Глосса; 2010. 165 с.
Galskova N. D. Modern methods of teaching foreign languages: a guide for the teacher. Moscow: Arkti-Glossa; 2010. 165 p. (In Russ.).
11. Кунанбаева С. С. Компетентностное моделирование профессионального иноязычного образования. Алматы; 2014. 208 с.

- Kunanbaeva S. S. Competence modelling of professional foreign language education. Almaty; 2014. 208 p. (In Russ.).
12. Аветисян Д. Д. Образовательный контент для дистанционного обучения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/obrazovatelnyy-kontent-dlya-distantsionnogo-obucheniya>.
Avetisyan D. D. Educational content for distance learning. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/obrazovatelnyy-kontent-dlya-distantsionnogo-obucheniya>. (In Russ.).
13. Макап Л. В. Обучение профессионально-ориентированному общению на английском языке студентов неязыкового вуза. Дис... канд. пед. наук. СПб.; 2000.
Makar L. V. Teaching professionally-oriented communication in English for students of a non-linguistic university. Dissertation. St. Petersburg; 2000. (In Russ.).
14. Долгоруков А. М. Case study как способ понимания. Практическое руководство для тьютера системы Открытого образования на основе дистанционных технологий. М.: Центр интенсивных технологий образования; 2018.
Dolgorukov A. M. Case study as a way of understanding. A practical guide for a tutor of the Open Education system based on distance technologies. Moscow: Center for Intensive Technologies of Education; 2018. (In Russ.).
15. Полат Е. С., Гурье Л. И. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. Учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия»; 2007. 368 с.
Polat E. S., L. I. Gurie. Modern pedagogical and information technologies in the education system. Textbook. Manual for students of higher. Study. Institutions. Moscow: Publishing Center "Academy"; 2007. 368 p. (In Russ.).
16. Сальная Л. К. Обучение профессионально ориентированному иноязычному общению. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ; 2020.
Salnaya L. K. Teaching professionally-oriented foreign language communication. Taganrog: Publishing house of TTI YuFU; 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Геннадиевна Кондрахина — кандидат филологических наук, доцент, профессор Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
NKondrakhina@fa.ru

Нина Евгеньевна Южакова — старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
NYuzhakova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalya G. Kondrakhina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
NKondrakhina@fa.ru

Nina E. Yuzhakova — Senior Lecturer, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
NYuzhakova@fa.ru

Статья поступила 15.04.2021; принята к публикации 22.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.04.2021; accepted for publication on 22.05.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-139-143

УДК 331.5(045)

Гендерная структура занятости в России как индикатор формирования нового гендерного порядка*

Л.А. Брушкова

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-3787-3791>

АННОТАЦИЯ

Предметом статьи является гендерная структура занятости в контексте формирования нового гендерного порядка в России. Эмпирической базой работы послужили данные статистики и социологических исследований. Рассматриваются тенденции к увеличению женщин в профессиях, требующих высшего образования, а также к существенному снижению числа женщин, занятых неквалифицированным трудом в качестве индикаторов формирования нового гендерного порядка в стране.

Ключевые слова: гендер; гендерная структура; занятость; гендерный порядок; мужские профессии; женские профессии; новый гендерный порядок; российское общество.

Для цитирования: Брушкова Л.А. Гендерная структура занятости в России как индикатор формирования нового гендерного порядка. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):139-143. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-139-143

ORIGINAL PAPER

Gender Structure of Employment in Russia as an Indicator of the New Gender Order Establishing**

L.A. Brushkova

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3787-3791>

ABSTRACT

The article's subject is the gender structure of employment in the context of the new gender order establishing in Russia. The empirical base of the research is data of statistic and sociological surveys. The author emphasises new trends to women growth in occupations that required high education and an essential decrease of unqualified female labour. Based on the analysis conducted, the author made the conclusion about the new gender order established in the country.

Keywords: gender; gender structure; employment; gender order; masculine occupations; female occupations; new gender order; Russian society

For citation: Brushkova L.A. Gender structure of employment in Russia as an indicator of the new gender order establishing. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):139-143. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-139-143

* Исследование выполнено в рамках научного проекта «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России», № 20-011-00519А при финансовой поддержке РФФИ.

** The research was carried out within the framework of the scientific project "Challenges and risks of the formation of a new gender order and the social mechanism of its management in Russia", No. 20-011-00519A with financial support from the Russian Foundation for Basic Research.

Гендерная структура занятости — это распределение мужчин и женщин по различным сферам и уровням занятости. Данное распределение обусловлено не только общественным разделением труда, но и является одним из проявлений социального неравенства в обществе, включая в себя как горизонтальную (отраслевую), так и вертикальную (профессионально-квалификационную и должностную) сегрегацию.

Гендерная сегрегация на рынке труда — это ситуация, когда женщины и мужчины неравномерно распределены по разным видам деятельности, в результате чего появляются преимущественно мужские (маскулинные) или преимущественно женские (феминные) отрасли, профессии или предприятия, основным негативным последствием чего является гендерный разрыв в оплате труда в пользу мужчин.

Рынок труда любой страны в той или иной мере сегрегирован, и для объективной оценки данного явления необходимо понимать, как изменяется гендерная структура занятости, какие факторы способствуют усилению или снижению гендерной асимметрии в распределении работников между отраслями и профессиями, к каким экономическим и социальным последствиям приводит существование гендерной сегрегации.

Особый научный и практический интерес представляет рассмотрение гендерных диспропорций на рынке труда в контексте формирования нового гендерного порядка, отличающегося значительным разнообразием национальных моделей профессиональной гендерной сегрегации, а также постепенным формированием гендерно нейтральных моделей занятости.

Формирование гендерной сегрегации в обществе происходит под воздействием множества факторов различного свойства, неся на себе отпечаток основных событий в экономической и культурной истории той или иной страны. Так, современная ситуация в России все еще находится под влиянием наследия СССР, в котором, несмотря на декларированное равенство полов, существовало деление отраслей, сфер трудовой деятельности и профессий на мужские и женские, что поддерживалось не только системой образования, СМИ, общественным мнением, но и системой оплаты труда в разных отраслях. Централизованная тарифная политика в сфере оплаты труда многие десятилетия отдавала предпочтение традиционно мужским отраслям: тяжелой и добывающей промышленности, строительно-монтажным работам, где мужчинам выплачивались надбавки за тяжесть

работ и за сверхурочный труд. В пользу мужчин складывалась и должностная иерархия, поэтому их заработки на любом предприятии обычно были выше, чем у женщин.

Гендерная сегрегация является частью гендерного порядка в обществе, определение которого ввел австралийский социолог Роберт (Рэйвин) Коннелл. Под гендерным порядком понимается совокупность институтов и практик, организующих социальные различия полов в конкретном обществе. Основными составляющими гендерного порядка являются:

- труд — организация домашней работы, уход за детьми и оплачиваемая занятость;
- власть — регулирующие структуры государства и бизнеса, насилие, регуляция сексуальности;
- катексис — образцы эмоциональных отношений мужчин и женщин, включая различные стереотипы;
- символизм — знаковые структуры, используемые в идентификации и коммуникации гендеров [1].

Элементы гендерного порядка являются социальной константой, хотя конкретный облик каждого из них, как и их сочетание, могут различаться в разных обществах. Структуры гендерного порядка воспроизводятся повседневными практиками людей, подтверждающими или изменяющими его. Изменения гендерного порядка могут быть связаны с появлением новых социальных интересов. Начиная со второй половины XX в. гендерные интересы чаще всего провозглашаются посредством массовых движений: за равные с мужчинами права и возможности женщин (феминизм), за права мужчин (связанные с формированием особого типа маскулинности) и за права сексуальных меньшинств.

Гендерный порядок в каждом обществе отражает текущее состояние интересов гендерных общностей и гендерной политики государства. Для отражения изменений, произошедших в мировом гендерном порядке под влиянием глобальных трансформаций, связанных с крушением социалистической мир-системы, известный российский социолог Г.Г. Силласте вводит понятие нового гендерного порядка. «Новый гендерный порядок — это своего рода новый порядок жизни и деятельности, социального и межличностного взаимодействия мужчин и женщин как системообразующих социально-демографических общностей на основе принципа гендерного равноправия». Формирование нового гендерного порядка связано с пересмотром ряда прошлых норм: юридических и нравственных, социальных и моральных, связанных с социально-

правовыми регуляторами гендерного взаимодействия в обществе и в мир-системе в целом. Центром любого гендерного порядка является вопрос власти и равноправия женщин и мужчин в системе общественных отношений [2].

В качестве базовой структуры гендерного порядка выступают трудовые отношения, понимаемые не только как профессиональная занятость, но и более широко. Так, согласно Р. Коннелл, гендерное разделение труда — не изолированная структура, а часть общей модели гендерно-структурированной системы производства, потребления и распределения. В основе этой модели лежит не профессиональная сегрегация, а более фундаментальное разделение на оплачиваемый и неоплачиваемый труд (домашнюю работу), что составляет основу современного западного гендерного порядка. Первая сфера устойчиво считается мужской, а вторая — женской, несмотря на все более активное присутствие женщин на рынке труда.

Гендерное разделение труда в современном российском обществе имеет большую специфику, связанную, в частности, с социалистическим периодом развития страны, для которого было характерно массовое вовлечение женщин в оплачиваемую занятость с сохранением их традиционной гендерной роли в семье. Базовым типом женского поведения до сих пор является «работающая мать», т.е. совмещение женщинами домашних (внутрисемейных) обязанностей с оплачиваемой профессиональной деятельностью. На практике каждая российская женщина должна сама найти определенный баланс между профессиональной карьерой и супружескими, материнскими обязанностями.

Соотношение оплачиваемой занятости и домашнего труда в России претерпевает в настоящее время некоторые изменения. Так, последние исследования показывают, что в какой-то степени задача нахождения баланса между работой и домашними обязанностями встает и перед современными российскими мужчинами, в частности под влиянием того, что они начинают активно вовлекаться в практики ответственного отцовства [3]. Вместе с тем очевидно, что говорить о какой-либо «домашней революции» в России еще преждевременно.

Признавая важность проблемы домашнего труда, мы считаем, что все-таки основанием гендерного порядка в современном обществе выступает рынок труда, т.е. оплачиваемая занятость мужчин и женщин.

В настоящее время в России уровень участия женщин в рабочей силе является достаточно вы-

соким по мировым меркам, хотя на протяжении последних лет наблюдается его плавное снижение. Так, по данным Росстата, в 2017 г. уровень занятости женщин составил 60,1%, мужчин — 71,5%. В 2019 г. снижение продолжалось и в результате уровень занятости женщин составил 52,9%, мужчин — 67,3%¹.

Снижение уровня занятости как мужчин, так и женщин связывается экспертами с общим замедлением экономической динамики в стране и активным перетеканием части рабочей силы в неформальный сектор экономики. Среди специфических причин, вызвавших снижение показателей участия женщин в рабочей силе, — уход с рынка труда части женщин фертильного возраста, которые предпочли сфокусироваться на семье и заботе о детях. Это могло быть ответом части женского населения на правительственные меры по стимулированию рождаемости в стране.

По состоянию на 2019 г., гендерная структура занятости в России выглядит следующим образом. К преимущественно «женским» отраслям традиционно относятся: образование (82% женщин), здравоохранение и социальные услуги (80%), гостиницы и предприятия общественного питания (74%), финансы и страхование (69%), культура, спорт, развлечения и досуг (66%). В числе преимущественно «мужских» сфер занятости значатся: строительство (87% мужчин), добыча полезных ископаемых (82%), транспортировка и хранение (78%), водоснабжение, водоотведение, сбор и утилизация отходов (67%), информация и связь (65%). Доминируют мужчины в таких профессиях, как оператор производственных установок и машин, сборщик и водитель (88%), а также в сферах занятости, не требующих квалификации: рабочий сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства (67%), горнодобывающей промышленности (83%).

Важно отметить, что в такой категории занятых, как «руководители» количество женщин и мужчин сближается: 45% женщин против 55% мужчин по состоянию на 2019 г. (в 2018 г. было 42% к 58%)². Это, несомненно, прогрессивная тенденция, свидетельствующая о некотором снижении уровня вертикальной гендерной сегрегации в России.

Любопытно также отметить, что в первых пяти категориях занятых (в соответствии с Общероссийским классификатором занятий), охватывающих руководителей, специалистов высшего и среднего

¹ Женщины и мужчины России. 2020. Стат. сб. Росстат. М.; 2021.

² Женщины и мужчины России. 2020. Стат. сб. Росстат. М.; 2021.

уровня квалификации, служащих, занятых подготовкой информации и работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности, в целом отмечается гендерная асимметрия в пользу женщин. В последующих же четырех категориях, охватывающих квалифицированных и неквалифицированных работников разных отраслей, в целом отмечается гендерная асимметрия в пользу мужчин. При этом в данных категориях есть отдельные сферы занятости, где установилась гендерная симметрия: рабочие, занятые изготовлением прецизионных инструментов и приборов, рабочие художественных промыслов и полиграфического производства, а также сборщики.

Сравнение данных Росстата по состоянию профессиональной гендерной структуры занятости в России за последние 35 лет позволяет выявить весьма интересные тенденции.

Во-первых, это *увеличение доли женщин среди такой категории занятых как руководители разного уровня*. Если в 1985 г. их было 1,89% (для сравнения, мужчин-руководителей было тогда 3%), то во II квартале 2020 г. доля женщин составляла 6,2%, а мужчин — 6,9% (<https://rosstat.gov.ru>). Как видно, за этот период произошло не только увеличение доли женщин-руководителей, но и сокращение гендерного разрыва в этой категории занятых.

Данные исследований показывают, что достигнуто это было в основном за счет увеличения числа женщин на руководящих позициях низового и среднего уровней. По данным Международной организации труда, в России в последние два десятилетия число женщин на позициях менеджеров постоянно увеличивалось, достигнув к 2019 г. 44,7% от общего числа менеджеров (в 2000 г. их было 35,6%). При этом доля женщин — менеджеров среднего и высокого уровней составила в 2019 г. 42% (https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer30/?lang=en&segment=indicator&id=SDG_0552_OCU_RT_A).

Схожие данные дают и правительственные оценки. Так, в 2018 г. в выступлении на втором Евразийском женском форуме вице-премьер Татьяна Голикова заявила, что женщины занимают 41% руководящих постов в Российской Федерации (<http://government.ru/news/34068/>).

По показателю участия женщин в менеджменте Россия обгоняла в 2019 г. такие страны, как Германия (29,4%), Франция (34,6%), Великобритания (36,8%), Швеция (40,2%) и США (40,7%). По числу же женщин — менеджеров высокого и среднего уровней Россия в 2019 г. находилась на уровне Швеции (41,9%) и США (40,9%), значительно обгоняя Герма-

нию (28,6%), Францию (34,2%) и Великобританию (34,9%) (<https://rosstat.gov.ru>).

Справедливости ради надо отметить, что число российских женщин на позициях топ-менеджеров компаний и организаций все еще недостаточно, в сравнении с европейскими странами. В настоящее время женщины являются руководителями лишь 3–5% компаний и фирм.

Надо также подчеркнуть, что в России увеличение доли женщин в бизнес-управлении и государственном аппарате разного уровня пока не сопровождается расширением их представительства в политике. Так, в 2018 г. в Совете Федерации РФ было всего 17,8% женщин (мужчин — 82,2%), среди депутатов Государственной Думы созыва 2016–2021 гг. женщин еще меньше — 15,9% (мужчин — 84,1%) (<https://rosstat.gov.ru>).

Несмотря на это, есть все основания утверждать, что в настоящее время в России формируется новый гендерный порядок, частью которого является участие женщин в принятии решений как в политике, так и бизнесе. Отражается ли это на качестве и эффективности управления? Этот вопрос требует дальнейших исследований.

Во-вторых, *увеличение числа женщин среди специалистов высшего уровня квалификации при одновременном его снижении среди специалистов среднего уровня квалификации*. Эта тенденция сформировалась еще в период социализма, и смена социально-экономической формации не оказала какого-либо влияния на данное обстоятельство. Так, если в 1985 г. соотношение женщин — специалистов высшего и среднего уровней квалификации выглядело как 23,75% к 20,43% (от всех специалистов), то в 2020 г. оно стало 35,7% к 16,7% соответственно.

Обращает на себя внимание резкое повышение в 2016 г. числа женщин — специалистов высшего уровня квалификации (30,9%) при одновременном снижении числа специалистов среднего уровня квалификации (16,2%). Для сравнения, в 2010 г. это соотношение выглядело как 23,6% против 21,1% (<https://rosstat.gov.ru>). Скорее всего, это связано с тем, что для повышения своей конкурентоспособности женщины сознательно сделали ставку на инвестиции в свой человеческий капитал, в целом повысив свой уровень образования и квалификации.

Гендерное распределение занятых по уровню образования в 2019 г. показывает, что женщины доминируют в группах занятых, имеющих высшее образование (55% женщин против 45% мужчин), и среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена (56% женщин

против 44% мужчин). Мужчины же преобладают среди занятых, имеющих среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих) (64% мужчин и 36% женщин), среднее общее (59% мужчин и 41% женщин) и основное общее (64% мужчин и 36% женщин). Среди занятых, не имеющих основного общего образования, также доминируют мужчины — 61% (женщин — 39%)³.

В-третьих, существенное *уменьшение доли женщин, занятых неквалифицированным трудом*.

Согласно данным Росстата, число женщин, занятых неквалифицированным трудом, все время снижалось, и в настоящее время их более, чем в два раза меньше, чем было в 1985 г. У мужчин ситуация совершенно иная. В 1985 г. неквалифицированных работников-мужчин было в два раза больше, чем женщин. Своего максимума эта доля достигла в 2002 г., когда было зафиксировано 12,76% неквалифицированных работников-мужчин. И хотя с того времени доля таких работников мужского пола плавно снижалась, в настоящее время она состав-

ляет 7,4% (<https://rosstat.gov.ru>). То есть за 35 лет мужчины не только не улучшили свои позиции (в сравнении с женщинами) в этом сегменте занятости, но остались практически на том же уровне.

Эта тенденция свидетельствует о неблагоприятном положении достаточно большой доли российских мужчин на рынке труда. Преодоление ее возможно посредством механизации, автоматизации и роботизации, что приведет к радикальному сокращению ручного труда, а значит, и числа вакансий для неквалифицированных работников.

Таким образом, современная гендерная структура занятости в России отражает существенные изменения в положении мужчин и женщин в обществе, что дает основания говорить о формировании нового гендерного порядка в стране. Усиленные инвестиции в человеческий капитал женщин, начавшиеся еще в советский период, привели к увеличению доли женщин в профессиях, требующих высшего образования, и радикальному их сокращению на позициях неквалифицированных рабочих. В этой категории уверенно лидируют мужчины, что является некой «темной» стороной нового гендерного порядка в России и требует особого внимания как со стороны государства, общества, так и бизнеса.

³ Женщины и мужчины России. 2020. Стат. сб. Росстат. М.; 2021.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Connell R.W. Gender and power: Society, the person, and sexual politics. Cambridge: Polity; 1987.
2. Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка. *Женщина в российской обществе*. 2019;(2):3–16.
Sillaste G.G. Social transitions and the formation of new gender order. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2019;(2):3–16. (In Russ.).
3. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*. 2012;(11):95–104.
Avdeeva A.V. “Involved Parenting” in Contemporary Russia: Strategies for Participating in Child Care. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2012;(11):95–104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Людмила Алексеевна Брушкова — кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
lbrushkova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ljudmila A. Brushkova — Cand. Sci (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
lbrushkova@fa.ru

Статья поступила 10.03.2021; принята к публикации 12.04.2021.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.03.2021; accepted for publication on 12.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Ключевский как историк и политолог

Н.В. Асонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

АННОТАЦИЯ

В статье автор, исходя из сложившегося в Новое время противоборства главных социально-политических сил, олицетворяющих «первую» и «вторую культуру», дает оценку В.О. Ключевскому как представителю русского гуманитарного знания. Согласно доводам автора, В.О. Ключевский был не только выдающимся историком, педагогом и методистом, заложившим основы признанной в Европе «l'École russe», но и одним из первых в России политологов. Как политический аналитик и прогнозист он дал объективную оценку государству и власти в России. Ему удалось показать несостоятельность для России либерального пути развития, уничтожающего ее национально-историческую систему ценностей, имеющую большое гуманистическое значение. Сегодня эта проблема, выделенная В.О. Ключевским, стала еще более актуальной. Поражение в «холодной войне» сделало нас заложниками «второй культуры», привнесенной в нашу страну либеральной идеологией и утвердившейся к концу XX в. в социальной и политической системе России. И если власть реально не встанет на защиту традиционных ценностей, соответствующих «первой культуре», то мы вскоре простимся с остатками своего суверенитета.

Ключевые слова: Василий Осипович Ключевский; «l'École russe»; история; политология; либерализм; Россия; «первая и вторая культура»

Для цитирования: Асонов Н.В. Ключевский как историк и политолог. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):144-150. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-144-150

Klyuchevsky as a Historian and Political Scientist

N.V. Asonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow Regional State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

ABSTRACT

In the article, the author analyzes the division of culture that took place during the Renaissance. Studying the later works of a Russian imperial historian Vasily Klyuchevsky, the author concluded that there were two opposing cultures – “first culture”, which represented traditional values of the state, and the new “second culture” – a culture of early modernity, which focused on liberal thought. According to the author’s arguments, Klyuchevsky was a very talented pedagogue and a very prolific political scientist, perhaps first of its kind in Russia. He developed numerous scientific approaches to history as a science, which have led to the emergence of the so-called “l'École Russe” – a school of thought and a continental system of methodic procedures that have greatly advanced European civic sciences. As an experienced political analyst, he objectively assessed the Russian state and its ruling elite. However, perhaps his greatest achievement was in showcasing the insolvency of the liberal route of development in the Russian Empire. Klyuchevsky saw a great humanitarian disaster in the advancement of liberalism in Russia, as it has fractured the national and historical system of values of the Russian people. In contemporary Russia, this problem, highlighted by V. Klyuchevsky, has become even more urgent. The defeat in the Cold War has made the country dependent on culture dominated by liberal thought, which was forcefully introduced into Russia by the supporters of the pro-western path of development in the late twentieth century. And unless a major step towards reanimation of traditional culture as well as a socio-political system is consciously pursued by the current regime, Russia might lose the remains of its sovereignty.

Keywords: Vasily Klyuchevsky; “l'École russe”; history; political science; liberalism; Russia; “The First and The Second Cultures”

For citation: Asonov N.V. Klyuchevsky as a historian and political scientist. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):144-150. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-144-150

Выдающийся русский историк и педагог Василий Осипович Ключевский родился 28 января 1841 г., а покинул этот мир 25 мая 1911 г. Его жизнь, охватившая период «от Николая до Николая», не могла пройти вне той политической борьбы, которая развернулась в пореформенную эпоху и вылилась в первую русскую революцию 1905–1907 гг. В этой борьбе, как известно, действовали разные силы левого и правого толка, демонстрируя безжалостность любого противостояния, когда решается вопрос о захвате власти. Будучи православным человеком, он не мог встать на сторону тех, кто свои стремления сводил к известному лозунгу макиавеллистов: «Цель оправдывает средства». Особенно ему были неприятны те, кто своей ненавистью к православной России хотел сделать из нее придаток западной цивилизации. Эта установка В. О. Ключевского актуальна и в наши дни.

Ведь все, что сегодня происходит в рамках международного сообщества, нельзя рассматривать вне контекста тех задач, что ставятся ее главными участниками. Условно их можно разделить на две большие группы. Согласно Г. Киссинджеру, одна из них нацелена на установление новой модели организации социально-политической жизни с характерным для нее «вторым типом культуры», «которая является глобальной, структурированной и правовой, ... выходящей за рамки перспектив и идеалов какого-либо отдельного региона или одной страны» [1, с. 484]. По этой причине она отрицает национально-исторические традиции государств и народов как устаревшие и не отвечающие требованиям дня. Другая группа стремится встать на защиту «первой культуры» и сохранить этно-цивилизационное своеобразие, включая характер социально-политического устройства, не вписывающийся в стандарты современного либерализма с его «второй культурой».

В этой борьбе особое место отводится культурно-идеологической подсистеме общества, составной частью которой выступают гуманитарные науки. Стремление использовать их в качестве аналитического щита выдвигаемых политических теорий стало носить массовый характер. Таким образом, старая мысль о том, что история, как и политология, имеет прикладное значение, влияя на перестройку системы ценностей и целей не только общества, но и власти, сегодня так же актуальна, как и в прошлом.

Когда социально-политический кризис в очередной раз потряс Россию, он заставил всех равнодушных к ней людей искать ответы на возникшие проблемы через выявление причинно-следственных связей, помогающих понять истоки той «болезни», которой страдает родина, и определить способы ее лечения. Переживание кризисного состояния раскрыло историю не просто как набор знаний о прошлом, а как сложную интегративную науку. Ведь история тесным образом связана со всеми гуманитарными дисциплинами, влияя на их поисковую направленность. Это объясняется тем, что все эти дисциплины в первую очередь являются науками исторического опыта, а без его учета нельзя получить достоверные знания. Интеллектуальный продукт такого рода пользуется спросом не только среди специалистов, но и у тех, кто желает понять специфику России как важной составной части всего мирового сообщества.

В этой связи без обращения к наследию наших выдающихся историков обойтись нельзя. В их ряду, пожалуй, первое место занимает В. О. Ключевский. Стремление поставить его в ряды своих союзников свойственно представителям каждого из двух упомянутых противоборствующих лагерей, действующих в России. На это противоборство накладывается еще одно серьезное обстоятельство — кризис исторической науки, утвердившийся на Западе с конца XX в. В значительной мере он связан с тем, что за последние сорок лет там не появилось ни одной принципиально новой методологической парадигмы общественного развития. Поэтому используются некие «тупиковые варианты», стремящиеся обновить новыми декорациями устаревшую и малоэффективную концепцию постмодерна, создавая теории трансмодерна, постэкономического пространства и т. д. Отсюда мода осмысления истории, в том числе и российской, не только с либеральных, но и с марксистских позиций, причем преимущественно в инструментально-прагматической области.

Преодолеть возникший кризис понимания истории надо, меняя методологию исторического исследования в сторону теоретической направленности. В данной связи хорошим фундаментом для историка станет опора на социологию и политологию. Тут стоит обратить внимание на достоинства национальной школы исторического познания, создавшей систему общей теории истории, каковой до сих пор нет у сторонников

«второй культуры». Впрочем, ее нет и ни в одной национальной историографии мира. Данная теория выделяет три основных метода исторического познания: констатирование фактов, их выбор и оценка. Данная схема в основе своей была разработана В. О. Ключевским и доведена до логического завершения в 1906 г. Н. И. Кареевым. Она исходит из того, что самая ненаучная из трех основных историософских точек зрения — идеологическая (диалектическая), соответствующая метафизической системе мирозерцания.

С ними, а также с именами И. В. Луцицкого и М. М. Ковалевского Европа связывает появление у нас не либеральной, а «русской школы» в исторической науке — феномен «Ecole russe». Кстати сказать, это понятие было заимствовано Западом благодаря знакомству европейских историков не только с трудами самого В. О. Ключевского, но и с обобщающим сборником «Характеристик и воспоминаний», изданным в 1912 г. благодаря усилиям ведущих ученых Москвы и Петербурга. В нем мэтр отечественной исторической науки предстал как основатель первой по-настоящему научной исторической школы в России и вершина русской теории истории. В первую очередь здесь стоит отметить Н. И. Кареева, сумевшего доработать и применить принцип синтетического подхода, заложенного В. О. Ключевским, который еще не востребован в должной мере.

Сегодня их последователи из антилиберальной группы московских ученых развеяли миф о том, что В. О. Ключевский был отчужден от теоретической работы и не любил ею заниматься. Например, Ю. А. Васильев, разбирая другой, менее популярный его курс по методологии русской истории, дополненный дневниковыми записями и составивший стройную концепцию онтологической проблематики, опроверг мнение либерала П. Н. Милюкова. Милюков почему-то старался приписать своему учителю отсутствие у него «коренного нерва учебной работы», что создавало сложность в восприятии его учениками методологических приемов профессора. Эта позиция сохраняла значимость и в советское время, только сегодня против нее выдвинуты контраргументы. Среди них важное место занимает цитирование недоброжелателей В. О. Ключевского, вырывающих из контекста воспоминаний его учеников нужные им места, тогда как весь текст дает совершенно иное представление о нем как о человеке и крупном ученом, избегающем держаться в своих работах «каких-либо принятых шаблонов»

[2, с. 124]. Для него всегда был интересен конкретный фактический материал, а не спекулятивные штампы на его основе, подменяющие науку ее идеологизацией.

Зато в рамках «русской исторической школы» становится понятным, как, опираясь на выработанные методологические и методические схемы анализа, можно обойти проявления субъективности и дать объективную оценку историческим явлениям и процессам. К разновидностям такого рода «незаконного» субъективизма относится партийный, национальный и конфессиональный субъективизм, с которым боролся В. О. Ключевский, поскольку он мешал ему ответить на «главный вопрос истории — куда идет человечество с самого начала и осуществляет ли история идеалы человека?» [2, с. 99].

Касаясь проблемы методологических оснований «русской исторической школы», следует подчеркнуть, что умение В. О. Ключевского применять телеологический подход и соединять его с историко-сравнительным и синхронным методами анализа, можно противопоставить выводам представителей «незаконного» субъективизма, нарушающих в угоду идеологическим установкам принцип соблюдения причинно-следственной связи. Тогда как у В. О. Ключевского она является фундаментом его исторической концепции, прогресс трактуется им через развитие идеи властных отношений, а история России подается такой, какова она есть, в ее положительных и отрицательных проявлениях.

Этим В. О. Ключевский обязан своему учителю — С. М. Соловьеву. Он одним из первых заметил отсутствие психологии прошлых времен и научно аргументированной критики исторических фактов, даже в трудах М. В. Ломоносова. Это заставило новое поколение русских историков, вступивших на научное поприще в середине XIX в., идти дальше, применяя и разрабатывая новые способы анализа. Поэтому методологическим основанием своего научного подхода С. М. Соловьев избрал рационализм. Он также использовал принцип причинной обусловленности всех явлений. Это позволило ему, в отличие от Н. М. Карамзина, увидеть в действиях того же Ивана Грозного историческую необходимость и закономерность, позволившую одержать верх здоровым государственным началам над деструктивными разрушающими их силами. А уже В. О. Ключевский смог доработать политический портрет нашего первого царя, увязав его с общим

для России историческим процессом, которому Иван IV больше навредил, нежели помог.

Принцип исторического критицизма, взятый на вооружение В. О. Ключевским, в наши дни позволил представителям либерально ориентированного научного сообщества смотреть на него как на своего единомышленника, не обладающего при этом какими-то значимыми научными способностями. В частности, культуролог МПГУ О.А. Жукова уверена, что «политическая идентичность Ключевского с точки зрения либеральной склонности не может быть подвергнута сомнению» [3, с. 252]. Зато для декана истфака ВШЭ А.Б. Каменского, О. Будницкого и И.М. Клямкина В. О. Ключевский — это вообще «миф», хотя и либерал. В их понимании он ничего не представляет собой как ученый, а только играет роль «гвоздя», на который «навешивают цитаты, не имеющие... к нему отношения» [3, с. 255].

Вторая группа скептиков в оценке В. О. Ключевского ориентируется на марксистскую научную школу и ее методологию классового подхода. Как известно, эта школа стала складываться еще в начале XX в. Именно тогда против В. О. Ключевского были выдвинуты обвинения в эклектизме теоретических построений «Курса русской истории». Как ее надо правильно писать, показал главный обвинитель В. О. Ключевского — его ученик М.Н. Покровский, издавший «Русскую историю с древнейших времен». Данный труд страдал именно той «болезнью», с которой боролся учитель М.Н. Покровского, — увлечением идеологической (диалектической) точки зрения как самой ненаучной. Кроме того, идеологическая схема «Русской истории» была еще «замешана» на примате экономической, а не политической (властной) составляющей исторического анализа, и везде, где это было можно, автор брал к себе в союзники своего учителя [4, с. 8, 56]. Этот крен в 1934 г. был исправлен И.В. Сталиным: М.Н. Покровский был запрещен, а «Курс русской истории» В. О. Ключевского переиздан. Между тем, стремление историков-марксистов видеть в нем то «буржуазного русского историка», то «предшественника экономического материализма» оказалось весьма живучим, хотя у Василия Осиповича сама логика построения названий отдельных глав и периодов русской истории противоречит такому заключению.

Более того, разграничивая при изучении прошлого две точки зрения — культурно-историческую и социологическую, он еще до выделения

в России социологии в самостоятельную науку предлагал создать особое научное направление — историческую социологию, содержание которой составило бы изучение «кинетики» сил и средств функционирования исторического процесса, познание результатов которого является предметом истории цивилизаций.

Таким образом, желание критиковать В. О. Ключевского, опираясь на «старых либеральных историков», в том числе на Г.П. Федотова, основано на незнании или искажении темы и другими его «Курса методологии русской истории», а также на невнимательном прочтении его лекционного цикла, в котором «социальная история превращается в социальную характерологию» [2, с. 130]. Этот аспект его творческой деятельности как ученого проявился уже в магистерской диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник». В качестве примера тут можно привести Главу VI, где анализируется Пахомий Логофет как писатель и религиозно-общественный деятель [5, с. 96–140].

Опровергая из своего времени взгляды современных российских сторонников «второй культуры» на эпоху Екатерины II как либеральную, В. О. Ключевский обращает наше внимание на то, что именно в ее правление дворянство составило особый народ в политическом смысле слова, получивший широкое право угнетать. При этом «крепостное право превратилось в полную зависимость крепостных, ставших частной собственностью землевладельцев» [6, с. 133]. Не выглядит либеральным у него и царство Александра I, который, подобно своему отцу и Николаю I, не правил, а владел Россией. Наряду с этим выдающийся русский историк приводит целую систему доказательств того, что русское государство сложилось приблизительно в те сроки, о которых говорит летопись, и его связь с Московской державой носит самый непосредственный, прямой характер. Поэтому оно никак не могло зародиться благодаря монгольскому игу, как нам о том повествует либеральный историк И.М. Клямкин.

Новизна в осмыслении и решении поставленных проблем, свойственная научному анализу В. О. Ключевского, стала причиной его разрыва с «государственной школой», представленной либералом Б.Н. Чичериным и его единомышленниками, в которой доминирование юридического подхода не позволяет принять в расчет всю совокупность условий жизни. И в первую очередь это касалось политической сферы государственной

жизни, превращая нормативно-правовую подсистему общества из ресурса политической власти в ее абсолютного актора.

Наряду с этим, допуская саму постановку вопроса об исторических законах, В. О. Ключевский подчеркивал, что исторический закон должен дать ответ на вопрос: почему сменяются явления именно в таком порядке, тогда как историческая схема объясняла, в каком порядке сменяются исторические явления. И здесь важно рассматривать историю не как логический, а как народно-психологический процесс. Примером тут может служить образ Сергия Радонежского, вдохнувшего в русский народ чувство «нравственной бодрости» и «дух самоотвержения и энергию подвижничества» [7, с. 235]. С другой стороны, под влиянием Запада распространилось «чуждебесие» — пристрастие ко всему иностранному, которым, в частности, был «заражен» в XVII в. князь И. А. Хворостинин — духовный предшественник П. Я. Чаадаева.

В любом случае, заключает В. О. Ключевский, «в усилении исторической любознательности всегда можно видеть симптом пробудившейся потребности общественного сознания ориентироваться в новом положении», что свидетельствует о том, что новое положение уже упрочилось, и его результаты стали носить ощутимый для народа характер. Но тем и отличается «общественное сознание от личного, что последнее обыкновенно идет от установленных причин к возможным последствиям, а первое, наоборот, расположено от данных последствий восходить к искомым причинам от данных последствий» [8, с. 382].

Такой характер вывода дает нам основания говорить о В. О. Ключевском не только как об историке, но и как об одном из первых русских политологов. И для этого есть все основания. Ведь главным объектом интереса политической науки является власть как центральная категория всей социально-политической жизни и связанных с ней теоретических построений по поводу организации, ресурсов и методов управления. Следовательно, она не может обойти вниманием процессуальную сторону реализации теоретических установок, способных носить доктринальный характер и оказывать решающее влияние на весь политический процесс. А он напрямую связан с вопросами захвата, удержания или сотрудничества с государственной властью.

Интерес к данной проблематике мы находим и у В. О. Ключевского. Уже в своей периодизации

русской истории он на первое место выдвигает политический аспект ее развития, а не юридический или экономический. Это явствует из той характеристики, которую он дал первому этапу нашей истории, где буквально в двух предложениях пять раз в разных смысловых контекстах использует термин «политика». Днепровский город у него предстает в первую очередь как политический, а не хозяйственный центр округа. Да и феодальное дробление в его понимании есть «господствующий политический факт» [9, с. 51], тогда как экономической составляющей отведено второе по значимости место.

В аналогичном аналитическом ключе выстроено осмысление второго, третьего и четвертого периодов. Переход же от одного этапа к другому также определяется им в первую очередь как смена политических, а уж потом хозяйственных отношений. Единственное исключение в пользу экономики он делает, когда говорит о догосударственном периоде, когда экономические интересы влияли на «общественные связи, из которых вырастали политические союзы» [9, с. 162]. И это вполне объяснимо. Ведь государства как главного политического института еще не сложилось, и потому на этом этапе социальные отношения в условиях стабильности могли превалировать над политическими интересами.

Встав на позиции критического позитивизма, В. О. Ключевский отдалил себя от всех политических сил (за исключением событий 1906 г.), выбрав позицию независимого эксперта. Это дало ему право трезво оценивать происходящую борьбу за государственную власть и наряду с политическим анализом заняться политическим прогнозированием. В этом смысле особого внимания заслуживают его рассуждения о генезисе государства, появление которого «вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле». Полемизируя с Т. Гоббсом, он утверждает, что государство не смогло реализовать «идею общего блага» и даже «не было выходом из состояния войны всех против всех», хотя оно и явилось «плодом очень насущных потребностей общества». Эти потребности «создавались различными неправильностями, ... развившимися между людьми». Сравнивая государство с костылем, дающим некоторую опору телу, но мешающим двигаться здоровой ногой, В. О. Ключевский выводит из этого рождение «безнравственной политической морали» [10, с. 296].

Делая сравнительный анализ политических процессов у нас и на Западе, он выделяет одну принципиальную особенность. Если там «политическая жизнь шла сверху вниз, путем дробления целого на части», то в «удельной Руси обратно — снизу вверх, путем сложения частей в целое. ... путь одинаков там и здесь, но неодинаковы направления хода; отсюда сходство явлений и различие процессов» [10, с. 330].

Не менее важен в его интерпретации анализ политической власти как двоичного явления: «власть как средство для общего блага нравственно обязывает; власть вопреки общему благу — простой захват» [10, с. 430]. Причем, особо актуально звучит его характеристика прозападной направленности российской власти XVIII–XIX вв.: «чем более мы сближались с Западной Европой, тем труднее становилось у нас проявление народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство». В результате «у нас нет ничего настоящего, а все суррогаты, подобию, пародии» [10, с. 360]. Рассчитывать, что государственная власть в таких условиях сможет сохранить себя, не приходится. В любом случае, считает В. О. Ключевский, «эта династия не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана» [10, с. 443]. Тогда как у Государственной Думы есть два пути: вопреки Манифесту восстановить «черносотенное самодержавие», или, «отменив всякую монархию, ... провозгласить республику» [10, с. 340].

Казалось бы, в этом вопросе историк должен встать на сторону либерально-демократических сил и поддержать их программу, но он этого не делает. Его оценка данного лагеря носит довольно жесткий характер — как политической силы, стремящейся к уничтожению культурно-исторических традиций России и ее народа. Ибо главное политическое оружие данного лагеря — народная глупость. Они «игроки на глупость, как консерваторы — игроки на трусость» [10, с. 380]. И если у консерваторов «слова хуже мыслей, то у либералов «мысли хуже слов» [10, с. 384]. Ведь наш «либерализм самый плоскодонный, приуроченный к русским мелеющим рекам» [10, с. 415]. Это «русская гадина, ползающая по окраинам России, чтобы найти удобное место нагадить отечеству» [10, с. 422]. И тот, кто пытается внедрить у нас

либерализм, не сможет сделать из него «никакого употребления, кроме злоупотребления» [10, с. 381].

Подобная оценка либерализма привела В. О. Ключевского к отрицанию и тех политических институтов, которые либералы решили установить в России. Он не выразил «сочувствия партийно-политическому делению общества при организации народного правительства», поскольку это «шаблонная репетиция чужого опыта» и «игра в жмурки» [10, с. 355]. А «Государственная дума пока остается небольшой дырой, которую народные представители превратят в широко раскрытую дверь» [10, с. 337]. Идущее «переслоение общества по интересам» создает «трудный вопрос о составе народного представительства». Народные интересы еще не успели сомкнуться «в общественные классы, способные найти своих представителей». В такой ситуации «можно проектировать какие угодно системы народного представительства, выкраивая их по образцу... Земских соборов, или по современным западноевропейским конституционным шаблонам. Но все такие учреждения рискованны и ненадежны. Жизнь должна сама создавать свои формы, прилаженные к наличным условиям места и времени» [10, с. 351]. И в этом великий историк оказался прав. Стихия революционных событий создала на почве народной традиции местного управления новый политический институт — Советы. С 1917 г. они стали главным органом государственной власти, доказав свою историческую целесообразность и успешность.

Анализируя политические институты, В. О. Ключевский не мог пройти мимо бюрократического аппарата. Предвосхитив на этот счет выводы Р. Михельса и М. Вебера, он писал: «Всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: “Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось”... Но бюрократия думает обыкновенно иначе: “Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалование; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим...”» [10, с. 426].

Одним из парадоксов политического анализа и прогноза В. О. Ключевского стали обобщающие выводы, сделанные им несколько ранее

изложенных здесь размышлений, но не подчеркнутые автором как ошибочные или не соответствующие духу времени. Следовательно, они вписались в канву его понимания происходящих событий, и потому есть смысл поместить их здесь в качестве пессимистического эпилога. Еще в 1898 г. В. О. Ключевский в своей Записной книжке оставил следующую пометку: «Россия на краю пропасти» [10, с. 417]. А за семь лет до этого он вскрыл причину грядущей катастрофы:

«Политика должна быть не более и не менее как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение» [10, с. 366]. Если действующая в современной России власть закроет глаза на размышления В. О. Ключевского, трагедия начала XX в. может повториться как фарс, оставив от России одно имя. Ведь многие социально-политические язвы, вскрытые им, проросли в наши дни и уже дали обильные всходы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Изд-во АСТ; 2015.
2. Васильев Ю. А. Теории и методы в русской исторической школе. М.: ЛИБРОКОМ; 2012.
3. Клямкин И. М., ред. История и историческое сознание. М.: Фонд «Либеральная миссия»; 2012.
4. Покровский М. Н. Русская история. В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд-во «Полигон»; 2002.
5. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Москва: Астрель, АСТ; 2003.
6. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. М.: Мысль; 1988.
7. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. М.: Мысль; 1988.
8. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 7. М.: Мысль; 1989.
9. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. М.: Мысль; 1988.
10. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 9. М.: Мысль; 1990.

REFERENCES

1. Kissinger G. World Order. Moscow: AST Publishing House; 2015. (In Russ.).
2. Vasiliev Yu. A. Theories and methods in the Russian historical school. Moscow: LIBROKOM; 2012. (In Russ.).
3. Klyamkin I. M., ed. History and historical consciousness. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2012. (In Russ.).
4. Pokrovsky M. N. Russian history. In 3 vol. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing House "Polygon"; 2002. (In Russ.).
5. Klyuchevsky V. O. Old Russian Lives of Saints as a Historical Source. Moscow: Astrel, AST; 2003. (In Russ.).
6. Klyuchevsky V. O. Compositions. In 9 vol. Vol. 5. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
7. Klyuchevsky V. O. Compositions. In 9 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
8. Klyuchevsky V. O. Compositions. In 9 vol. Vol. 7. Moscow: Mysl; 1989. (In Russ.).
9. Klyuchevsky V. O. Compositions. In 9 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
10. Klyuchevsky V. O. Compositions. In 9 vol. Vol. 9. Moscow: Mysl; 1990. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nbassonov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov — Dr. Sci. (Political Sciences), Professor, Department of Political Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nbassonov@yandex.ru

Статья поступила 09.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-151-157
 УДК 334.784;338.22(045)

Ведущая бизнес-организация позднеимперской России. Съезды представителей промышленности и торговли*

И.Н. Шапкин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>

АННОТАЦИЯ

Рыночная экономика предполагает разнообразие экономических интересов, которые субъекты рынка стремятся защитить разными средствами и способами. С этой целью они вступают во взаимодействие с государственными институтами. Государство располагает значительными материальными, финансовыми, административными ресурсами для поддержки и помощи бизнесу. Важнейшим контрагентом государственных органов являются предпринимательские союзы. В российской истории самой влиятельной и авторитетной бизнес-структурой в последние годы существования российской империи стали Съезды представителей промышленности и торговли.

Ключевые слова: представительное движение; лоббизм; бизнес-организации; всероссийские предпринимательские организации

Для цитирования: Шапкин И.Н. Ведущая бизнес-организация позднеимперской России. Съезды представителей промышленности и торговли. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):151-157. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-151-157

ORIGINAL PAPER

The Leading Business Organization of Late Imperial Russia: Congresses of Representatives of Industry and Trade**

I.N. Shapkin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>

ABSTRACT

A market economy involves various economic interests that market participants seek to protect by various means and methods. To this end, they interact with State institutions. The state has significant material, financial, and administrative resources to support and assist businesses. The most important counterparty of state bodies are business unions. In Russian history, the most influential and authoritative business structure in the last years of the Russian Empire was the Congress of Representatives of Industry and Trade.

Keywords: representative movement; lobbying; business organizations; all-Russian business organizations

For citation: Shapkin I.N. The leading business organization of late imperial Russia: Congresses of representatives of industry and trade. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):151-157. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-151-157

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2020 г. по теме: «Политико-экономические закономерности функционирования и эволюции экономической системы России».

** The article was prepared within the framework of the state assignment of the Government of the Russian Federation to the Financial University for 2020 on the topic: "Political and economic laws of the functioning and evolution of the economic system of Russia".

Экономический и политический кризис начала XX в. подтолкнул правительство к решению давно назревших проблем. Пользуясь законом 1906 г. о союзах, российский бизнес провел 12–14 января 1906 г. общероссийский съезд, на котором было принято решение об учреждении новой организации — Съезды представителей промышленности и торговли. В апреле 1906 г. в Петербурге состоялся учредительный съезд новой организации. На нем присутствовали 138 делегатов, 61 делегат из которых представлял 28 местных и отраслевых бизнес-объединений. Съезд рассмотрел и утвердил проект положения нового общества и избрал временный Совет в составе 36 членов. В августе 1906 г. был утвержден устав союза.

По замыслу учредителей, Съезды — это лоббистская организация. По мнению одного из его руководителей, А. А. Вольского, она должна не только иметь собственные взгляды по существующим проблемам, но и «уметь привить их учреждениям и группам, от которых будет зависеть проведение в жизнь тех или иных мер, касающихся промышленности и торговли» [1, с. 112]. Съезды должны были участвовать в разработке основ экономической политики и активно влиять на ее реализацию.

Все члены Съездов делились на действительных и совещательных. Действительные члены — это полноправные участники организации с правом решающего голоса. Совещательные члены имели право высказывать собственное мнение по рассматриваемым вопросам, но у них не было права влиять на внутреннюю жизнь организации. Общие собрания союза созывались ежегодно, а экстренные — по решению Совета или требованию действительных членов¹.

Управление делами возлагалось на Совет, члены которого избирались на два года от всех регионов и отраслей промышленности и торговли. Ежегодно его состав обновлялся наполовину. Бюджет организации формировался за счет членских взносов, пожертвований и прочих поступлений. Размер ежегодного взноса действительных членов колебался от 200 до 5000 руб. Статус совещательных членов получали промышленные компании с капиталом не менее 300 тыс. руб. в год или торговые компании с оборотом в такую же сумму. Если принять во внимание, что средний

размер основного капитала, приходившийся на одно промышленное предприятие в 1912 г., по данным С. Г. Струмилина, составлял 138 тыс. руб., то можно прийти к выводу, что статусом совещательного члена могли воспользоваться преимущественно представители крупного капитала [2, с. 75].

На I съезде членами союза стали 37 бизнес-организаций и 57 компаний и фирм. Первым председателем Совета съездов был избран В. И. Тимирязев. В Совет съездов вошли 37 видных представителей российских деловых кругов, они объединили наиболее энергичных представителей российского бизнеса. «Одни и те же лица фигурируют ... и повторяются ... в столичных организациях», — сетовал в связи с этим представитель из Одессы С. И. Соколовский².

Численность организации увеличивалась год от года. Если в 1906 г. в нее входили 94 члена, то к концу 1914 г. — уже 655 членов, т. е. за 8 лет численность организации возросла в 7 раз. За период своего существования организация провела 11 съездов.

Основной задачей союза являлось согласование мнений разных бизнес-групп, примирение и поиск компромиссов, выработка общей позиции по текущим и перспективным хозяйственным вопросам. Решения съездов представляли консолидированное мнение не отдельных лиц и предпринимательских групп, а всей организации.

Интенсивной работой отличалась деятельность всех структурных подразделений общества. С апреля 1908 по февраль 1911 г. состоялось 517 заседаний Совета, его комитета и всевозможных комиссий. «Другими словами, — отмечал журнал “Промышленность и торговля”, — исключая летние месяцы, в среднем в месяц было 21–22 заседания, то есть почти не проходило присутственного дня без заседания»³.

Вся эта многообразная деятельность опиралась на рекомендации постоянных комиссий по таможенно-тарифным, юридическим, налоговым вопросам и железнодорожным делам. Для работы они располагали штатом сотрудников, численность которых превышала 100 человек, и приглашенными специалистами, в том числе из других предпринимательских организаций,

¹ Положение об общеимперских съездах представителей по промышленности и торговле. СПб.; 1906.

² Труды IV Очередного съезда представителей промышленности и торговли. СПб.; 1910.

³ Там же.

правительственных учреждений и ведомств. На комиссии возлагалась работа по составлению аналитических материалов, обзоров, записок, а также подготовка будущих решений союза — меморандумов, циркуляров. Они отвечали за отношения Съездов с государственными органами власти, готовили к печати различные материалы, осуществляли информационное обеспечение и сопровождение съездовских проектов. Информационной трибуной бизнес-организации являлся журнал «Промышленность и торговля».

Принятие обоснованных решений по сложным хозяйственным вопросам требовало от комиссий объективной информации. С этой целью проводились статистические и социологические исследования, собирались и обрабатывались официальные и экспертные статистические данные, анализировались российские и иностранные источники. Результатом проводимой работы являлась значительная публикационная активность. Съезды издавали различные материалы по экономическим проблемам и перспективам хозяйственного развития страны. Особое место среди них занимали два статистических справочника: «Фабрично-заводские предприятия Российской империи», изданные в 1909 и 1914 гг., в которых содержались сведения практически обо всех российских промышленных предприятиях. Цель справочников — «дать в руки лицам, интересующимся вопросами экономической жизни России, справочную книгу, в которой они могли бы найти статистические данные, освещающие важнейшие стороны русского народного хозяйства»⁴.

Значительный объем информационно-аналитической работы выполнялся в рамках разных совещаний и временных комиссий. Поводом для их образования являлись хозяйственные проблемы, с которыми сталкивался бизнес, запросы и обращения, поступавшие в адрес организации от правительственных учреждений, предпринимательских союзов и отдельных компаний.

В помещении Совета на Невском проспекте непрерывной чередой шли различные съезды. На них без шума и посторонних свидетелей вырабатывалась единая позиция по всем, в том числе хозяйственным, вопросам, снимались разногласия и противоречия, неизбежно возникавшие в организации, достигалось единение и согласие ее

членов. «Такая постановка дела, со всесторонними и солидарными мнениями, — отмечал журнал «Промышленность и торговля», — в большинстве случаев оказывала существенное влияние на решение правительства»⁵.

Поводом к образованию совещаний и комиссий являлись многочисленные обращения членов общества, что было связано с многообразием региональных и отраслевых интересов. Довольно часто они просили поддержать их ходатайства, направленные в правительственные ведомства, дать разъяснения по юридическим коллизиям. Работа с поступавшими обращениями являлась важнейшим участком деятельности Совета съездов.

По собственной инициативе союз готовил всевозможные записки, доклады и ходатайства по общим и частным экономическим проблемам, которые затем направлялись в правительственные и государственные учреждения. По мнению современников, документы, подготовленные Съездами, отличались деловитостью и обоснованностью.

Новым направлением деятельности предпринимательской организации стало предоставление консалтинговых услуг бизнесменам и государственным учреждениям. Нередко предприниматели, например, спрашивали о состоянии и перспективах развития зарубежных товарных рынков. Съезды давали подробную информацию по запрашиваемым вопросам. В случае затруднения они использовали разные каналы для ее поиска.

К Съезду выходили с предложениями и обращениями зарубежные частные, корпоративные и государственные учреждения. В отчете за 1908 г. отмечалось, что союз «с охотой дает подобного рода справки» и передает их затем «заинтересованным своим членам... Из них укажем: запросы из Франции и Австро-Венгрии — о русских папиросах и табаке, из Сирии — о русском угле, из Сиама и Палестины — о рельсах и железе, из Греции — о предметах снаряжения для войск, из Болгарии и Сербии — о земледельческих орудиях, из Персии — о хлопчатобумажных фабрикатах, из Индии — о растительных маслах, соли, парче и т. д.»⁶.

Во время Первой мировой войны Съезды объявили об открытии постоянной консультационной службы по налоговым вопросам. Особо сложные

⁴ Совет съездов представителей промышленности и торговли. Статистический ежегодник на 1914 г. СПб.; 1914.

⁵ Промышленность и торговля. 1908. № 1.

⁶ Промышленность и торговля. 1909. № 1.

вопросы обсуждались с участием специалистов финансово-экономического и юридического отделов союза.

Руководители ассоциации — постоянные участники различных собраний, проводимых российскими региональными и отраслевыми предпринимательскими объединениями. Только в 1910 г. они участвовали в работе IV съезда Съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, XXXV съезда горнопромышленников юга России, XV съезда горнопромышленников Урала, VII съезда горнопромышленников Царства Польского, I Южнорусском торговом съезде. Представители Съездов в 1908 г. принял участие в работе Пражского, а в 1910 г. — Лондонского конгрессов торговых палат⁷⁸.

Значительное внимание организация уделяла работе с законодательными органами власти. На съездах и на страницах журнала «Промышленность и торговля», который бесплатно рассылался членам Государственной думы и Государственного совета, правительственным чиновникам и редакторам крупнейших газет, освещалась работа законодателей в области экономики. Члены Государственной думы приглашались к участию в работе ассоциации.

Основным методом лоббистской деятельности союза являлась практика «прямого давления». Для этого Совет съездов формировал представительную делегацию, которая напрямую обращалась к высшим должностным лицам со своими проблемами. В 1908 г. журнал «Промышленность и торговля» поместил подробный отчет о встрече министра торговли и промышленности с большой группой его членов. В ходе нее представители деловых кругов заявили о необходимости разработки общенациональной программы экономического развития⁹.

Практика «прямых обращений» получила широкое распространение. Как правило, министры очень внимательно относились к вопросам, поднимаемым бизнесом. В 1909 г. новый министр торговли и промышленности, бывший руководитель Совета съездов Тимирязев принял большую группу представителей союза. Он отнесся «весьма сочувственно к ходатайствам делегации», обещал всячески содействовать развитию торгово-промышленных организаций

и неоднократно называл себя «уполномоченным от торгово-промышленного класса». Тимирязев «ознакомил делегацию с ближайшими задачами министерства». После назначения министр путей сообщения С. В. Рухлов принял представителей организации. На встрече он заявил, что «для Совета съездов он не будет делать никаких секретов из своей деятельности», обратил их внимание на необходимость «уделить большее внимание вопросу о водных путях сообщения»¹⁰.

Прямые связи дополнялись постоянным «живым общением» членов общества с представителями власти на организуемых Съездами различных совещаниях и собраниях. Экономический блок правительства считал своим долгом откликаться на приглашения союза. В работе IV съезда принял участие министр торговли и промышленности С. И. Тимашев¹¹. В работе VI съезда участвовали председатель Совета министров В. Н. Коковцев, министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, товарищ министра торговли и промышленности А. И. Коновалов, управляющий отделом торговли В. Д. Сибилев, управляющий отделом промышленности В. Н. Литвинов-Фалинский и другие представители правительственных ведомств, а также члены Государственной думы и Государственного совета¹². В работе подобных совещаний деятельное участие принимали и чиновники более низкого уровня. Между бизнес-союзом и исполнительными органами установилось тесное сотрудничество и взаимопонимание.

О прочности этих контактов свидетельствовала практика так называемых «вращающихся дверей» — переход членов ассоциации на государственную службу и обратно. В 1909 г. министром промышленности и торговли был назначен В. И. Тимирязев, член Совета П. Л. Барк — министром финансов, член комитета Совета В. И. Арандаренко — директором Горного департамента и т. д. В свою очередь, крупные сановники, уходя с государственной службы, активно включались в работу общества, выполняя функции профессиональных лоббистов. Активно этой деятельностью занимался М. М. Федоров — бывший министр торговли и промышленности, В. И. Ковалевский и Н. Н. Покровский — бывшие заместители

¹⁰ Там же.

¹¹ Журнал заседания IV очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 10–13 ноября 1909 г. в С.-Петербурге. СПб., 1910.

¹² Промышленность и торговля. 1912. № 10.

⁷ Промышленность и торговля. 1909. № 1.

⁸ Промышленность и торговля. 1911. № 1.

⁹ Промышленность и торговля. 1908. № 5.

министра финансов, Н.Н. Кутлер — заместитель министра земледелия, В.П. Литвинов-Фалинский, Н.П. Ланговой — руководители департаментов министерства финансов и торговли.

Члены союза являлись участниками постоянных и временных правительственных комиссий и совещаний. Подготовленные ими материалы носили более аргументированный характер, чем те, над которыми трудились чиновники многочисленных правительственных департаментов. В тех случаях, когда рассматриваемый вопрос имел принципиальное значение, Совет съездов созывал собственное собрание.

В дальнейшем практика проведения предварительных слушаний стала нормой. В рамках подобных совещаний вырабатывалось единое мнение членов союза на рассматриваемую проблему, или они добивались максимального сближения разных точек зрения. Разногласия, как правило, не выходили за пределы организации и не становились темой обсуждения в печати. Их отголоски в смягченном виде представлены в съездовских документах. После завершения подобных слушаний составлялась записка, в которой давался детальный разбор предложенного министерского проекта и излагались собственные предложения, которые снабжались многочисленными пояснениями.

В центре внимания организации находились различные проблемы экономической практики. Первостепенное значение она уделяла защите отечественного товаропроизводителя и внутреннего рынка от западных конкурентов и совершенствованию системы налогообложения.

Протекционизм являлся основополагающим принципом экономической программы союза. Закрывая III съезд, Авдаков заявил: «В основу промышленно-торговой политики российского государства съезд положил национальное начало и защиту этого начала: как строго протекционистской системой, так и развитием производительных сил страны, а также и усилением экспорта произведений отечественной промышленности»¹³.

Руководители организации добивались равных условий для государственных предприятий и частных компаний, выступали против мелочной опеки и регламентации. В 1908 г. секретарь Совета съездов Вольский опубликовал брошюру «Основы торгово-промышленной политики», в которой

содержалась критика государственного предпринимательства. Он отмечал, что «правительства, будучи лишены необходимой подвижности, не могут быть хорошими предпринимателями», поэтому необходимо шире открыть двери частному капиталу в перспективные отрасли хозяйства. От правительства он потребовал разработать программу железнодорожного строительства, финансирование которой должно осуществляться за счет правительства, а эксплуатацию взять на себя частный капитал. Вольский настаивал на необходимости формирования перспективного плана развития морских портов с участием бизнеса, финансирование которого также должно осуществляться за счет казны. Настойчиво проводя мысль о том, что развитие экономики страны связано с частным предпринимательством, руководители Съездов в то же время стремились направить усилия правительства в важные для бизнеса сферы, требовавшие больших капиталовложений и не сулившие быстрой отдачи и больших прибылей, — на развитие транспортной инфраструктуры, т.е. строительство шоссейных дорог, портов, бездорожных железных дорог и т.д. [3, с. 13].

Съезды придавали огромное значение вопросам, связанным с налогами и системой налогообложения. Динамичное развитие отечественной промышленности требовало от правительства постоянного совершенствования архаичного, доставшегося от феодальной эпохи налогового законодательства и налоговых органов.

Осознавая «крайнюю сложность законопроектов по промысловому и особенно подоходному обложению», Съезды собирали и обобщали информацию об иностранном законодательстве, анализировали статистические данные о доходности отечественных компаний, состоянии, тенденциях развития отдельных отраслей производства и торговли для того, чтобы побудить министерства, «не спешащие с их окончательной разработкой» к конкретным шагам. В частности, Совет съездов инициировал рассмотрение вопроса о введении прогрессивного процентного налога на личные промысловые занятия служащих, об участии городов и земств в доходах казны от установленного личного промыслового налога. На II съезде (1907 г.) делегаты съезда одобрили доклад П.П. Рябушинского «О проекте подоходного налога»¹⁴.

¹³ Промышленность и торговля. 1908. № 8.

¹⁴ II очередной съезд представителей промышленности и торговли. Доклад Совета съездов по поводу внесенного

Одним из важнейших направлений работы союза являлась издательская деятельность. В начале 1908 г. он приступил к выпуску журнала «Промышленность и торговля». Цель журнала была определена в 1906 г. «Русская промышленность и торговля должны в интересах собственного сохранения, — писал Вольский, — высказывать не только свои широко обоснованные взгляды, но и уметь привить эти взгляды тем учреждениям и группам, от которых будет зависеть проведение в жизнь тех или иных законов и мер... тут-то и лежит весь корень работы и весь смысл съездов представителей промышленности и торговли» [4, с. 89].

Журнал выходил регулярно, с 1908 по 1915 г. раз в две недели, а в 1916–1917 гг. — еженедельно. За десять лет существования было выпущено чуть менее трехсот номеров. Объем номера, в первые два года издания составлявший около 60–70 страниц, в дальнейшем увеличился до 100–110 страниц. Годовой экземпляр составлял в среднем два больших тома, порядка 1200 страниц.

Опубликованные в журнале аналитические и дискуссионные статьи, статистические материалы, отчеты конференций, съездов и совещаний, материалы о деятельности российских и зарубежных предпринимательских союзов и прочие материалы отличались фундаментальностью, широтой взглядов, обоснованностью и аргументированностью. Журнал не только информировал читателей о различных вопросах экономической жизни и предоставлял предпринимателям необходимые сведения и информацию, но со временем превратился в мощное организующее начало. Именно журнал взял на себя задачу по сплочению разрозненных предпринимательских сил вокруг Съездов представителей промышленности и торговли.

Кроме журнала Съездами издавалось большое количество печатной продукции — книг, брошюр, докладов и т. п. К 1912 г., т. е. за пять лет работы, было опубликовано 144 неперiodических издания, которые были направлены на «распространение в массе населения, в сферах, не близко соприкасающихся с промышленностью и торговлей... в нашей повседневной прессе более ясных и более правильных понятий по экономическим вопросам»¹⁵.

в законодательные учреждения проекта подоходного налога. СПб.; 1907.

¹⁵ Журнал заседаний IV очередного Съезда представителей промышленности и торговли. СПб.; 1910.

Таким образом, представленный обзор позволяет сделать несколько выводов.

1. Бизнес — это главный двигатель экономического развития в условиях рыночной экономики. Как свидетельствует российская историческая практика, постоянное взаимодействие государственных институтов с бизнес-организациями является необходимым условием экономического роста в условиях рынка. В ходе такого взаимодействия вырабатывается стратегия развития государства и экономическая политика.

2. Взаимоотношения государства и бизнеса неизбежно приводят к развитию лоббистских форм. Основанием для появления лоббизма является многообразие интересов в обществе, которое неизбежно приводит к их столкновению и поиску компромиссных решений. В начале XX в. в России этот процесс развивался достаточно интенсивно. Основным субъектом лоббистской деятельности стали предпринимательские организации.

К началу Первой мировой войны бизнес-союзы превратились во влиятельную силу со значительными материальными, финансовыми и интеллектуальными ресурсами. По подсчетам «Русского технического общества», в России в 1912 г. насчитывалось 143 бизнес-организации. На предприятиях членов этих союзов производилось 84% стоимости промышленных товаров страны. На них трудились почти 80% всех промышленных рабочих. 52 организации из 143 в 1911 г. потратили на представительные цели огромную сумму — 7 млн руб.¹⁶

3. Экономические успехи России на рубеже веков во многом обеспечивались постоянной коррекцией правительственного экономического курса. От покровительства и «дирижизма» власть постепенно переходила к конструктивному диалогу с представителями бизнеса, объединенного в разные союзы и организации. Предпринимательские союзы — это результат самоорганизации российского бизнес-сообщества, которое рассматривало их как реальную возможность оказания влияния на хозяйственную практику, разработку отраслевой и «общенациональной» экономической политики. Ведущей организацией в поздней имперский период российской истории стали Съезды представителей промышленности и торговли.

¹⁶ Свет и тени торгово-промышленных организаций. Торгово-промышленный Юг. 1912. № 1.

4. Съезды — это лоббистская структура, нацеленная на установление прочных и долговременных контактов с органами всех ветвей власти и всех уровней. Используя разные механизмы, способы и приемы воздействия на власть: от традиционных — ходатайств, до участия в работе законодательных и исполнительных органах власти, она показала себя достаточно эффективным лоббистом, способным решать многочисленные хозяйственные проблемы.

5. «Живое общение» бизнеса и государства, к которому призывал С. Ю. Витте, проявлялось в разных формах. Государственные структуры охотно шли на установление отношений с бизнес-организациями, в том числе со Съездами.

Но тесное сотрудничество с властью сформировало в российском бизнесе ряд особенностей, в частности отсутствие интереса к политической деятельности. Его аполитичность объясняется в не последнюю очередь тем, что по важнейшим вопросам он почти всегда находил понимание и поддержку со стороны власти. Развитие и совершенствование рыночной экономики осуществлялось совместными усилиями. В таких условиях менять существующую политическую систему бизнес считал опасным и нецелесообразным. К политической деятельности люди обращаются тогда, когда у них нет иных способов реализовать свои коренные интересы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лившин В.Я. «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX — начале XX вв. *История СССР*. 1959;(2):95–117.
2. Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. М.; Гос. Изд-во; 1928.
3. Вольский А.А. Основы торгово-промышленной политики России. СПб.; 1908.
4. Ерманский А. Крупная буржуазия в 1905–1907 гг. Общественное движение в России в начале XX века. Т. 2. СПб.: Товарищество «Общественная польза»; 1909.

REFERENCES

1. Livshin V. Ya. “Representative” organizations of the big bourgeoisie in Russia in the late 19th — early 20th centuries. *Istoriya SSSR*. 1959;(2):95–117. (In Russ.).
2. Strumilin S. G. Essays on the Soviet Economy. Moscow: State Publishing House; 1928. (In Russ.).
3. Volsky A. A. Fundamentals of Trade and Industrial Policy of Russia. St. Petersburg; 1908. (In Russ.).
4. Yermansky A. Big bourgeoisie in 1905–1907. Vol. 2. Social movement in Russia at the beginning of the twentieth century. St. Petersburg; Public Benefit Partnership; 1909. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Николаевич Шапкин — доктор экономических наук, профессор Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
ishapkin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor N. Shapkin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
ishapkin@fa.ru

Статья поступила 20.03.2021; принята к публикации 05.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.03.2021; accepted for publication on 05.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-158-161
УДК 32.019.51(045)

Дидактическая составляющая PR-сопровождения денежной реформы 1961 года в СССР

А.А. Трошин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается дидактическая составляющая пропагандистской кампании, сопровождавшей денежную реформу 1961 г. в СССР. В качестве основного коммуникационного канала в этой кампании выступала кино- и книжная продукция, ориентированная на детскую аудиторию, использование которой предполагалось в учебном процессе. Сложная структура и стратегический характер PR-кампании был вызван тем, что одновременно с деноминацией денег в СССР происходила перестройка экономики и социокультурных отношений. Возникла система, основанная на усиливающейся эксплуатации ресурсов и деиндустриализации. Позже схожий тип экономики современные исследователи Люк Болтански и Арно Эскер обозначат как «экономика обогащения».

Ключевые слова: история СССР; денежная реформа 1961 года; функции денег; критика товара; Люк Болтански; Арно Эскер

Для цитирования: Трошин А.А. Дидактическая составляющая PR-сопровождения денежной реформы 1961 года в СССР. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):158-161. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-158-161

ORIGINAL PAPER

The Didactic Component of the PR-support of the 1961 Monetary Reform in the USSR

A.A. Troshin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

ABSTRACT

The article examines the didactic component of the propaganda campaign that accompanied the 1961 monetary reform in the USSR. In this campaign, the main communication channel was film and book products aimed at a children's audience, the use of which was supposed to be in the educational process. The complex structure and strategic nature of the PR campaign were caused by the fact that simultaneously with the denomination of money in the USSR, there was a restructuring of the economy and socio-cultural relations. A system based on increased resource exploitation and de-industrialization emerged. Later, modern researchers Luc Boltanski and Arno Esker will designate a similar type of economy as "the economy of enrichment".

Keywords: history of the USSR; monetary reform of 1961; functions of money; criticism of the product; Luc Boltanski; Arno Esker

For citation: Troshin A.A. The didactic component of the PR-support of the 1961 monetary reform in the USSR. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):158-161. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-158-161

Переведенное с французского и выпущенное в серии «Новое экономическое мышление» исследование, посвященное определению экономики обогащения, Л. Болтански и А. Эскер начинают со следующего утверждения: «социальные акторы <...> постоянно погружены в мир товара, от которого зависит <...> опыт того, что они понимают под реальностью» [1]. Определенным образом понимаемое обогащение, по мнению представленных авторов, характеризует преобразование мировой экономики с последней четверти XX в. по настоящее время. Это преобразование, связанное с деиндустриализацией и усиливающейся эксплуатацией ресурсов, основано не на производстве новых вещей, а на извлечении прибыли из торговли вещами «для богатых». И если рассуждения об усиливающейся эксплуатации ресурсов публике давно знакомы в разных вариациях, то представление Л. Болтански и А. Эскер о том, как товар в современных условиях сохраняет способность быть структурированным целым и определять социальную реальность, является, безусловно, новаторским.

Что же позволяет нам перенести этот подход в изучении валоризации на советскую реальность чуть более раннего, чем последняя четверть XX в., времени — на социальный эксперимент, который Ф. Спаффорд то ли всерьез, то ли в шутку называет «хрущевским изобилием» [2]? В попытке создания мирового универсального стиля советскому опыту следует отдать приоритет перед западным феноменом масс-культуры. Хотя аналогия — не есть доказательство, но можно напомнить, что термин «сексуальная революция» был введен В. Райхом в 1920-е гг. на отечественном материале и лишь спустя четыре десятилетия нашлось, к чему его «приклеить» на Западе. В вопросах преобразования экономики в нечто, основанное на совмещении ресурсной эксплуатации и деиндустриализации, СССР тоже имеет первенство: конец 1950-х гг. в советской реальности — против конца 1970-х гг. на «Западе».

В этой статье я предлагаю рассмотреть один частный аспект того, как в 1960-е гг. была организована погруженность советских «социальных акторов» в мир денег как в мир товара, определяющего то, что граждане понимали под реальностью. Замечу прежде, что «вещный» характер денег для России почти традиционен. Вот фрагмент из предисловия П.Б. Струве к переводу работы М. Шиппеля «Денежное обращение и его общественное значение» 1897 г.: «С тех пор, как на нашем общественно-экономическом горизонте появилась “денежная реформа”,

у нас много говорят и печатают о деньгах, о золоте и серебре. <...> Деньги — эта всем столь известная “вещь” — оказались обладающими какими-то мистическими свойствами, познание и понимание которых совершенно не по плечу обыкновенному смертному. А, между тем, надо же как-нибудь разобраться в этой мистике, которая <...> очень чувствительно дает знать о себе людям» [3].

В советской реальности 1960-х гг. деньги и их субституты вроде облигаций государственного займа — это самодостаточная «вещь», а не абстрактный эквивалент неким возможностям. Деньги в связи с возрастающим товарным дефицитом становились все менее пригодны для выполнения своих прямых функций. Чего, собственно, и добивалась в своем PR-прикрытии реформа 1961 г.¹ — изменить социальную роль денег и тем самым замаскировать инфляцию. После реформы в СССР начинается подлинный расцвет социокультурных технологий, в которых состоящий из весьма ограниченного (в сравнении с Западом) количества «вещей, находящихся в обращении, товар обретает свое единство в операции, посредством которой этим вещам всякий раз, когда они переходят из рук в руки, выпадает цена» [1]. Здесь в одном ряду стоят и публично поощряемые государством практики коллекционирования (расцвет филателии, филуменистики, фалеристики, филокартии, букинистики и пр.; выпуск сувениров), и покровительствуемые им тайно практики дефицита как организационного инструмента в диапазоне от вещевой лотереи до фарцовки. И о каком-либо мистическом свойстве денег здесь говорить не приходится, так как в дополнение к экономическим ролям деньгам предписывались множественные публичные роли: быть путеводителями в историю, овеществлением невозможных в реальности географических путешествий, проводником в мир искусства, игрушкой, развивающей фантазию и отрывающей тем самым пути в будущее (см. повесть Е. Коковина), воплощенным пропагандистом и агитатором. Собственно, сходить в магазин, а тем более копить деньги — дело уже десятое и необязательное (особенно копить).

Если в первые две трети 1950-х гг. система товара в СССР выстраивалась вокруг понятия «качество», и дальше шли градации сортности (как продолжалось на Западе до середины 1970-х гг.), то в 1960-е гг. исходной точкой стали вещи для совет-

¹ Она прямо противостоит конфискационной реформе 1947 г., бывшей частью индустриализационного проекта; тогда как девальвация рубля в 1961 г. была частью политики деиндустриализации.

ских «богатых» — демонстрация достатка: от мелочи типа книг, выполняющих в секретерах и стенках декоративную функцию, выставившегося там же нефункционального хрусталя, до более весомых признаков растущего благосостояния, не покупаемых, а «доставаемых» и именно «переходящих из рук в руки», как Л. Болтански описывает современную экономику обогащения.

Что же было средствами обучения, приведшими к ситуации, в которой деньги как вещи стали обращаться в советских общественных коммуникациях в измененном качестве?

Поскольку из-за убыточности чеканки металлических денег мелких номиналов в 1961 г. решили оставить в ходу монеты достоинством 1, 2 и 3 копейки, то неудивительно, что «главной метафорической монетой хрущевской реформы следует считать копейку» [4]. Она на время была предложена «общественному сознанию» основной денежной единицей, вытеснив с этой позиции рубль, став первичной по отношению к нему: «копейка рубль бережет». В развернутом виде, например, на плакате художника Ф. Ф. Нелюбина этот лозунг звучал так: «Социализм — это учет! В том навык наш природный: и рубль копейка бережет, — Народная — народный!».

В главе «Деньги и коммунистическое завтра» (написана в соавторстве с В. А. Березиной) своей монографии «Повседневность эпохи космоса и кукурузы» Н. Б. Лебина в качестве самого яркого примера этой метафоричности приводит мультфильм «Дорогая копейка» (1961 г., сценарист Е. Д. Агранович, режиссер И. С. Аксенчук), приписывая ему предполагавшуюся ведущую PR-роль отчасти по аналогии с неожиданным успехом пропагандистского шедевра — мультфильма 1957 г. «Чудесница» (сценарий Л. В. Позднеева, режиссер А. В. Иванов), новаторски продвигавшего в массы «царицу полей — кукурузу» как спасительницу разваленного колхозами сельского хозяйства.

Позволю себе с уважаемыми авторами не согласиться: в 1960-х гг. кино имело ограниченную аудиторию — поскольку телевизионная только формировалась, а кинопрокат для агиток был лучшим коммуникационным пространством. И, да, — «Дорогая копейка» до уровня «Чудесницы» в художественном отношении не дотягивала.

Основным носителем денежно-социальной дидактики были книги и, соответственно, школа, понуждавшая эти книги читать. Причем базовый нарратив, используемый в том числе в сценарии мультфильма, был также заимствован из художественной литературы: образцом для него была

прекрасно известная русскому читателю сказка Г.-Х. Андерсена «Серебряная монетка» (1861 г.). Ну а самой развернутой вариацией на андерсоновский сюжет стала повесть Е. Коковина «Динь-Даг», выпущенная в 1962 г. и неоднократно переиздававшаяся. Правда, для соответствия идее «серебряной» монетки (что важно для сюжета), номинал героя увеличили до 15 копеек: «Прочтите сами эту умную сказку, и вы услышите в ней не только звон монеты — «динь-даг», — но и много полезных вещей о жизни на нашей земле и на далеком чужом берегу», — писал в предисловии к одному из таких переизданий Л. Кассиль [5]. Панорама социальной жизни в СССР в повести показывает ожидаемую многофункциональность денег — герой успеет побывать и игрушкой, и гадательным талисманом. Но собственно деньгами он быть как бы... стесняется.

Деньги как собственно деньги в литературе, выполняющей дидактические функции, присутствуют в основном в связи с зарплатой, как эквивалент труда. Но стараются исчезнуть из поля читательского зрения как можно быстрее. Вот как это выглядит в книге В. Р. Марамзина «Тут мы работаем» (на момент написания автор — начальник отдела научно-технической информации на ленинградском заводе «Светлана»):

«Дважды в месяц дают на заводе зарплату.

• Сегодня работать хорошо — за денешки, — смеются рабочие.

• Сегодня вообще день хороший: пятница, да еще с денешками, — говорит мне Тоня, направляясь в этот день на завод.

<...> С полочки Тоня покупает билеты в театр. Покупает журналы: «Юность» и «Моды». Тоня прочтет эти журналы и увидит, как надо жить и во что одеваться при этом.

После работы Тоню встречают за проходной кондукторы автобусов и трамваев. Они уже знают, что сегодня полочка, и несут к заводу проездные билеты на месяц. <...> Тоня берет себе карточку. Потому что сегодня зарплата, день особый» [6].

Зато в других своих ипостасях деньги из рук никуда не торопятся, особенно в главной дидактической роли, для которой существует особое пространство бытования монет — нумизматика. При этом забавно, что банкноты и изучающая их бонистика — редкий и вторичный гость в дидактической литературе 1960-х гг., слишком уж связаны купюры с экономикой и политикой. Если место им и отводится, то упоминанием после: а вот еще есть «коллеги нумизматов — бонисты» [7].

Вершина карьеры монетки как метафорической фигуры нового экономического дискурса — опыт введения преподавания нумизматики в школе в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Самая значительная работа принадлежит казанскому педагогу Э.И. Кучеренко, и первоначально она вышла в Казани в 1961 г. На общесоюзном уровне она появилась в 1968 г.; издание было снабжено многочисленными таблицами, подготовленными известным коллекционером Д.И. Мошнягиным [8].

Но значительного продолжения история эта не имела. В 1970-е гг. тема нумизматики криминализировалась. Если в повести Е.С. Коковина преступники

грабят западного нумизмата, что позволяет Динь-Дагу сбежать из коллекции и вернуться в СССР, то в новое десятилетие одно из самых громких ограблений нумизмата — ограбление того же Д.И. Мошнягина. Им же интересуется КГБ — стало известно, что у него в коллекции были пробные монеты, например ½ копейки для той же реформы 1961 г.

Роль метафоры, без особого успеха, у копейки отобрал «трудовой рубль». А процессы деиндустриализации тем временем продолжались и ширились, и не только в СССР, что позже натолкнуло Л. Болтански и А. Эскера на переосмысление понятия «обогащение».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болтански Л., Эскер, А. Обогащение. Критика товара. Пер. с фр. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ; 2021. 600 с.
2. Спаффорд Ф. Страна Изобилия. Пер. с англ. М.: Астрель: CORPUS; 2012. 512 с.
3. Шиппель М. Денежное обращение и его общественное значение / Макс Шиппель. Пер. с нем. СПб.: издание редакции журнала «Образование»; 1897. 102 с.
4. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; 2021. 560 с.
5. Коковин Е. Динь-Даг. Две повести и рассказы. Л.: Детская литература; 1977. 176 с.
6. Марамзин В.Р. Тут мы работаем. Л.: Детская литература; 1966. 176 с.
7. Тужилин Н. Мир вокруг тебя. Симферополь: Крым; 1966. 360 с.
8. Кучеренко Э.И., Мошнягин Д.И. Нумизматика в школе. М.: Просвещение; 1968. 347 с.

REFERENCES

1. Boltanski L., Esker, A. Enrichment. Product criticism. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House, Faculty of Liberal Arts & Sciences, St. Petersburg State University; 2021. 600 p. (In Russ.).
2. Spafford F. Country of Plenty. Transl. from Eng. Moscow: Astrel: CORPUS; 2012. 512 p. (In Russ.).
3. Shippel M. Money circulation and its social significance. Transl. from German. St. Petersburg: Publication of the editorial board of the journal “Education”; 1897. 102 p. (In Russ.).
4. Lebina N.B. The Everyday Life of the Age of Space and Corn: The Destruction of the Big Style: Leningrad, the 1950s — 1960s. St. Petersburg: Kriga; 2021. 560 p. (In Russ.).
5. Kokovin E. Dinh-Dag. Two stories and short stories. Leningrad: Children’s literature; 1977. 176 p. (In Russ.).
6. Maramzin V.R. This is where we work. Leningrad: Children’s literature; 1966. 176 p. (In Russ.).
7. Tuzhilin N. The world around you. Simferopol: Crimea; 1966. 360 p. (In Russ.).
8. Kucherenko E.I., Moshnyagin D.I. Numismatics at school. Moscow: Prosveshcheniye; 1968. 347 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Алексеевич Трошин — кандидат философских наук, старший преподаватель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
aatroshin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Troshin — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
aatroshin@fa.ru

Статья поступила 17.05.2021; принята к публикации 05.06.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.05.2021; accepted for publication on 05.06.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-162-168
УДК 329(045)

Массовые политические протесты в Российской Федерации 2020–2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока

М.А. Давыдова

Финансовый университет, Москва Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты прикладного политического исследования, цель которого заключается в определении триггеров, технологий и инфраструктуры информационного потока массовых политических протестов в России в период с 2020 по 2021 г. Реализованный ивент-анализ позволил установить, что протестная мобилизация осуществляется в два этапа: первичная – на основании действий вокруг символа протеста, вторичная – на основании недовольства существующим политическим режимом, социально-экономической ситуацией, действиями правоохранительных органов. Когнитивное картирование позволило установить, что активное использование аффективных приемов формирования дискурсов позволяет обеспечивать эмоциональное вовлечение пользователей в протестные информационные потоки, что сказывается на их отношении к ним. Киберметрический анализ продемонстрировал, что особенности Telegram как протестной платформы позволяют обеспечивать эффективную мобилизацию и модерацию протестной активности.

Ключевые слова: ивент-анализ; киберметрический анализ; протестные триггеры; протесты в России; протесты в Хабаровске

Для цитирования: Давыдова М.А. Массовые политические протесты в Российской Федерации 2020–2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):162-168. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-162-168

ORIGINAL PAPER

Mass Political Protests in the Russian Federation 2020–2021: Triggers, Technologies, Information Flow Infrastructure

M.A. Davydova

Financial University, Moscow Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>

ABSTRACT

The article presents the results of applied political research, which is to determine the triggers, technologies, and infrastructure of mass political protests in Russia from 2020 to 2021. The implemented event analysis allowed us to establish that the protest mobilisation is carried out in two stages: the primary – based on actions around the protest symbol, the secondary – based on dissatisfaction with the existing political regime, the socio-economic situation, and the actions of law enforcement agencies. Cognitive mapping allowed us to establish that the active use of affective methods of forming discourses enables us to ensure users' emotional involvement in protest information flows, which affects their attitude to them. Cybermetric analysis has demonstrated that the features of Telegram as a protest platform allow for effective mobilisation and moderation of protest activity.

Keywords: event analysis; cybermetric analysis; protest triggers; protests in Russia; protests in Khabarovsk

For citation: Davydova M.A. Mass political protests in the Russian Federation 2020–2021: Triggers, technologies, information flow infrastructure. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):162-168. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-162-168

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной действительности протестная деятельность становится инструментом, который создает условия для воздействия на политическую и социальную среду. Протесты выступают способом реализации прямой демократии, когда граждане получают возможность высказывать свое отношение, выражать несогласие и требовать изменений. В период 2020–2021 гг. в России протестные движения стали частым явлением, дополняющим политические процессы. При этом протестная деятельность является не только инструментом выражения общественного несогласия, но и может использоваться как метод дестабилизации политического режима.

В этой связи актуализируется вопрос об изучении характеристик протестов в контексте используемых мобилизационных триггеров; технологий, которые формируют установки протестной активности и позволяют обеспечивать перевод онлайн-активности в оффлайн, а также инфраструктуры массовых акций, которая формируется для выстраивания эффективных и быстрых моделей коммуникации с участниками протестного потока.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая основа исследования представлена теориями и концепциями: коллективного поведения (Г. Лебон [1], Г. Тард [2]); сетевого взаимодействия (М. Кастельс [3], Б. Уэллман [4]); политического протеста (Н. Смелзер [5], А. Обершол [6].); политической мобилизации (Д. Маккадам, С. Тэрроу [7]); установок (У. Томаса, Ф. Знанецкого [8]).

В рамках современных исследований актуальными представляются работы, связанные с анализом протестов в пространстве интернета (А. С. Архипова [9], А. А. Мальченко [10]); практики российского политического протеста (А. Ю. Домбровская [11], Д. Н. Карзубов [12]); политических протестов в международном срезе (Е. В. Бродовская [13], А. В. Коротаев [14]).

Исследование осуществлялось в рамках гибридной стратегии, базирующейся на сочетании количественных и качественных методов исследования. Основу исследования составили когнитивное картирование, киберметрический анализ, ивент-анализ.

Для изучения особенностей триггеров, используемых для мобилизации массовых протестов, был реализован ивент-анализ, основой стали данные, полученные из Google-trends. Когнитивное картирование позволило выявить ключевые технологии, которые использовались для вовлечения пользователей социальных медиа в протестные информационные потоки, формирование у них протестных установок, а также перевода онлайн-активности в оффлайн. Киберметрический анализ позволил проанализировать особенности формирования информационного потока с позиции инфраструктуры и динамики. Для реализации киберметрического анализа использовались IQ Buzz и Popsters.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2020 г. наиболее масштабные протестные акции прошли в Хабаровском крае после ареста его главы С. Фургала, в отношении которого было заведено уголовное дело за действия в начале 2000-х гг. Хабаровчане были недовольны действиями со стороны следственного комитета и судебной системы. Арест Фургала произошел 9 июля 2020 г., а 10 июля вышло постановление Басманного суда на арест губернатора. 11 июля прошла первая акция протеста в поддержку Сергея Фургала, которая стала началом протестной активности. Далее проходили массовые протестные акции (рис. 1), основными тезисами которых было освобождение Фургала, недопуск подобного беспричинного произвола, также проявился дискурс недовольства дистанционностью и отсутствием участия федерального центра в реальной проблемной повестке. При этом во многих ситуациях удалось избежать применения силовых методов со стороны правоохранительных органов и насильственные дискурсы не появились.

Протесты в Москве в поддержку Навального в январе 2021 г. не стали исключением. Основным инструментом их мобилизации, а также осуществления модерации стали социальные медиа. Социально-медийная повестка в период с 17 января и до 2 февраля наполнялась политической проблематикой, которая связана с действиями Алексея Навального.

Первый пик информационный активности отмечается 17.01.2021 — это дата возвращения Навального в Москву, перенаправление его

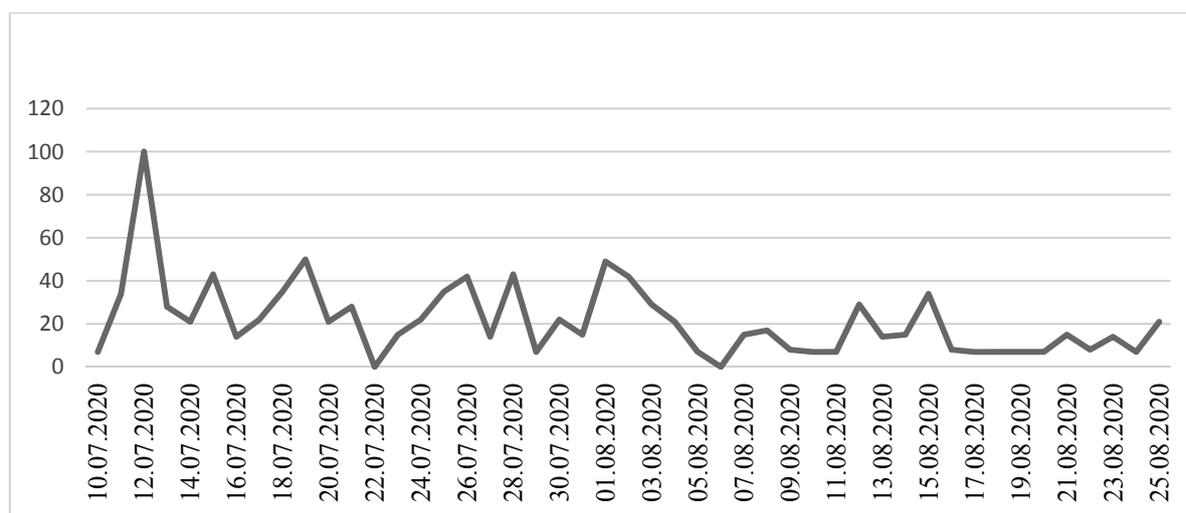

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика информационного потока о протестах в Хабаровске 2020 г. / Dynamics of the information flow about the protests in Khabarovsk 2020

Источник / Source: составлено автором / the author.

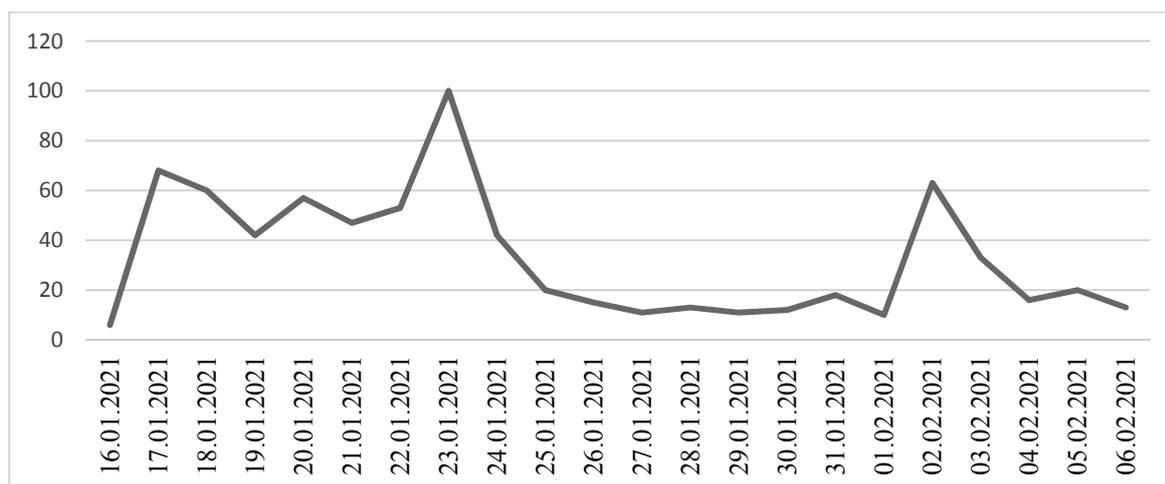

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика информационного потока о протестах в России в январе 2021 г. / Dynamics of the information flow about the protests in Russia in January 2021

Источник / Source: составлено автором / the author.

самолета и задержание его в аэропорту после посадки. 18 января проходит суд над Навальным, который создает резонанс в обществе, так как отмечаются нарушения установленного правового порядка. 19 января выходит фильм Навального про дворец Путина в Геленджике, что становится подкрепительным триггером. К дискурсам о Навальном добавляются дискурсы о коррупционности, которые получают негативный отклик.

23 января начинается протестный флешмоб по всей стране и за ее пределами, который становится самостоятельным триггером. Дискурсы протеста охватывают не только вопросы, связанные с Навальным, но и другие проблемы,

которые актуализированы в обществе: коррупция, несменяемость власти, отсутствие альтернативы, низкий уровень жизни. Следующим пик информационной активности приходится на 31 января. В этот день протесты проходят во многих городах России, но количество городов-участников сокращается. В дальнейшем определенный пик можно отметить 2 февраля, когда происходит очередное заседание по делу А. Навального (рис. 2).

В целом в рамках ивент-анализа можно отметить, что основным первичным триггером были С. Фургал и А. Навальный. Триггеры активно пополнялись игнорированием со стороны действующей власти социально-экономиче-

Таблица 1 / Table 1

**Характеристики публикаций в ходе освещения протестов в Хабаровске 2020 г. /
Characteristics of publications during the coverage of the protests in Khabarovsk in 2020**

Использование мобилизующих приемов	Прямые указания к действиям	12%
	Отсутствие прямых указаний к действиям	88%
Степень конвенциональности	Конвенциональный	66%
	Неконвенциональный	14%
Прием формирования дискурса	Аффективный	63%
	Рациональный	29%
	Смешанный	8%

Источник / Source: составлено автором / the author.

Таблица 2 / Table 2

**Характеристики публикаций в ходе освещения протестов в январе 2021 г. /
Characteristics of publications during the coverage of the protests in January 2021**

Использование мобилизующих приемов	Прямые указания к действиям	14%
	Отсутствие прямых указаний к действиям	86%
Степень конвенциональности	Конвенциональный	51%
	Неконвенциональный	49%
Прием формирования дискурса	Аффективный	60%
	Рациональный	29%
	Смешанный	11%

Источник / Source: составлено автором / the author.

ской ситуации, а также общим недовольством существующей системы.

Переходя к анализу результатов когнитивного картирования, мы можем выделить несколько ключевых особенностей. Так, для протестов 2020–2021 гг. характерно неиспользование мобилизующих приемов. Отсутствие в большинстве публикаций прямых указаний к действиям говорит о том, что модераторы протестов используют опосредованные способы вовлечения, не агитируя прямо участвовать в протестах. Прямые указания для неподготовленной и нелояльной аудитории могут

становиться фактором, который негативным образом влияет на отношение к протестам. Опосредованное вовлечение позволяет осуществлять подготовку пользователей, а также формировать лояльность (табл. 1 и 2).

Большинство публикаций характеризуются конвенциональностью, в них отсутствуют призывы к системным изменениям существующего политического режима. Информационное сопровождение протестов в поддержку А. Навального в январе 2021 г. связано с большей степенью неконвенциональности публикаций, что обосновывается дискурсами, которые

ложатся в основу протестной мобилизации и связаны с недовольством действиями органов государственной власти, правоохранительных и судебных органов, а также социально-экономической обстановкой (табл. 2).

Нужно подчеркнуть, что мобилизация осуществляется на основании аффективных приемов формирования дискурса, что позволяет привлекать внимание к публикациям, а также формировать диапазон чувств от сопричастности и сочувствия до негодования. Подобный тип публикаций вызывает эмоциональный отклик, что увеличивает вовлеченность, а также способствует формированию оппозиционных установок.

Инфраструктура протестов в Хабаровске представлена в большинстве случаев такими социальными медиа, как ВКонтакте, Одноклас-

С позиции технологий и триггеров протесты организовывались по идентичным сценариям. А эффективность Telegram, доказанная во время протестов в Республике Беларусь в 2020 г., активно использовалась и в ходе российских протестов в 2021 г., подтверждая работоспособность мессенджера.

сники и Twitter. При этом активность проявляется через комментарии, в меньшей степени представлены посты и записи в социальных сетях. Подобная инфраструктура информационного потока показывает, что пользователей можно охарактеризовать как вовлеченных, так как они активно подключаются к обсуждению протестов в формате комментариев, но значительно менее активно формируют собственную информационную повестку через посты и записи в социальных сетях. В протестах отсутствовала единая инфраструктура и единый канал, который позволял обеспечивать протестную мобилизацию. Такими источниками становились сообщества регионального характера, которые и позволяли обеспечивать протестную мобилизацию и распространяли инструкции.

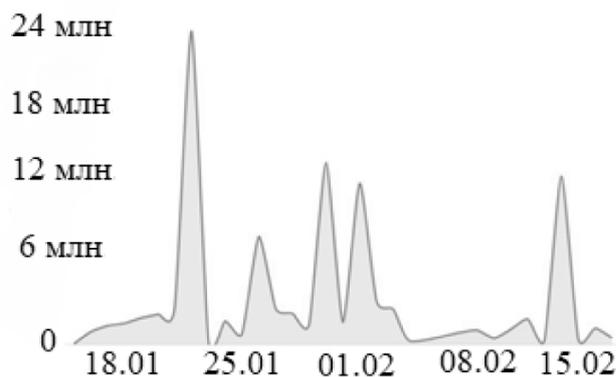

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика просмотров публикаций о протестах в январе 2021 г. / Dynamics of views of publications on protests in January 2021

Источник / Source: составлено автором / the author.

Подобная ситуация обосновывается тем, что протест носил региональный характер, а не был всероссийским.

В ситуации с протестами в поддержку А. Навального ключевым элементом инфраструктуры являлось сообщество «Команда Навального», функционирующее в ВКонтакте и Telegram. После ареста А. Навального модераторы сообществ на различных платформах начали формировать протестный информационный поток, который носил весьма динамичный характер, а также обосновывал необходимость участия в массовых протестных акциях (рис. 3). Публикации в социальных медиа во многих случаях пересекались, но необходимо отметить, что ВКонтакте использовался для первичного формирования протестных установок и обеспечения мобилизации протеста, Telegram выполнял роль модератора протеста непосредственно в ходе акций. Подобное распределение во многом связано с особенностями конфиденциальности социальных сетей. Говоря про активность пользователей, можно отметить, что для ВКонтакте характерна высокая комментарийная активность, в то время как в Telegram подписчики являются исключительно зрителями формируемого контента.

Выводы

Несмотря на то что протесты в Хабаровске и в поддержку А. Навального произошли в разное время, у них есть ряд общих характеристик.

Во-первых, для протестов 2020 и 2021 гг. характерны идентичные механизмы мобилизации: первичное событие-триггер, вокруг

которого выстраивается первая волна мобилизации, и жертва, образ которой используется для обеспечения вовлечения пользователей в протестный информационный поток.

После того, как сформирована первичная аудитория протеста, начинается этап вторичной мобилизации, в котором триггерами становятся недовольство существующим режимом, действиями правоохранительных органов, социально-экономической ситуацией. Подобный набор триггеров позволяет осуществлять пролонгированное воздействие на пользователей, формируя разнообразную аудиторию протеста, так как используются триггеры, актуальные для разных групп населения.

Во-вторых, протестные публикации характеризуются отсутствием прямых указаний к действию, что говорит о том, что на первом этапе происходит формирование протестных и оппозиционных установок, а непосредственно перед протестами модераторы размещают инструкции, которые позволяют систематизировать протест. Подобный подход позволяет формировать лояльность к протесту, а в последующем — осуществлять перевод онлайн-активности в офлайн.

В-третьих, аффективные приемы формирования дискурса позволяют говорить об эффективности эмоционального подхода к формированию публикаций. Сообщения, в содержании которых присутствуют эмоциональные элементы, формируют эмоциональный отклик

у пользователей, обеспечивая большее вовлечение в протестный дискурс, что потенциально может приводить к формированию лояльности. Отработанность и доказанная эффективность технологии использования аффективных приемов потенциально может быть применена в ходе мобилизации будущих протестных акций, что требует разработки актуальных методик противодействия.

В-четвертых, инфраструктуры протестов существенно различны. Высокий мобилизационный потенциал и эффективность продемонстрировала модель, используемая в ходе протестов в 2021 г. в поддержку А. Навального. Сочетание различных платформ, а также модерация протестов в формате «здесь и сейчас» позволяет повышать их управляемость. Подобная успешная апробация Telegram в январе 2021 г. потенциально может повлечь использование данной платформы и ее функционала в ходе протестных акций.

Подводя итог, можно отметить, что с позиции технологий и триггеров протесты организовывались по идентичным сценариям. А эффективность Telegram, доказанная во время протестов в Республике Беларусь в 2020 г., активно использовалась и в ходе российских протестов в 2021 г., подтверждая работоспособность мессенджера. Подобные тенденции говорят о формировании практики использования нового сервиса для мобилизации, который имеет потенциал стать протестной платформой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лебон Г. Психология народов и масс. Пер. с фр. М.: АСТ; 2017. 384 с.
2. Тард Г. Общественное мнение и толпа. Пер. с фр. М.: АСТ; 2021. 256 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации. Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2016. С. 564.
4. Wellman B. Network analysis: some basic principles. *Sociological Theory*. 1983;(1):158–162.
5. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс; 1994. 688 с.
6. Oberschall A. Social conflict and social movements. N.J.: Prentice-Hall, Inc.; 1973. 392 p.
7. Mcadam D., Tarrow S. Dynamics of Contention. C.: Cambridge University press; 2004. 411 p.
8. Znaniecki F., Thomas W.I. The Polish peasant in Europe and America. N.Y.: Alfred A. Knopf; 1927. 1115 p.
9. Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018;(1):12–35.
10. Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан. *Управленческое консультирование*. 2020;(1):35–42.
11. Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования). *Власть*. 2020;(2):51–58.
12. Карзубов Д. Н. Мобилизация протестной активности пользователей социальных медиа в России (2011–2017 гг.). *Социально-гуманитарные знания*. 2017;(8):244–257.

13. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Азаров А. А., Фильченков А. А., Абрамов М. В., Карзубов Д. Н. Интернет-технологии мобилизации политического протеста (на примере Евромайдана). *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016;(4):54–69.
14. Коротаев А. В., Мещерина К. В., Куликова Е. Д., Дельянова В. Г. Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ. *Сравнительная политика*. 2017;(4):113–126.

REFERENCES

1. Lebon G. Psychology of peoples and masses. Moscow: AST; 2017. 384 p. (In Russ.).
2. Tard G. Public opinion and the crowd. Moscow: AST; 2021. 256 p. (In Russ.).
3. Castells M. Power of communication. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. 564 p. (In Russ.).
4. Wellman B. Network analysis: some basic principles. *Sociological Theory*. 1983;(1):158–162.
5. Smelzer N. Sociology. Moscow: Feniks; 1994. 688 p. (In Russ.).
6. Oberschall A. Social conflict and social movements. N.J.: Prentice-Hall, Inc.; 1973. 392 p.
7. Mcadam D., Tarrow S. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. 411 p.
8. Znaniecki F., Thomas W.I. The Polish peasant in Europe and America. N.Y.: Alfred A. Knopf; 1927. 1115 p.
9. Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilova M. V. “Reassembling the rally”: The Internet in protest and protest on the Internet. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*. 2018;(1):12–35. (In Russ.).
10. Malkevich A. A. The role of social networks in the protest political participation of citizens. *Upravlencheskoe konsul’tirovanie*. 2020;(1):35–42. (In Russ.).
11. Dombrovskaya A. Yu. Civil activism of youth in modern Russia: features of its manifestation in online and offline environments (based on the results of an empirical study. *Vlast’*. 2020;(2):51–58. (In Russ.).
12. Karzubov D. N. Mobilization of protest activity of social media users in Russia (2011–2017). *Sotsial’no-gumanitarnye znaniya*. 2017;(8):244–257. (In Russ.).
13. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Azarov A. A., Filchenkov A. A., Abramov M. V., Karzubov D. N. Internet technologies of political protest mobilization (on the example of Euromaidan). *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2016;(4):54–69. (In Russ.).
14. Korotaev A. V., Meshcherina K. V., Kulikova E. D., Del’yanova V. G. The Arab Spring and its Global Echo: a quantitative analysis. *Sravnitel’naya politika*. 2017;(4):113–126. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Александровна Давыдова — лаборант Центра политических исследований Департамента политологии; студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
marchikdavydova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Davydova — Laboratory Assistant at the Centre for Political Studies of the Department of Political Science; 4th-year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
marchikdavydova@mail.ru

Статья поступила 10.05.2021; принята к публикации 30.05.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.05.2021; accepted for publication on 30.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175
УДК 324(045)

Протестные общественно-политические настроения жителей Дальнего Востока в 2020 году (на примере Хабаровска, Владивостока, Благовещенска)*

Н.М. Печенкин^а, К.И. Неткачев^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2161-1850>

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является изучение природы протестных общественно-политических настроений жителей региональных центров Дальнего Востока: Хабаровска, Владивостока, Благовещенска. Для достижения цели решено несколько задач. Во-первых, для определения общественно-политических настроений жителей проведено социологическое исследование (качественными методами: фокус-группы и экспертные интервью) в каждом городе. Во-вторых, в каждом из городов проанализированы результаты выборов за последние несколько лет для определения динамики поддержки провластных кандидатов и партии власти. В-третьих, проведен киберметрический анализ эмпирических данных реакций жителей регионов на деятельность федеральной и местной власти в социальных медиа при помощи системы мониторинга и аналитики «Медиалогия». Итогом изучения стали рекомендации для органов федеральной и региональной исполнительной власти для снижения уровня протестных настроений в регионах Дальнего Востока в целом и региональных столиц в частности.

Ключевые слова: протестные настроения; Дальний Восток; Хабаровский край; Приморский край; Амурская область; протесты в Хабаровске 2020

Для цитирования: Печенкин Н.М., Неткачев К.И. Протестные общественно-политические настроения жителей Дальнего Востока в 2020 году (на примере Хабаровска, Владивостока, Благовещенска). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):169-175. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175

ORIGINAL PAPER

Protest socio-political mood of residents of the Far East in 2020 (on the example of Khabarovsk, Vladivostok, Blagoveshchensk)**

N.M. Pechenkin^a, K.I. Netkachev^b

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-2161-1850>

ABSTRACT

The study aims to study the nature of the protest socio-political mood of residents of the regional centres of the Far East: Khabarovsk, Vladivostok, Blagoveshchensk. We have solved several tasks to achieve the goal. First, a sociological study was conducted to determine the socio-political mood of residents (qualitative methods: focus groups and expert interviews) in each city. Secondly, each of the cities analysed the election results over the past few years to determine the dynamics of support for loyal to power candidates and a batch of power. Thirdly, a cybermetric analysis of the empirical data of the responses of residents of regions on the activities of federal and local authorities in social media using the "Medialogy" monitoring and analytics system was carried out. The result of the study was recommendations for the federal and regional executive bodies to reduce the level of protest sentiment in the regions of the Far East as a whole and regional capitals in particular.

Keywords: protest moods; Far East; Khabarovsk region; Primorsky Krai; Amur region; Protests in Khabarovsk 2020

For citation: Pechenkin N.M., Netkachev K.I. Protest socio-political mood of residents of the Far East in 2020 (on the example of Khabarovsk, Vladivostok, Blagoveshchensk). *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):169-175. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32290.

** The study was completed with the financial support of the RFBR and ANO EICA under scientific project No. 20-011-32290.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми положениями. Во-первых, электро-цикл 2018–2020 гг. сразу в нескольких дальневосточных регионах России характеризуется динамикой общественно-политических настроений граждан от лоялистских к протестным, что повлияло на результаты выборов регионального уровня в них. Во-вторых, в Хабаровском крае в 2020 г. проходили массовые протестные акции в поддержку бывшего губернатора С. Фургала после его ареста. В-третьих, в преддверии выборов в Государственную Думу в 2021 г. важно понимать настроения жителей региональных центров дальневосточных регионов и причины их трансформации для выстраивания политической повестки во время избирательной кампании. В условиях кризиса доверия к власти происходит формирование и развитие протестных настроений, а поведение избирателей может приводить к протестному голосованию, массовым протестным акциям или региональному сепаратизму.

В теоретико-методологическую основу работы вошли результаты исследований протестных настроений, концепция «спирали молчания» и теория ограниченной рациональности, теория массового политического сознания и поведения избирателей, теоретические исследования протестной активности в современной России А. А. Фролова [1], анализ региональной специфики Дальнего Востока в работах Л. Е. Бляхера [2] и А. П. Коняхиной [3, 4], исследования региональной специфики и особенностей местных периферийных политических структур в общем виде Ю. А. Пустовойта [5] и особенности взаимодействия власти с обществом через социальные медиа в трудах А. Д. Трахтенберга [6], И. А. Быкова [7], И. В. Мирошниченко [8] и С. В. Володенкова [9].

Для фиксации протестных общественно-политических настроений можно рассматривать три базовых параметра: низкие результаты кандидатов или партии власти на выборах, недовольство респондентов в ходе социологических исследований и негативные посты и реакции в социальных медиа. Хабаровский край в 2020 г., после ареста бывшего губернатора С. Фургала, стал центром распространения протестной активности, как на Дальнем Востоке, так и в стране в целом. Поэтому в исследовании ему уделяется больше внимания, чем Приморскому краю и Амурской области.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ: ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

Хабаровчане последние 20 лет были скорее лояльны к власти по результатам федеральных и региональных выборов (В. Путин / Д. Медведев — на президентских выборах и «Единая Россия» — на выборах в региональный парламент). В марте 2018 г. В. Путин получил в крае высокий уровень поддержки (65,78%, или 426 385 голосов при явке 64,23%, улучшив результаты 2012 г.). Но с 2018 г. хабаровчане несколько раз были обмануты властью. Вероятнее всего, это и лежит в основе протестного голосования в регионе в 2018–2019 гг. («лишь бы “Единая Россия” и не ее кандидат») и протестных митингов 2020 г. До 2018 г. ЛДПР была даже не второй, а только 3 (!) по популярности в регионе (один раз даже 4, когда ее обошла еще и «Справедливая Россия»).

По мнению респондентов, летом 2018 г. первым шагом на пути к протестам стала пенсионная реформа, которая уже после выборов президента подорвала доверие к власти по стране («В. Путин в предыдущие годы лично обещал не поднимать пенсионный возраст, но сейчас обманул»). В это же время вторым шагом стала неудачная избирательная кампания В. Шпорта, отчеты которого перестали отображать реальное положение дел в регионе (особенно негативно всеми экспертами и участниками фокус-групп выделяется его отчет президенту, когда он рассказывал о средней зарплате врачей в 80 тыс. руб., что жители восприняли как обман). Весной 2019 г. третьим шагом стал фильм-расследование «18 лет воровства. Американская мечта мэра Хабаровска» (более 547 тыс. просмотров), где показывалось, что «народный» мэр Хабаровска А. Соколов стремится стать гражданином США. До этого он избирался несколько раз с высоким результатом и руководил регионом 18 лет.

С. Фургал стал символом протеста Хабаровского края. Сначала он на протестном голосовании в 2018 г. выиграл у В. Шпорта, затем, в 2019 г., за счет его популярности ЛДПР выиграла все парламентские выборы в регионе, а в 2020 г. его арест создал ему образ «мученика» и «народного губернатора». Но, главное, что Фургал не обманул хабаровчан (может быть, не успел), которые в него поверили, в том числе из-за популистских мер и отличной работы его информационно-медийной команды. Таким образом, базовыми предпосылками формирования протестных настроений хабаровчан являются социально-психологические факторы, которые влияют на глубинное сознание жителей края. Среди таких факторов особо выделяется доверие

к власти, отсутствие которого в корне подрывает ее авторитет в глазах населения.

Необходимо помнить, что по итогам 2014 г. полное доминирование было у «Единой России», которая пользовалась максимальным доверием жителей. Победа ЛДПР на выборах в Законодательную Думу Хабаровского края в 2019 г. — это продолжение тренда «победа Фургала и поражение “Единой России”».

Социально-экономические факторы при формировании протестных настроений являются второстепенными по отношению к социально-психологическим, при том, что именно экономические причины называются чаще всего как главные источники недовольства в ходе проведения фокус-групп в Хабаровском крае. Основные социально-экономические проблемы в Хабаровском крае в целом совпадают с общероссийскими (низкие зарплаты, высокие цены, проблемы с трудоустройством, нехватка социальной инфраструктуры, благоустройство городской среды и т.д.). Но при этом в остальных регионах не наблюдается подобных результатов на выборах или столь массовой уличной активности.

Население в целом негативно оценивает текущий уровень жизни. Фиксируется отсутствие взаимосвязи между реализацией приоритетных проектов и улучшением качества жизни на бытовом уровне. По результатам проведения фокус-групп можно выделить наиболее значимые проблемы для жителей региона:

- низкое качество работы государственной медицины при высоком уровне и высокой стоимости частной, к которой все равно приходится обращаться;
- низкий уровень зарплат и высокие цены (в том числе на услуги ЖКХ);
- низкое качество общественного транспорта, дорогие перелеты;
- проблемы с трудоустройством местного населения, особенно молодежи, которая из-за этого покидает регион;
- миграция в другие субъекты России;
- недоступные цены на рыбу и морепродукты.

Среди специфических проблем в регионе — «брошенность» людей центром (дорогие билеты, сложность попадания в Москву и другие части страны), высокие цены на рыбу и слабое освоение больших территорий (низкая транспортная доступность, низкое развитие инфраструктуры и т.д.).

По мнению участников фокус-групп, в 2018 г. избрание Сергея Фургала дало хабаровчанам надежду на позитивные изменения. Главное, что стало

причиной его первоначальной популярности — это избрание «вопреки воле Москвы». В дальнейшем на формирование образа «народного губернатора» оказывали влияние два фактора: информационная работа его команды и постоянная готовность встречаться с людьми напрямую.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что значимых достижений при С. Фургале не было. Почему? Слишком короткий срок пребывания в должности, ориентация на тактику «быстрых малых побед», отсутствие финансовой поддержки из федерального центра. Все это формировало имидж губернатора, который «старается для народа, но ему не дают это делать сверху». Во многом его высокий рейтинг был отражением высокого антирейтинга федеральной власти. При этом, при отсутствии больших достижений, он не вызывал негатива у населения, которому «достаточно популистских мер».

Важное следствие его победы на выборах в том, что люди поверили в избирательную систему и значимость своего голоса, что и было продемонстрировано в 2019 г. на региональных и муниципальных парламентских выборах. В целом все эксперты признают договороспособность Фургала по отношению к федеральному центру. Он публично приглашал голосовать по поправкам (но без явного обозначения позиции).

Арест Фургала — триггер протестов, которые стали следствием нерешенности ряда системных проблем в регионе. При этом многие понимают, что он реально мог быть причастен к уголовным делам. Но для них вопрос виновности — не главный, что говорит о большом кризисе доверия правоохранительной и судебной системам. Главный вопрос в этом случае: почему Фургала раньше несколько раз допускали на выборы главы субъекта и депутатов Государственной Думы?

Мотивации для участия в митингах следующие: личная симпатия к Фургалу, «незаконный» арест, участие в массовом мероприятии, попытка воздействия на федеральную власть, информационное молчание, митинг как развлечение. Важно отметить эмоциональную составляющую, которая заключается в более активной поддержке протестов со стороны женщин. Остается неопределенной доля тех, кто вышел на митинг, а до этого голосовал за Фургала в 2018 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ: ПРИМОРСКИЙ КРАЙ

Для определения трансформации отношения жителей к федеральной и региональной власти в При-

морском крае рассмотрим результаты выборов в регионе Президента РФ, губернатора и депутатов Законодательного собрания. Как уже говорилось выше, в марте 2018 г. В. Путин получил в крае высокий уровень поддержки (65,26%, что, кстати, ниже показателей Хабаровского края).

Однако выборы губернатора в 2018 г. в Приморье показали высокий уровень протестных настроений. 9 сентября в единый день голосования победитель не был выявлен. Действующий губернатор В. Тарасенко («Единая Россия») набрал 46,56%, а ближайший конкурент А. Ищенко (КПРФ) — 24,63%. При этом в 2014 г. кандидат от «Единой России» Владимир Миклушевский победил с большим преимуществом, набрав 77,43%, против 12,67% кандидата от КПРФ Владимира Гришукова. Но в 2018 г. во втором туре А. Ищенко лидировал (фактор второго тура — протестное голосование), а в последний момент необъяснимым чудом в лидеры вышел В. Тарасенко. В итоге выборы пришлось отменить и назначить повторные, которые прошли 16 декабря 2018 г. К ним, по данным экспертов, от власти подготовили сильного кандидата Олега Кожемяко (кандидат от власти, но самовыдвиженец), который набрал 61,88% (420 730 голосов) и стал новым губернатором Приморья.

В 2021 г. в Приморье пройдут выборы в Законодательное собрание. В 2016 г. победу одержала «Единая Россия», которая набрала 39,47% (217 318 голосов), второе место было за КПРФ — 20,81% (114 613 голосов), третье — за ЛДПР с результатом 20,43% (112 495 голосов). В 2011 г. победу одержала также «Единая Россия» с результатом 33,65% (248 285 голосов) при явке 48,32% (739 335 человек). Второе место осталось за КПРФ (23,81%, или 175 671 голос), третье — за «Справедливой Россией» (19,84%, или 146 354 голоса), ЛДПР стала четвертой (19,83%, или 146 287 голосов).

По результатам социологического исследования, негативные оценки текущей ситуации в стране, регионе и конкретных населенных пунктах значительно преобладают над позитивными. При этом ситуация на федеральном уровне оценивается респондентами как более негативная, чем на региональном и местном уровнях. Жители Владивостока хуже других оценивают ситуацию, сложившуюся в регионе в целом и городе в частности¹.

¹ Наиболее существенными проблемами в представлениях жителей Приморского края являются безработица, высокие цены на услуги ЖКХ, низкий уровень зарплат, низкий уровень социальных выплат, неудовлетворительное состояние дорожного полотна, высокий уровень потребления

Отношение к нелегальным формам проявления недовольства скорее негативное, поэтому люди видят перспективу не в проведении митингов, а в обращениях в официальные органы власти. Причиной массовых акций протеста может стать несогласие с действиями властей, причем по любому поводу — недовольство новыми законопроектами, бездействием властей, невыполнением данных ранее обещаний, отсутствием диалога с народом. Кроме того, респонденты полагают, что причиной протестных публичных мероприятий может стать рост цен на товары и услуги, высокий уровень безработицы. Более половины участников фокус-групп достаточно позитивно относятся к Приморскому краю и утверждают, что им нравится их жизнь в регионе. Но, рассуждая о том, что конкретно им нравится, все в основном говорили о природе, климате, близости моря. Наличие моря является сглаживающим фактором при формировании протестных настроений. Среди позитивных отличий жизни в Приморском крае от жизни в других регионах России респонденты выделяют менталитет местных жителей, размеренность жизни вне Владивостока и динамичность жизни в столице региона; возможности, связанные с выгодным географическим положением региона и природными достопримечательностями края; высокую численность населения региона. Негативные отличия жизни в Приморском крае от жизни в других регионах связаны с инфраструктурными проблемами Приморья [качество дорог, отсутствие благоустроенных территорий общего пользования и вообще систематического благоустройства, которое происходит только перед какими-либо событиями (выборы, саммит)].

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ: АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Для определения трансформации отношения жителей Амурской области к федеральной и региональной власти рассмотрим результаты выборов в регионе Президента РФ, губернатора и депутатов Законодательного собрания Приморского края. Хабаровчане последние 20 лет в целом были лояльны к власти, что можно проследить по результатам федеральных и региональных выборов (В. Путин / Д. Медведев на президентских выборах и «Единая Россия» на выборах в региональный парламент). В марте 2018 г. В. Путин получил в крае высокий

алкоголя гражданами, рост цен на товары и услуги, коррупция, низкое качество и высокая стоимость медицинских услуг.

уровень поддержки (67,04%, или 264493 голоса, при явке 62,15%, что, кстати, выше показателей же Хабаровского края и Приморья).

В 2018 г. в регионе прошли выборы губернатора, где победу одержал представитель партии власти В. Орлов — 55,6% (108245 голосов) при явке 31,25%. Второе место досталось Т. Ракутиной от КПРФ — 26,56% (51715 голосов). В 2015 г. на выборах губернатора победу одержал А. Козлов от «Единой России» — 50,64% (108363 голоса) при явке 33,53%. На втором месте оказался И. Абрамов из ЛДПР — 28,3% (60545 голосов).

В 2016 г. на выборах в Законодательное собрание Амурской области победу одержала «Единая Россия», которая набрала 35,93% (96569 голосов) при явке 42,11%. Второе место заняла ЛДПР с результатом 30,7% (82508 голосов), третье — КПРФ (17,41%, или 46791 голос). Таким образом, очевидно, что в целом в Амурской области кандидаты и партия власти побеждают, но у конкурентов более высокие результаты, чем в Хабаровском крае или Приморье.

По результатам социологического исследования, наблюдается такая же ситуация, что и в Приморском крае, когда негативные оценки текущего положения дел в стране, регионе и конкретных населенных пунктах значительно преобладают над позитивными. Жители Благовещенска хуже других оценивают ситуацию, сложившуюся в регионе и в городе. На фокус-группах участники отметили картинку-мем, на которой изображены Благовещенск и Хэйхэ, с надписью: «Раньше там было пустое поле, а теперь — посмотрите сами». Близость большого геополитического игрока играет важную роль в восприятии развития своего города и региона.

Основные проблемы, которые называют респонденты, — общефедеральные: отсутствие социально-экономического развития, высокие цены, низкие зарплаты, плохая инфраструктура, дорогие услуги ЖКХ и коррупция. При этом так же, как и в других дальневосточных регионах, выделяется проблема «оторванности» от всей страны с дорогими перелетами. Отношение к федеральной и региональной властям скорее негативное, но к обеим — одинаковое. Вероятно, это связано с тем, что личность губернатора не выделяется на фоне других, как это было с С. Фургалом в Хабаровском крае или с О. Кожемяко в Приморском крае.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕНИЯ КИБЕРМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В июле 2020 г., в связи с арестом экс-губернатора Хабаровского края С. Фургала, протестная актив-

ность на Дальнем Востоке получила яркое выражение в информационном пространстве. Для анализа реакции пользователей социальных сетей по этому и другим масштабным инфоповодам было решено задействовать весь комплекс групп в социальных сетях Дальнего Востока, не ограничиваясь только десятком наиболее популярных, поскольку картина, предоставленная таким масштабным анализом, оказалась гораздо более репрезентативной. В общем зачете с помощью информационно-аналитической системы «Медialogия» было проанализировано 238002 сообщения по тематике протестных акций в социальных сетях с общим охватом во всех трех регионах в 40,1 млн чел. Период информационного исследования — с 1 июля по 30 октября 2020 г.

Так как наличествует крупный инфоповод, характеризующийся крайне антиправительственными настроениями, пользовательскую реакцию в данный период можно обозначить как негативную. Несмотря на серьезные различия в фокусе внимания в каждом отдельно взятом регионе, в реакциях пользователей можно уверенно выделять тренды недоверия к региональным властям (а в случае с протестами в Хабаровске — и к федеральным), поддержки протестных акций и недовольства попытками предотвращения протестных акций.

В ходе исследования выделяется ряд ключевых особенностей, выявленных в инфополе представленных регионов. В первую очередь необходимо отметить разную реакцию информационного пространства каждого отдельно взятого региона на инфоповод, связанный с протестами в Хабаровске. Совокупность различных факторов приводит к тому, что в каждом регионе мы наблюдаем уникальную картину: например, в Хабаровске данный инфоповод заполняет все пространство и насыщен новыми обсуждениями и событиями, а в Приморском крае, помимо хабаровских протестов, есть собственный очаг протестного движения, но при этом сохраняется собственная повестка, связанная с другими региональными проблемами и обсуждением федеральной повестки.

Также отмечается разный акцент информационного пространства регионов на исключительно региональную повестку — тогда как в Хабаровском крае и Амурской области региональная повестка превалирует и практически полностью формирует обсуждение протестной активности в соцсетях, в Приморском крае отмечается более активное присутствие элементов федеральной повестки, будь то обсуждения федеральных акций или проведе-

ние собственных в рамках федерального тренда на общероссийскую тематику.

Возникает интересная тенденция: в Хабаровском и Приморском краях, где в реальные протестные акции вовлечено большое количество работающих жителей, наблюдаются всплески активности обсуждения по выходным, тогда как в Амурской области, в которой практически нет крупных регулярных акций, такая тенденция не просматривается. Еще в ходе исследования отмечается нетипично высокая активность сети «Одноклассники», которая в данном случае становится основным средством распространения обсуждения протестной активности в представленных регионах. В рамках рассмотрения вовлеченности социальных сетей в обсуждения также наблюдается активная работа сетей Instagram и «ВКонтакте» над удалением постов с призывами к участию в несогласованных акциях, в то время как в «Одноклассниках» проводится минимальная работа модераторов.

ВЫВОДЫ

Регионы Дальнего Востока (Хабаровский край, Приморский край и Амурская область) характеризуются более высоким уровнем протестных настроений, чем другие регионы России. В первую очередь это обусловлено экономико-географическими факторами, среди которых: удаленность от Москвы (в восприятии жителей — оторванность от всей страны), слабая развитость экономических связей и инфраструктуры.

В ходе социологического исследования было выявлено, что в целом выбранные для исследования города характеризуются схожей общей проблематикой. В основном — это общефедеральные факторы: высокие цены, низкие зарплаты, проблемы в образовании и здравоохранении. Специфическими

проблемами являются высокие цены на перелеты по стране, а также на рыбу и морепродукты, низкая развитость транспортной сети. Для того чтобы нивелировать протестные настроения, необходимо возвращать доверие жителей через реальные действия, а не «программы ради программ» (как «Дальневосточный гектар» и «Дальневосточная ипотека»). Регионального сепаратизма не наблюдается, но у жителей есть определенные сложности с идентификацией себя с Россией, когда им ближе, дешевле и доступнее попасть в Китай, чем в Москву.

В ходе киберметрического этапа исследование показало, что каждый из рассмотренных регионов обладает своими особенностями не только в плане общего вида информационного поля и актуальной повестки, но и в аспекте пользовательской реакции. Поэтому любая отработка инфоповода, проводимая в рамках трех описываемых регионов, должна опираться на особенности аудитории в каждом отдельном субъекте, корректируя ход работы в зависимости от условий, сложившихся в конкретном регионе.

На формирование протестных настроений в 2020 г. в первую очередь оказал влияние арест бывшего губернатора Хабаровского края Сергея Фургала. Передовым регионом в данном вопросе является Хабаровский край, где все инфополе заполняется обсуждением протестов. Приморье также активно участвует в этих протестах, при этом во Владивостоке существует собственный очаг протестного движения. Стоит отметить, что для Владивостока характерно более активное присутствие в федеральной повестке. А вот в Амурской области, несмотря на наличие собственных протестных акций, информационное поле заполнено сообщениями о событиях в Хабаровске без значимого внимания к аналогичным акциям в собственном регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролов А.А. Особенности протестов в современной России. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс»; 2018.
2. Бляхер Л.Е. Потребность в национализме, или Дальний Восток в демографической структуре АТР. Сборник материалов первой региональной научно-практической конференции. Хабаровск: Кн. изд-во; 2004. 272 с.
3. Коняхина А.П. Практики гражданского участия на российском Дальнем Востоке. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности. *Россия и АТР*. 2014;4(86):38–55.
4. Коняхина А.П. Власть как контрагент: случай российского Дальнего Востока (1985–2014 гг.). *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2015;4(35):43–54.
5. Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014;(46):85–106.
6. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура? *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2011;(11):253–270.

7. Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования. Монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД»; 2013.
8. Мирошниченко И.В. Публичная политика в современной России: состояние и тенденции развития. *Человек. Сообщество. Управление*. 2012;(3):4–14.
9. Володенков С.В. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций. *Вестник Московского университета*. 2016;(2):21–34.

REFERENCES

1. Frolov A.A. Features of protests in modern Russia. Collection “VIII All-Russian Congress of Polytologists”. Moscow: Limited Liability Company Publishing House “Aspect Press”; 2018. (In Russ.).
2. Blyher L.E. The need for nationalism, or the Far East in the demographic structure of the APR. Collection of materials of the First Regional Scientific and Practical Conference. Khabarovsk: Book Publishing House; 2004, 272 p. (In Russ.).
3. Konyakhina A.P. Civil participation practices in the Russian Far East. From private interest in public policy: in search of solidarity. *Russia and the APR*. 2014;4(86):38–55. (In Russ.).
4. Konyakhina A.P. Power as a counterparty: the case of the Russian Far East (1985–2014). *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya = Regional studies*. 2015;4(35):43–54. (In Russ.).
5. Pustovoyt Yu.A. Urban political regimes: coordination of intra elite interaction in large industrial cities. *Public administration. Electronic Bulletin*. 2014;(46):85–106. (In Russ.).
6. Trachtenberg A.D. Electronic government: technocratic utopia or demanded structure? Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and the Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2011;(11):253–270. (In Russ.).
7. Bykov I.A. Network Political Communication: Theory, Practice and Research Methods: Monograph. St. Petersburg: FGBOU VPO “SPGUTD”; 2013. (In Russ.).
8. Miroshnichenko I.V. Public policy in modern Russia: the state and trends of development. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye = Human. Community. Control*. 2012;(3):4–14. (In Russ.).
9. Volodenkov S.V. Development of modern information and communication technologies as a factor in the formation of the Paradigm of the Network Communication Society. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Vestnik Moscow University*. 2016;(2):21–34. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николай Михайлович Печенкин — аспирант Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
nick_pechyonkin@mail.ru

Кирилл Иванович Неткачев — магистр факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
belkir1998@icloud.com

ABOUT THE AUTHORS

Nikolai M. Pechenkin — Postgraduate student, Department of Political Sciences Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
nick_pechyonkin@mail.ru

Kirill I. Nishkachev — Master of Art, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
belkir1998@icloud.com

Статья поступила 12.05.2021; принята к публикации 15.06.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.05.2021; accepted for publication on 15.06.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Финансовые инструменты в контексте развития sharing economy

Е. И. Борковская

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2853-2557>

АННОТАЦИЯ

Инновационная трансформация общества, начавшаяся во второй половине XX в. и продолжающаяся по сей день, затрагивает все сферы жизнедеятельности человека и влечет за собой изменение норм и ценностей в сознании людей, а также моделей их поведения. Значительное развитие и укоренение подобного рода перемены получили в XXI в. под влиянием стремительного процесса повсеместной интернетизации различных видов деятельности. Именно благодаря данному фактору начало XXI в. характеризуется распространением и популяризацией так называемых sharing-отношений, которые трактуются чаще всего как старые социально-экономические практики совместного использования различных благ в новом технико-технологическом оформлении. В статье анализируются существующие формы sharing-отношений в финансовой сфере, а также тенденции их развития.

Ключевые слова: sharingeconomy; шеринг; краудфандинг; краудлэндинг; краудинвестинг

Для цитирования: Борковская Е. И. Финансовые инструменты в контексте развития sharing economy. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):176-180. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-176-180

Financial Instruments in the Context of the Development of the Sharing Economy

E. I. Borkovskaya

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2853-2557>

ABSTRACT

The innovative transformation of society, which began in the second half of the XX century and has affected all spheres of human life up until today, entails a change in norms and values in the minds of people and the patterns of their behaviour. Significant development and rooting of such changes occurred in the XXI century under the influence of the rapid process of widespread "internetisation" of various types of activities. Thanks to this factor, the beginning of the XXI century is characterized by the popularization of so-called sharing-relations. This type of relations is often interpreted as old socio-economic practices of sharing various benefits in a new technical and technological design. The article analyses the existing forms of sharing relations in the financial and investment sphere of society and the trends of their development.

Keywords: sharing economy; sharing; crowdfunding; crowdlending; crowdinvesting

For citation: Borkovskaya E. I. Financial instruments in the context of the development of the sharing economy. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):176-180. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-176-180

Стремительный рост информационных технологий и процессы глобализации делают оценку конкурентоспособности финансовых организаций зависимой от уровня развития банков и от профессиональной компетенции банковского персонала — особенно в отношении применения новейших технологий, уровня развития ДБО (дистанционного банковского обслуживания), в чем, к сожалению, многие банки отстают, а некоторые и вовсе не желают развиваться, аргументируя такую стратегию консервативностью банковского института. Известный публицист, профессор в области анализа рисков Политехнического института Нью-Йоркского университета Насим Теллеб отмечал: «Банки — самые большие неудачники XXI века».

В современных условиях у банков появляются новые виды соперников: например, такие крупнейшие IT- и медиакорпорации, как Google, AmazonFinance, Facebook уже озаботились получением банковской лицензии, что свидетельствует о гонке в развитии новой конкурентоспособной финтехиндустрии, в которой рыночная борьба за клиента ведется вне зависимости от его статуса, пола или возраста. Таким образом, переосмысление традиционного формата и технологий предоставления финансово-банковских услуг и исследование современных возможностей финансовых технологий на базе IT приобретает наивысшую актуальность. Диджитализация финансовой сферы происходит с разной интенсивностью для отдельных ее секторов, в связи с чем в некоторые периоды времени в различных странах зарождаются и «взлетают» разнообразные финансовые техники, одну из которых хотелось бы рассмотреть более подробно. Это финансирование, альтернативное банковскому, или сфера краудфинансов («crowdfinancing»).

Сам термин датируется исследователями концом XX в., является англоязычным, и его дословный перевод звучит как «финансирование толпой». Помимо данного смыслового значения, некоторые экономисты и исследователи используют дефиниции: «прямое кредитование», «альтернативное/равноправное финансирование». Использование термина «кредитование» в стандартном его понимании с соблюдением принципов возвратности, платности и срочности, по мнению многих авторов, не полностью корректно, так как в контексте краудфинансов этот термин приобретает более широкий смысл.

В зависимости от выбора отдельных вариаций краудфинансовую деятельность можно разделить на три подвида: краудфандинг, краудлендинг, краудинвестинг. Три данных понятия являются довольно новыми для России. Появившись на рынке финансовых технологий в 2011 г., получив уже на тот момент устойчивый рост и репутацию в западных странах, они пришли в Россию и были отнесены экспертами к нетрадиционному финансовому сектору [1]. Стоит отметить, что научные публикации и публикации СМИ расходятся в определении сущности упомянутых финансовых терминов, что создает определенную путаницу в рассмотрении генезиса данных явлений, а также в анализе данных финансовых инструментов в целом.

Понятие «краудфандинг» является самым широким из трех перечисленных. Он представляет собой механизм по безвозвратному (безвозмездному) целевому привлечению/предоставлению финансов от неограниченного количества людей, направленному на реализацию конкретного проекта (продукта или услуги, мероприятия, оказания поддержки), который регистрируется на специальной краудфандинговой площадке и анонсирует целевой сбор. Нередко участники подобной финансовой инициативы (те, что размещают собственные свободные средства при помощи платформы) являются потенциальными покупателями будущего продукта или услуги, тогда их вложение можно рассматривать как своеобразную предоплату для осуществления итогового результата. Лидером данного направления в мире является краудфандинговая платформа Kickstarter, на которой успешно размещают заявки, в том числе российские компании и стартапы [2]. В России также функционируют несколько краудфандинговых платформ: Планета (лидер российского рынка), Бумстартер, Альфа-Поток, Kroogi, StartTrack и др. Интересен тот факт, что краудфандинг, по мнению некоторых экспертов, является довольно перспективным стратегическим направлением, так как банки продолжают ужесточать отбор на предоставление заемных средств и крайне неохотно сотрудничают с проектами в сфере экологии, искусства, образовательных ресурсов, благотворительных направлений, считая, что у них «туманные перспективы». Однако у каждого из перечисленных направлений есть группы стейкхолдеров, которые могут быть по ряду причин заинтересованы в развитии той или иной идеи [3].

Краудлендинг — инструмент возмездного онлайн-финансирования от одних лиц (физических и юридических) другим лицам (физическим и юридическим), осуществляемый посредством специализированной интернет-платформы, контролирующей банковские счета, бюро кредитных историй и т.д. Платформа взимает комиссию за свои посреднические услуги. Особенность платформы состоит в том, что займодателю не обязательно вкладывать все средства в один займ — можно разбить его на большое количество маленьких частей. Между тем, кто готов одолжить средства, и тем, кто нуждается в них, заключается договор, после чего краудлендинговой площадкой перечисляются средства на счет заемщика. Площадка удерживает комиссию (чаще всего с заемщика) — от 1 до 5–7%, в зависимости от срока кредитования, уровня рискованности бизнеса и т.д.

В том случае, если в платежах заемщика образуется просрочка, платформа вправе начислить пени за определенный период, а в случае утери заемщиком платежеспособности в целом дело передается в суд. Степень включенности краудлендинговой платформы в процесс возврата средств «дефолтных» заемщиков зависит от условий каждой конкретной площадки: в некоторых случаях платформа берет урегулирование таких вопросов на себя, а в остальных инвестору необходимо заниматься этим самостоятельно [4]. Схожесть краудфандинга и краудлендинга заключается в минимальных пороговых суммах, которые могут вносить участники.

В посвященной финансам литературе упоминаются три вида краудлендинга: от физического лица к физическому лицу — «P2P», от физического лица к бизнесу — «P2B», от бизнеса к бизнесу — «B 2B».

На начало 2020 г. в России успешно функционировали следующие платформы: АтомИнвест, AvalonTechnologies, JetLend, Karma, ПОТОК, МодульДеньги, СберКредо, OzonInvest, ГородДенег, репенза. Часть данных платформ приостановила свою деятельность в 2020 г. (СберКредо, OzonInvest). В СМИ это анонсировалось как период доработки механизмов действия и методик развития, о полном прекращении деятельности упомянутых компаний сообщений не было. Согласно данным, опубликованным Центробанком в конце 2019 г., объем краудлендингового рынка России был порядка 16–18 млрд руб. в год, что составляет менее 0,2–0,5% от общего объема

кредитования малого и среднего бизнеса [4], на сегмент которых приходится 96% всех краудлендинговых средств [3].

Последним альтернативным финансовым инструментом является краудинвестинг (в некоторых источниках его называют также «акционерный краудфандинг»), который объективно признается наиболее рискованным из всех методов. Отличительная особенность и преимущество для займодателя этого способа финансирования заключается в запросе на часть будущего продукта с участием в акционерном капитале. Крупные инвесторы нередко отслеживают развитие профинансированных ими проектов в коммерческих целях: пытаются выкупить большую часть акций для полного контроля развития проекта или клонируют проект, имея достаточную информационную обеспеченность о развитии прототипа [1].

По сравнению с краудфандингом вход на рынок краудинвестинга имеет более высокие пороги, а суммы инвестиций возрастают в разы, как и уровень доходности, и виды привилегий от участия. Единого мнения о данном инвестиционном секторе в научной литературе не сформировалось, однако многие эксперты говорят о многочисленных барьерах в его развитии на российском рынке, таких, как особенности менталитета и низкий уровень финансовой грамотности населения, а также объективные проблемы в законодательной базе, регулирующей отношения подобного рода.

Все краудфинансовые платформы могут интересовать инвесторов как возможность получения сравнительно высоких (относительно банковских депозитов) ставок: от 12 до 30–33% годовых в случае использования доходных краудфинансовых технологий (краудлендинг или краудинвестинг) против 4–6% в случае использования стандартных консервативных банковских продуктов (средние ставки по банковским депозитам в 2021 г.). Но в высокой доходности кроется и главный минус краудлендфинансов — повышенные риски. С другой стороны, критическое снижение депозитных ставок, напрямую зависящее от динамики ключевой ставки, которая продолжает снижаться, и низкая эффективность механизмов кредитования отдельных категорий заемщиков (чаще всего, малого и среднего бизнеса) могут выступать достаточным драйвером для распространения доходных краудфинансовых технологий.

Кроме того, с 1 января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция), который (несмотря на отсутствие самого термина в названии) также называют «Законом о краудфандинге/краудлендинге» (в СМИ встречаются оба варианта). В Федеральном законе прописаны правила по привлечению средств и правовые основы деятельности специализированных интернет-площадок, выступающих посредниками. С момента принятия закона формировать средства для развития проектов смогут только сообщества, включенные в специальный реестр Банка России. Считается, что принятие закона должно простимулировать развитие альтернативного финансирования в России. К сожалению, аналитиками уже неоднократно было отмечено, что документ содержит достаточное количество пробелов и проблем, которые требуют доработки, оставаясь пока нерешенными¹ [5].

Помимо описанного законодательного шага, есть еще один, который, хоть и косвенно, но может повлиять на развитие мотивации участников финансового рынка по обращению к новым альтернативным формам финансирования. С 1 января 2021 г. налогом на доходы физических лиц со стандартной ставкой в размере 13% теперь облагается сумма доходов с процентов по вкладам, которая превышает проценты с 1 млн руб. по ключевой ставке Банка России². Разложить совокупную сумму в несколько банков во избежание взимания налога — неверная стратегия, так как в ФНС по итогам года все банки предоставят отчет, и расчет налога будет производиться для каждого гражданина по сумме всех его средств. В случае с валютными вкладами сумма будет пересчитываться в рублях по официальному курсу ЦБ РФ на дату выплаты дохода.

¹ Гарант.ру. Подписан закон о краудфандинге. URL: <https://www.garant.ru/news/1286637/>.

² Государственная Дума Российской Федерации. Принят закон о НДФЛ на проценты по вкладам. URL: <http://duma.gov.ru/news/48190/>.

С момента анонсирования данного нововведения в отношении НДФЛ в российское законодательство ситуация складывается крайне неоднозначная: с одной стороны, по понятным причинам наблюдается тенденция оттока вкладов с депозитов, ставки которых и так едва перекрывали инфляцию. По средним расчетам, оставить вклады будет выгодно (насколько это возможно) только тем, у кого они не превышают сумму от 1 до 1,5 млн руб. Тем же, у кого накоплены сбережения на большую сумму, стоит задуматься об иных, более доходных инвестиционных активностях, которые выгоднее, однако предполагают существенные риски и требуют не поверхностного понимания процесса, а глубоких знаний финансового рынка, повышения уровня финансовой грамотности или обращения к посредникам, например брокерам (что также предполагают расходы на комиссионное вознаграждение). С другой стороны, по результатам исследования, проведенного информационным порталом газеты «Известия» [6], крупнейшие банки РФ (Сбербанк, Альфа-банк, ПочтаБанк, ВТБ, Промсвязьбанк, Райффайзенбанк) зафиксировали существенный рост спроса на инвестиционные продукты, учащение открытия брокерских счетов. Банки стараются соответствовать спросу и разрабатывают комплексные продукты, при покупке которых часть денег хранится на депозите, а часть вложена в ценные бумаги по примеру индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС), таким образом «убивая двух зайцев», комбинируя консервативный банковский депозит и более доходные инвестиционные инструменты. Однако удастся ли сохранить подобную тенденцию или нет, будет зависеть от результатов доходности выбранных инвестиционных продуктов. Стоит отметить, что существует мнение о том, что категорического ухода от вкладов ожидать не стоит, потому что, несмотря на низкую доходность, — это почти единственный способ сохранения сбережений, так как вклады застрахованы АСВ (Агентством по страхованию вкладов), и это дает гарантию на возвращение средств даже при банкротстве банка или иных негативных событиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмадиева М. С. Краудфинансы, состояние и перспективы развития на современном этапе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfinansy-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-na-sovremennom-etape>.
2. Сироткин А. С. Диджитализация и краудфинансы: особенности и перспектива в сфере финансовых технологий. *Вопросы инновационной экономики*. 2019;9(4):1661–1676. DOI: 10.18334/vinec.9.4.41453

3. Седелников С. П. Коллективное финансирование инноваций — современное состояние и перспективы краудфандинга. *Креативная экономика*. 2015;9(4):495–508.
4. Раксина А. Щедрость толпы. Что такое краудлендинг и сколько на нем можно заработать. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7410857>.
5. Лопатин А. Краудлендинг переходит под контроль ЦБ. Что участники рынка думают о новых правилах? URL: https://finance.rambler.ru/other/44417664/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
6. Арапов В. Капитал и вложения: банки увидели взрывной спрос на инвестпродукты. URL: <https://iz.ru/1042055/vadim-arapov/kapital-i-vlozheniia-banki-uideli-vzryvnoi-spros-na-investprodukty>.

REFERENCES

1. Axmadieva M. S. Crowdfinance, state and development prospects at the present stage. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfinansy-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-na-sovremennom-etape>. (In Russ.).
2. Sirotkin A. S. Digitalisation and crowdfunding: features and prospects in financial engineering. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Issues of innovative economy*. 2019;9(4):1661–1676. (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.9.4.41453
3. Sedelnikov S. R. Collective financing of innovations — the current state and prospects of crowdfunding. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2015;9(4):495–508. (In Russ.).
4. Racsina A. The generosity of the crowd. What is crowdlending, and how much you can earn from it. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7410857>. (In Russ.).
5. Lopatin A. Crowdlending comes under the control of the Central Bank. What do market participants think about the new rules?? URL: https://finance.rambler.ru/other/44417664/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed on 18.09.2021). (In Russ.).
6. Arapov V. Capital and Investment: Banks saw an explosive demand for investment products. URL: <https://iz.ru/1042055/vadim-arapov/kapital-i-vlozheniia-banki-uideli-vzryvnoi-spros-na-investprodukty>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Игоревна Борковская — студентка 2-го курса магистратуры Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
katrin_borkovskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina I. Borkovskaya — 2nd-year MSc student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
katrin_borkovskaya@mail.ru

Статья поступила 20.05.2021; принята к публикации 15.06.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.05.2021; accepted for publication on 15.06.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.